

Т.Г.Зураев

Проблемы,
сдерживающие развитие советского общества на пути к коммунизму
(1986 г.)

Содержание

Глава 1 Политика и наука

Глава 2 Методологические ограничения

Глава 3 Великая (основная) задача социализма

Глава 4 К.Маркс об основной задаче социализма

Глава 5 Решение основной задачи социализма В.И.Лениным.

Глава 6 КПСС и основная задача социализма

Глава 7 Научный коммунизм

Глава 8 Политическая экономия

Глава 9 Математика и экономика

Глава 10 Что делать?

Никто не может нас погубить,
кроме наших собственных ошибок.
В.И.Ленин (ПСС, т.42, стр.249)

Глава 1 Политика и наука

Предшествующая историческая практика учит, что революционное преобразование общества, когда созрели объективные условия, зависит, главным образом, от решения задачи «Политика и наука». Политика, независимо от ее классовой сущности, вырабатывается на основе двух развивающихся факторов: объективного и субъективного. Наука относится к субъективному фактору и представляет собой отражение объективной реальности с той или иной «степенью точности» в головах людей. Динамика развития общественной реальности существенным образом зависит от вырабатываемой обществом политики. Роль науки для практики определяется мерой ее воздействия, влияния на политику, мерой доверия политике. Речь, конечно, идет не только о философском понимании данного вопроса, а о конкретном его приложении к революционному преобразованию общества. Конечно, прежде чем прикладывать что-то к чему-то, необходимо как следует осознать, как то, к чему надо прикладывать, так и то, что прикладывать. Практическая значимость данной задачи прямо пропорциональна теоретической зрелости понимания самой задачи. Политика и наука представляют собой диалектическое противоречие, понимание которого далеко неудовлетворительное. Последний факт, к счастью, признают сегодня философы. В учебниках вроде бы все излагается и систематизируется ... законы и категории ... И тем не менее чувство неудовлетворенности остается. Прежде всего тем, что диалектика излагается далеко не диалектически. Мир един. Чтобы познать его, необходимо разложить его по «полочкам» (по законам, категориям), — что представляет полупознание. Познание же требует восстановления мира в понятиях в целом, понять, как функционируют описываемые законы в совокупности. Ученые много пишут и говорят о системе законов и о системном подходе. Но что мы имеем на практике? До сих пор большая часть ученых-обществоведов делится на две большие группы:

- 1) «объективистов», которые положение об объективности законов общества отождествляют с положением о том, что эти законы не могут быть созданы и, следовательно, не могут быть уничтожены и
- 2) «субъективистов», которые положение о том, что особые законы общества (общественно-экономических формаций) с необходимостью уничтожаются и создаются активной частью общества приравнивают к положению о произвольном «творчестве» и «нарушении» законов.

Это указывает не только на трудности изменения современной реальности, но прежде всего на то, как ее объяснить.

Признаком становления науки считается наличие попыток объяснить различные явления реальности.

Признаком зрелости науки является умение объяснить совокупность факторов в целом, находить в самой реальности объективную необходимость ее изменения, возможность давать рекомендации по преобразованию реальности, предсказывать последствия тех или иных преобразований до их реализации на практике.

Признаком становления научных работников является дискуссия, спор между ними.

Признаком зрелости научных работников считается не только их умение кратко описать точку зрения противника, указать на ее несостоятельность, но указать объективные условия, определяющие точку зрения противника. Ведь объективное бытие накладывает определенный отпечаток на наше сознание.

Наши ученые-экономисты часто вступают в жаркие споры между собой. Но никто из них даже не пытается объяснить причины существования принципиально различных точек зрения. Политическая подоплека такова: в СССР отсутствуют объективные условия для принципиальных разногласий. Получается парадокс: ученые признают материализм, существование принципиальных разногласий, но не признают объективную основу для таких разногласий (отрицают материализм). Здесь нет смысла останавливаться на том, как данный парадокс на практике разрешается.

Признаком существования коммунистической политики является требование — исходить из реальности со всеми ее плюсами и минусами, подходить к любому вопросу всесторонне.

Признак зрелости коммунистической политики — это умение объяснить поведение ученых, увязывать его с объективной реальностью и господствующей в данный момент политикой. Например, большая часть экономистов делится на «товарников» и «нетоварников» в зависимости от их отношения к товарно-денежным отношениям в СССР. Между двумя группировками нет недостатка во взаимных обвинениях. Крайние «товарники» обвиняют «нетоварников» в схоластике, в оторванности от реальной жизни, от ее базиса. Напротив, крайние «нетоварники» обвиняют «товарников» в узком, голом эмпиризме, в вульгарном материализме. Что же касается более умеренных с той и с другой стороны, они сходятся на компромиссном решении вопроса о товаре, договорившись о его новом содержании. Видимо тезис о существовании товарно-денежных отношений в СССР удовлетворяет «товарников», а тезис о новом их содержании — «нетоварников». Точка зрения «умеренных» наиболее ярко выражена в статье В.А.Медведева, считающего, что противоречие между непосредственно общественным трудом и товарно-денежными отношениями есть основное противоречие социализма (Вопросы философии, 8, 1984). Но несмотря на буферную политику «умеренных», борьба между «товарниками» и «нетоварниками» не прекращается. Между тем, ни одна из сторон не пытается объяснить причины существования различных точек зрения. Почему это так? Почему имеет место упомянутый выше парадокс? Может быть экономисты не созрели как специалисты? Это отчасти имеет место. Но не это главное. Главное в том, что такая попытка понять объективные причины существования разногласий ведет как «товарников», так и «нетоварников» к отрицанию существования экономического базиса социализма в СССР, т.е. к отрицанию общего отправного пункта.

Предположим, что «нетоварники» решили объяснить объективные условия существования точки зрения «товарников». «Нетоварники», расширив свой кругозор, обнаружат вскоре, что точка зрения «товарников», безусловно, имеет объективную основу, что товарно-денежные отношения существуют реально, воспроизводятся в каждом производственном цикле. А это значит: «нетоварники» либо как ученые склонят свои головы перед «товарниками», признав свою ошибку, либо, оплодотворяя свою ученость гражданственной честностью и смелостью, заявят, что экономический базис социализма еще не построен, признав таким образом главную ошибку как «товарников», так и «нетоварников». Возможно, нашлись бы смельчаки среди «нетоварников», готовые признать не только свою ошибку, но и ошибку «товарников». Но такое признание связано с другим — с признанием, что партия свои планы строила и строит последние 50 лет, исходя из ложной оценки действительности. Подвергнуть критике политику самой благородной партии не всякий ученый осмеливается. Для этого ведь требуется знание не только факта отсутствия экономического базиса социализма, но знание того, как его строить.

Предположим, что «товарники» решились выяснить объективные условия существования точки зрения «нетоварников». К какому выводу они придут? «Товарники», проанализировав (анализировать они умеют) всю практическую деятельность партии, государственных органов и других общественных организаций и точку зрения «нетоварников», сопоставив практику и теорию, сделают следующий вывод: партия и государственные органы (за исключением отдельных лиц, число которых при неблагоприятных для дела коммунизма условиях растет) не признают ни одно из социальных последствий товарного производства, и эта объективная реальность отражается в головах «нетоварников». Далее «товарники» обнаружат причину «оторванности» «нетоварников» от реальной жизни, увидят, что «нетоварники» объявляют главным действующим лицом не реальный экономический

базис, а практическую политику партии, которая не может не отрицать последствия системы законов товарного производства, не искажать оптимальную (по соображениям экономии) форму проявления закона стоимости. После этих выводов «товарникам» придется признать, что экономический базис социализма еще не построен, что окольным образом (т.е. своей практической деятельностью) признаёт сама партия, указав тем самым на теоретические ошибки партии.

Одним словом, каждая из сторон увидит ту скрытую реальность, которой не хватает для понимания реальности в целом, сделает вывод, что современная реальность есть единство двух непримиримых противоположностей: социалистической политики плюс полусоциалистической надстройки, с одной стороны, и несоциалистического экономического базиса, — с другой стороны. Здесь тоже имеет место диалектическое противоречие. Однако конкретное содержание данного противоречия не укладывается в урезанную форму диалектики: единство и борьба, взаимоположение, взаимоисключение сторон. Данная формула достаточно объемно описывает развитие устойчивых эволюционных отношений. Но как быть, когда одна система противоречий неизбежно погибает, а другая ее замещает? Ведь революция не уничтожает эволюцию. Следовательно, эволюционная формула диалектического противоречия в период революции имеет место. Но этим дело не ограничивается. Применительно к нашей действительности эволюционная формула диалектики ограничена. Несоциалистический экономический базис и политическая надстройка социализма, безусловно, составляют единство, но между ними ведется и борьба, исключая друг друга. Как видим, многие положения эволюционной формулы справедливы. Но одно положение — взаимоположение, взаимообусловленность не выполняется. «Этого не может быть, — скажет знаток диалектики, — без взаимоположения нет диалектического противоречия». Это, отчасти, верно. Однако давайте в этом главнейшем методологическом вопросе разберемся.

Несоциалистический экономический базис, безусловно, полагает, обуславливает надстройку. Но какую? Естественно несоциалистическую. А реально господствует социалистическая политика и полусоциалистическая надстройка. В переходный период надстройка не может быть полностью социалистической. Это принципиальный момент. В переходный период надстройка опирается на реальный несоциалистический экономический базис и социалистические цели, как на законы. Несоциалистический экономический базис исключает политическую надстройку социализма, а полагает несоциалистическую надстройку, стремится превратить полусоциалистическую надстройку полностью в несоциалистическую. И этот процесс протекает независимо от воли и сознания, независимо от того, осознают ли участники его или нет. С другой стороны, полусоциалистическая надстройка при господстве социалистической политики стремится укрепить свой собственный базис, совершенствовать его. Но реально имеет место несоциалистический экономический базис, который, укрепляя свою надстройку, подрывая ее социалистическую суть, вновь и вновь испытывает социалистическую политику на прочность, обрушивая на нее удары со всех сторон. Политический строй социализма каждый раз, обнаружив, что на практике право общественной собственности не реализуется, точнее, реализуется весьма скверно, вновь и вновь выдвигает требование разработать условия реализации общественной собственности. Политика (социалистическая) недвусмысленно напоминает тем элементам, чье поведение сформировано несоциалистическим экономическим базисом, что стремление поживиться за чужой счет не пройдет, что поднявший сегодня меч на идеалы социализма от меча и погибнет.

Все эти трудности (вопрос о революционной формуле, диалектике) некоторые философы обходят путем отождествления социалистической революции со взрывом. Продолжительность протекания процессов при этом представляется бесконечно малой или даже равной нулю. Что служит как бы оправданием того, чтобы не изучать пристально сложнее процессы перехода от одной системы к другой.

Борьба между несоциалистическим экономическим базисом и социалистической политикой идет не на жизнь (как при эволюции), а на смерть.

Заметим, что если для уничтожения политического строя социализма не требуется осознание реальности (напротив, чем больше глупостей, самобахвальства — тем лучше), то водворение социалистического базиса невозможно без такого осознания действительности со всеми плюсами и минусами.

Главный наш плюс — это реальный политический строй социализма в основном, ядром которого является КПСС. Основной наш минус — это отсутствие социалистического базиса. Основная наша политическая ошибка — это непризнание нашего основного минуса, утверждение, что социалистический экономический базис функционирует.

В этих условиях живут, трудятся наши ученые в области общественнознания. Нетрудно догадаться, что ученые по экономическим и политическим соображениям не заинтересованы во всестороннем научном

анализе, который неизбежно ведет к признанию нашей основной ошибки. Ограничения, наложенные политикой на уровень и форму мышления, ведут к ложным выводам в науке, а политика, которая опирается на «достижения» этой «науки», делает новые ложные заключения. И так далее. В той степени, в какой политика ограничивает науку в ее развитии, в той равно степени наука ограничивает реализацию коммунистической политики на практике, способствует ее гибели.

Основные политические ограничения на уровень и форму мышления выражаются следующими положениями ныне действующей Программы КПСС:

- 1) «Социализм победил в Советском Союзе, победил полностью и окончательно» (с.5). Эта же мысль подтверждается на с.14, 15, 19.
- 2) «В коммунистическом строительстве необходимо полностью использовать товарно-денежные отношения в соответствии с новым содержанием, присущим им в период социализма» (с.89).
- 3) «Партия исходит из того, что диктатура рабочего класса перестает быть необходимой раньше, чем государство отмирает...» (с.101).

Между прочим, для Программы КПСС характерна еще одна черта. В разделе «Наука» — ни слова о такой фундаментальной науке как политическая экономия социализма! Судя только по приведенным выше трем тезисам можно легко прийти к следующему выводу: либо партия запуталась «полностью и окончательно», либо она намерена своеобразно проверить теорию марксизма, поставив исторический эксперимент по производству классов (эксплуататорских и эксплуатируемых), частной собственности. Однако перед нами не только краткая информация о Программе КПСС в виде трех тезисов, а вся программа. Более того, перед нами практическая деятельность КПСС, что несравненно ценнее, богаче, чем ее программа. Но буржуазный мир характеризуется разделённостью, и ему незачем рассматривать дело в целом. Буржуа пользуется любым промахом коммунистов. Коммунистам, находящимся в окружении буржуазного мира, следует заботиться о деле не только в целом, но и в каждом конкретном случае — о каждом слове, букве, запятой. Только таким образом они сумеют лишить своих открытых классовых врагов возможности пользоваться промахами как серьезнейшим оружием. Но то, что думает открытый буржуа о нас — пустяки по сравнению с тем, что думают наши трудящиеся и рабочий класс капиталистического мира. Отношение последних к КПСС определяется успехами на экономическом фронте.

В чем суть упомянутых ограничений на форму и уровень мышления? Первый вывод, сам по себе, не может служить ограничением. В этом выводе, взятом в отрыве от действительности, не только нет ничего плохого, но, напротив, он указывает на то, что, наконец, вековая мечта сбылась.

Но действительная роль данного вывода обнаруживается лишь при соотнесении его с практикой.

Раз социализм победил в СССР полностью и окончательно, то все действительное — разумно, наш долг — охранять, как зеницу ока, эту действительность и пропагандировать другим странам, желающим строить социализм, наш путь. Ни одно из существующих экономических отношений не может считаться несоциалистическим, так как социализм победил полностью. А если некоторые явления нам не нравятся, противоречат духу социализма, то, очевидно, их следует объяснять не объективными, а субъективными причинами. Ведь объективные причины для негативных явлений, по предположению, отсутствуют. Субъект как бы продолжает жить по инерции без учета новых объективных условий, подчиняясь старым потребностям. Но так не может продолжаться бесконечно. Субъект не может не реагировать на новые условия.

Вот, вкратце, те первые логические умозаключения, которые вытекают из первого вывода. За ними следуют другие.

В любом случае ясно одно: определение действительности, реальных успехов в деле строительства коммунизма составляет плацдарм (фундамент) для формирования стратегии и тактики партии по дальнейшему преобразованию общества. Любая неточность по определению действительности может оказать негативное влияние на революционное преобразование общества. При этом чрезвычайно важно знать разницу (качественную) между переоценкой и недооценкой действительности. Недооценка, внося отрицательный дополнительный фактор, снижает темпы преобразования. При этом происходит своеобразный повтор, усовершенствования существующий отношений. При недооценке действительности невозможны решительные качественные преобразования по пути общественного прогресса. Здесь допустимо лишь усовершенствование достигнутого. При переоценке действительности («нескромности») возможно движение в целом только негативное. Любые попытки усовершенствовать реальную систему будут кончаться лишь новыми ухудшениями реального социализма, новыми формами его отрицания. Это указывает на принципиальное различие между погрешностями в оценке реальных успехов. С точки зрения формальной логики подобные погрешности равнозначны. Однако, в данном случае, мы имеем дело с логикой жизни.

В случае недооценки действительности, когда субъект еще не осознал самого себя, не вышел «наружу», не определил наилучшее приложение сил, объективная реальность (прогрессивная тенденция) и субъективный фактор не противостоят друг другу. Общественное сознание, отставая от реальности, тянется за ней, прогрессирует. Идеология партии, ее сознание еще находятся на стадии вызревания относительно достигнутого уровня развития «внутри» практической действительности.

В случае же переоценки реальных достижений дело обстоит иначе. Здесь идеология партии отрывается от реальности. Партия, переоценив реальность, исходит не из самой реальности, а из фикции, из мнимой реальности. Следовательно, идеология партии, ее стратегия и тактика с необходимостью отрываются от самой реальности. Все решения партии вырабатываются исходя из мнимой реальности, а прикладываются, применяются к условиям действительной реальности. И поскольку каждый раз будут обнаруживаться всевозможные неучеты как на практике, так и в теории, то неизбежны соответствующие «учеты», согласно показаниям действительности. Основным аргументом при этом будет служить довод: «как показывает практика». Движение будет происходить от предполагаемой (мнимой) реальности к действительности. Само собой разумеется, это движение будет рассматриваться как прогрессивное. Движение мысли будет отрицательным, реакционным. Менее прогрессивному состоянию общества будут приписываться свойства более прогрессивного и, таким образом, сниматься критерии прогрессивного развития. И такое движение будет протекать до тех пор, пока партия не осознает свои промахи при оценке действительности, не устранил все их последствия и не будет исходить из реальной оценки действительности с целью ее коммунистического преобразования. Два последних тезиса относительно товара и государства являются результатом такого движения.

Соотношение политики и науки выражается и осуществляется через оценку реальности. И политика, и наука дают оценку реальным достижениям. Но именно политика подводит итог, который выступает как закон, как требование, выполнение которого обязательно для всех, в том числе, разумеется, для научных работников. Оценка реальности играет роль условия для развития теории. Хотя научные работники (наряду с политическими работниками) участвуют в определении реальных достижений, но полноправным хозяином является политика. Политика едина, а наук пока много. Это обстоятельство делает политику хозяином дела. Оценка реальных достижений служит, косвенным образом, характеристикой деятельности центральных органов соответствующих направлений или всей партии, общества. Это очень важное обстоятельство.

В случае недооценки реальности перед наукой не возникает каких-либо новых проблем (препятствий), кроме старых. Наука по мере своего развития обнаруживает несоответствие оценки реальности, указывает руководству партии на это несоответствие. Руководство партии с удовлетворением учитывает такое замечание. Почему руководители партии и государства будут довольны тем, что им укажут на их неточность в оценке реальных достижений? Да потому, что в этом указании будет содержаться следующее, — под руководством данных руководителей достигнуты более высокие результаты, чем предполагали ранее. Здесь упрек превращается в похвалу. А кому похвала не нравится?

В случае же переоценки реальности картина прямо противоположная. Здесь развитие науки сразу же сталкивается с «указанием партии», «указанием генсека» и т.д. Замечание науки относительно неточности оценки рассматривается как попытка принизить заслуги руководства. Это обстоятельство само по себе, быть может, мелочь. Ведь у нас все коммунисты равны при формировании политики партии. Но эта мелочь с учетом реальных (товарных и государственных) отношений начинает играть огромную роль, такую, какую играет рубильник в электросети, с помощью которого приводятся в движение заводы и фабрики. Эти всевозможные «рубильники» находятся в руках руководителей партии и государства, благодаря чему они обладают реальной властью над лицами, осуществляется централизованное управление обществом. Но научный работник владеет другими рычагами, с помощью которых он может открывать или закрывать дверцы к тайнам природы и общественного бытия. Однако ученый владеет рычагами возможного движения, а политический руководитель рычагами реального (действительного) движения. А поскольку вся жизнь ученого проходит через действительность, все его потребности (материальные и духовные) могут быть удовлетворены в реальном мире, то именно ученый оказывается ведомым, а не ведущим. Ведущим является тот, кто владеет рычагами реальной жизни. Ведёт не тот, кто владеет рычагами возможных движений, а тот, кто владеет рычажками самосохранения. Поэтому ученый, если он не хочет рисковать собственными интересами, жизнью, должен нажимать на те кнопки возможного движения, которые наиболее подходят политическому руководителю. И делать это он должен добровольно с полным сознанием дела.

Ошибка (переоценка), допущенная при оценке реальности, имеет тенденцию к абсолютному возрастанию, усилению, и ведет к отрицанию существующих в науке достижений, к искажению выработанных за долгие столетия понятий. Но дело не может закончиться лишь выработкой «новых» понятий.

Сегодня на лицо непримиримое, сложнейшее антагонистическое отношение между социалистической надстройкой в целом и несоциалистическим экономическим базисом. Это противоречие усугубляется тем фактом, что оно не признается. И такое непризнание льет воду на мельницу базиса против надстройки. Базис всегда одинаково активен, равномерно, методично уничтожает чужую надстройку, обуславливает свою. Несocialистический экономический базис уничтожает социалистическую надстройку, обуславливает свою несоциалистическую надстройку, реальное существование которой партия признает косвенным образом, отвергает ее путем осуждения культа личности, волюнтаризма, попустительства. Что касается функциональной деятельности социалистической надстройки, то здесь дело значительно сложнее, менее ясное. Политический строй социализма по отношению к реальному экономическому базису занимает двойственную позицию: и полагает, и отрицает. Отрицанию подвергаются не сами экономические отношения (они признаются социалистическими), а следствия (взяточничество, спекуляция, воровство, и т.д.). Политический строй социализма не исключает возможность возврата к обществу господ и рабов с одной стороны, а с другой стороны ведет беспощадную борьбу против непрерывно возникающих господ, давая широким массам возможность осознать свое собственное бытие.

Но одновременно партия, хочет того она или нет, с помощью ограничения 1) — вывода о построении социализма в СССР, — создает потенциальную возможность возникновения специалистов буржуазного толка, а с помощью ограничений 2) и 3) — способствует уничтожению марксистов-ленинцев, идет к самоубийству.

Партия выдвигает следующие три логически противоречивых требования:

- 1) исходить из объективной реальности;
- 2) из признания, что экономический базис построен в СССР;
- 3) из признания марксизма-ленинизма как научной основы.

Но не трудно убедиться в том, что признание первых двух требований допускает возможность исключения третьего требования. Это в том случае, если второе требование является результатом переоценки реальности. И напротив, первое и третье требования допускают возможность исключить второе требование. Научные работники находятся в таких условиях, когда они должны творить, но не имеют права творить. В результате рождается лжетворчество.

Для того, чтобы покончить с застоём, шараханием из одной крайности в другую, надо снять либо второе требование, либо третье требование. Снятие второго требования равнозначно тому, что партия решила продолжить строительство социализма, которое было прервано после XVII ее съезда. Снятие третьего требования равнозначно гибели коммунистической партии и началу активного восстановления классового общества, его надстройки путем снятия политических ограничений на функционирование экономических законов буржуазного общества, снятия ограничений на распределение материальных благ, сведению этих ограничений к «естественным»: к минимуму стоимости рабочей силы для рабочего класса и максимуму прибыли для кучки лиц. В эту кучку намерены, видимо, попасть и те специалисты, которые с лакейской услужливостью выходят с предложениями об уничтожении завоеваний социализма. Суть всех этих предложений сводится к снятию всевозможных ограничений на функционирование законов товарного производства. В теоретическом плане в этих предложениях нет никакой новизны. И сегодня теоретически восстановить капитализм в тысячу раз легче, чем построить социализм. Для этого достаточно устранить политические ограничения на распределение, на законы товарного производства, осуществить полный хозрасчет на основе стоимости как это предлагает Г. Попов (Экономические науки, N 9, 1984).

Специалисты буржуазного толка, которые не могут представить экономику без функционирования закона стоимости, управление обществом без государственного аппарата и которые по существу не понимают ни суть закона стоимости, ни сущность государства, козыряют нашими недостатками не для того, чтобы найти действительные причины, способствуя тем самым снятию второго требования о признании существования экономического базиса социализма, а напротив, для того, чтобы окончательно покончить с идеями марксизма-ленинизма или, по крайней мере, отложить их осуществление на неопределенное время, но что, в конечном счете, одно и то же.

Наша реальность сегодня как никогда сурова. Вопрос стоит так: быть или не быть социализму. От этого зависит движение к коммунизму. От этого в решающей степени зависит быть или не быть

человечеству. А все это зависит от разрешения дилеммы: честь мундира или марксизм-ленинизм, коммунистическая партия, политический строй социализма.

По экономическим соображениям (в силу необходимости повышения эффективности труда), если мы не снимаем упомянутые выше ограничения на форму мышления, рано или поздно возникнет жёсткая необходимость (она уже настала) снятия политических ограничений на функционирование несоциалистических экономических законов. Это необходимо, неумолимо. Многие экономисты проповедуют данную истину под девизом: экономические законы надо соблюдать. Но соблюдать законы товарного производства, а других наши экономисты большей частью не знают, — это значит открыть ворота капитализму, покончить с политическими завоеваниями социализма. Виновником нарушений экономических законов товарного производства является политический строй социализма. И эти нарушения, которые некоторыми экономистами выдаются за новое содержание товара, являются предвестником предстоящего революционного преобразования экономического базиса. Перед партией ежедневно, ежечасно будет вновь и вновь воспроизводиться дилемма:

- либо осознать и признать, что экономический базис социализма еще не водворен и снять политические ограничения на уровень и форму мышления, восстановить марксизм-ленинизм по существу, защитить это учение от дальнейшего опошления и продолжить строительство социализма,
- либо постепенно (решительно не получится: рабочий класс сметет партийную и государственную верхушку) ослабить политические ограничения на законы товарного производства (частной стоимости), сопровождая это заявлениями о благе народа.

Середины не было, нет, и не будет, — середина работает на буржуазию. Вперед к коммунизму или назад к капитализму. Другого пути нет, и не будет.

Глава 2 Методологические ограничения

Политика вырабатывается на основе понимания, во-первых, существующей реальности, во-вторых, теоретических достижений. Политика непосредственно опирается не на реальность и теорию, а на их понимание людьми, формирующими политику. Теория, конечно, не является простым отражением реальности. Теория обладает способностью предсказывать будущую (возможную) реальность, и в этом заключается ее главная экономическая целесообразность. Но для того, чтобы теория выполняла свою главную роль, она должна достаточно адекватно отражать современную реальность со всеми ее тенденциями, законами. Прежде, чем изменить мир, надо объяснить его. Достижение главной преобразовательной цели определяется тем, насколько точно теория отражает современную действительность. Наука тем более способна предсказывать будущее, чем точнее она отражает современную действительность, которая содержит в себе в зародышевой форме будущее состояние. Теория, которая достаточно адекватно отражает современную реальность, включает в себя ближайшие задачи возможных преобразований реальности, доказательство существования решения задач, средства их решения, критерии (признаки) существования решения. Эти хорошо известные положения составляют азбуку всякой твердо ставшей на ноги теории. Марксизм-ленинизм удовлетворяет всем этим положениям. В связи с этим следует заметить, что, во-первых, всякий, кто желает решить конкретную задачу, удовлетворяющую условиям данной теории, должен придерживаться тех признаков решения, которые изложены в этой теории. Или, если по каким либо соображениям более удобно использовать другие признаки, то следует доказать, что новые признаки по своему содержанию адекватны старым. В противном случае новые признаки существования решения задачи ставят под сомнение саму теорию, ее логичность, а вместе с ней сомнительной становится решаемая задача. А раз сомнительна сама задача, то бессмысленно сочинять новые критерии существования решения задачи.

Во-вторых, всякий, кто намерен воспользоваться плодами общей теории для разработки методики решения конкретной задачи, обязан, прежде всего, выяснить вопрос о принадлежности данной задачи по своему характеру к классу задач рассматриваемой теории. Это принципиальная сторона. Изменения характерных условий задачи недопустимы. Это фактически — подмена задачи. В случае подмены бесполезно ссылаться на общую теорию, пытаться воспользоваться ее критериями существования решения задачи.

Все это общие, так сказать, азбучные истины методологии. Однако именно с пониманием и применением азбучных положений на практике (при выработке политики партии, разработке вопросов исторического материализма, политической экономии социализма, научного коммунизма) связаны наши недостатки.

Общая задача о построении социализма (коммунизма), вытекающая из марксизма-ленинизма, может быть сформулирована следующим образом: преобразовать все общественные отношения в соответствии

с уровнем и характером производительных сил. Признаком законченности решения является отсутствие товара и государства и значительно более высокие, по сравнению с капитализмом, темпы роста эффективности общественного труда. Вся теория марксизма-ленинизма посвящена решению данной задачи, конкретизации, разложению ее на составные части, разработке методов решения составных частей задачи. При этом следует заметить, что расчленение задачи на составные части не сопровождается расчленением свойств задачи. Напротив, свойства общей задачи являются целиком и полностью свойствами конкретных задач. Различие состоит в разнообразных формах, способах проявления общих свойств. Например, процесс создания новых отношений, исключаящих товар и государство, является общим для всех фаз развития общества от капитализма к социализму (коммунизму). Различие определяется мерой и способами отрицания товара и государства. Сегодня товар и государство отрицаются практической политикой партии, завтра к этому способу прибавится теоретическое отрицание, а послезавтра — экономическое (на практике) отрицание. После чего необходимость отрицания товара и государства отпадает вместе с их исчезновением.

Тот, кто не понял это положение марксизма-ленинизма, не понял главное в этом учении, тот не может воспользоваться богатством исторического опыта революционных партий для построения социализма. А ведь есть еще специалисты, которые проблему отрицания товара и государства (что равнозначно проблеме строительства социализма) относят на неопределенное будущее, которое они называют коммунизмом. Подобное отношение к товару и государству направлено на подмену задачи научного коммунизма, указывает на уход от очень и очень трудных, но благородных задач теории и практики строительства социализма.

Отрицание товара и государства есть общее свойство и условие решения задач социализма (коммунизма) на всех фазах его строительства. Там и тогда, где и когда не выполняется это условие, прерывается движение к коммунизму. Почему? Капитализм по Марксу последняя антагонистическая формация, т.е. самая развитая форма классового общества. Всякое классовое общество состоит из товарных и государственных отношений, т.е. товар и государство (частная собственность и первичное отрицание частной собственности — эксплуатация) составляют его характерные отношения. Социализм (коммунизм) как последующая формация не может сменить капитализм, не сменив его основу (товар) и методы управления производством, общественными процессами (государство). Основное общее противоречие классовых формаций представляет собой противоречие между товаром и государством. Единство и борьба товара и государства (утверждение и отрицание частной собственности) есть общий закон развития классового общества. Конкретные формы проявления этого противоречия выступают в виде особых, основных, определяющих законов конкретных классовых формаций. Социализм, как особенность, отрицает непосредственно капитализм. Социализм, как представитель бесклассовых формаций, отрицает всякое классовое общество. Короче, социализм отрицает не только капитализм, но всякую другую возможную общественно-классовую формацию. Это надо иметь ввиду хотя бы для того, чтобы случайно не перепутать, например, феодально-деспотическое общество с социализмом на том основании, что там нет капитализма. Одним словом, товар и государство суть имманентные отношения всякого классового общества (а где классы, там эксплуатация). Непонимание этого момента указывает на непонимание главного в марксизме-ленинизме и является причиной основных методологических недостатков.

Относительно разговоров по поводу нового содержания товара и государства следует заметить, что эти разговоры имеют под собой реальную общественную почву. Такой почвой является единство политической надстройки и несоциалистического экономического фундамента. Несocialистический экономический фундамент (единство товара и государства) существует, его может не видеть только слепой. А с другой стороны, существует социалистическая надстройка, которая ежедневно, ежечасно, ежеминутно доказывает на практике свою враждебность к последствиям товара и государства, но которая еще не поднялась до теоретического понимания своей собственной практики. Вот это стремление отрицать сущность товара и государства в совокупности с реальным существованием товара и государства преподносится за новое содержание товара и государства.

Существенный недостаток такого неразборчивого взгляда на действительность заключается в том, что, с одной стороны, он недооценивает роль реальной политической надстройки социализма, не может использовать ее как рычаг для революционного преобразования экономических отношений, а с другой стороны, путем приписывания товару и государству тех заслуг, которые принадлежат по праву социалистической надстройке, обеляет фундамент всякого зла. Ученые, разделяющие такую расплывчатую точку зрения, не могут указать партии ни точку, куда следует приложить усилие, ни рычаг, с помощью которого можно многое изменить. Если первая часть данного взгляда связана с внутренней политикой, то вторая его часть выходит за рамки страны и оказывает услуги буржуазной

идеологии. Действительно, если можно говорить о новом содержании товара и государства, то почему нельзя говорить о новом содержании капитализма? Если можно говорить о социалистическом характере товара и народном государстве, то почему нельзя говорить о народном, социалистическом характере капитализма? Если Маркс и Энгельс, как полагают некоторые ученые, ошиблись, не смогли предвидеть сохранения товара и государства при социализме, то почему они не могли допустить еще одну ошибку? Например, Маркс и Энгельс не предвидели, что при социализме будет царствовать капитал. Выходит, и здесь они ошиблись.

Если бы дело ограничивалось разговорами, то не следовало на это обращать внимание. Однако эти разговоры о новом содержании товара и государства путем размазывания качественных понятий нацеливают (хотят авторы или нет) на идеологическую обработку и подготовку масс для возрождения буржуазного общества в СССР. Эти разговоры, к тому же, подкрепляются реальным функционированием капитала. Роль банковского капитала играют около 200 млрд. рублей сбережений советских граждан. От 4 до 6 млрд. рублей национального дохода (львиная доля его идет на покрытие процентов) превращается в прибыль для вкладчиков. Роль капитала играют (в усеченном виде) должностные оклады, пропорционально которым устанавливаются премии. Это официально признанная и одобряемая часть функционирования капитала. Но капитал функционирует и неофициально, вопреки всем запретам. Благодаря нашим чекистам мы узнаём о функционировании производственного капитала. Что же касается таких древнейших форм эксплуатации как спекуляция и взяточничество — о них знает каждый на своем опыте или опыте своих друзей.

Если целью основной задачи научного коммунизма является преобразование общественных отношений, а условиями — уровень и характер производительных сил, отрицание товара и государства, то признаком того, что задача решается успешно или, что еще лучше, задача решена в основном (т.е. экономические отношения, исключающие товар и государство как инородное тело, стали реальностью) являются следующие количественные признаки:

- а) рост темпов развития производительности труда;
- б) значительно более высокие темпы развития производительности, чем в самой развитой капиталистической стране;
- в) абсолютное уменьшение количества эксцессов и вытекающее отсюда следствие
- г) концентрация рабочего движения в капиталистических странах вокруг коммунистических партий.

Социализм, одерживая победу в экономическом соревновании над капитализмом, указывает рабочим капиталистических стран на программу их действий.

Ныне действующая Программа КПСС, предположив задачу социализма решенной полностью и окончательно, нацелила партию и народ на достижение конкретных результатов в области научно-технического прогресса, определило сроки достижения конкретных результатов. Что же касается конкретных сроков выполнения плана партии, надо полагать, они весьма скромные. Если бы предположение партии о построении социализма полностью и окончательно было верно, то конкретные планы партии были бы давно перевыполнены. Третья Программа КПСС, сделав ложный шаг, признав построение социализма, проигнорировав условия решения задачи социализма, сохраняет, тем не менее, признаки решения задачи (более высокие темпы развития производства, чем при капитализме и другие). Но так как в действительности задача социализма не была решена в основном (вторая Программа КПСС не выполнена), то, разумеется, признаки решения задачи социализма не спешат проявляться. В связи с чем, вполне «логично» появляется концепция развитого социализма, пытающаяся устранить эти признаки. Так, в последние годы некоторые ответственные руководители партии выступили с серьезными по форме и бессодержательными по существу заявлениями относительно того, что желаемое не следует выдавать за действительное. То, что желаемое не следует выдавать за действительное — азбучное положение для каждого разумного существа. Но зачем об этом говорить? Значит, есть причина. Трудящиеся верят (пока верят) обещаниям партии, партия верит (пока верит) своему центральному руководству. Рабочие, коммунисты спрашивают: «Почему не выполняются программные положения партии?» А им отвечают на языке умудренных философов: «Желаемое не следует выдавать за действительное», вместо того, что бы сказать: «Мы ошиблись». Люди хотят быстрее вступить в коммунистическую реальность, удовлетворить насущные материальные и моральные потребности, а им говорят: «Не спешите, не выдавайте желаемое за действительность». Но ответственные работники, жонглирующие философскими терминами, почему-то не хотят до конца вооружиться философией. Ведь первый раз желаемое было выдано за действительность на XVII съезде, второй раз на XXII съезде и третий раз на последних съездах партии, на которых заявлено о построении развитого социализма в СССР. Вот действительно, не надо выдавать желаемое за действительность.

Ныне действующая Программа КПСС утверждает, по существу, следующее: задача социалистического преобразования решена теоретически и практически. После такого заявления, естественно, решением данной задачи не занимается никто. Задача общественных наук теперь заключается в том, что бы они как можно точнее отражали реальную действительность и это отражение выдавали за развитие теории о социализме. А поскольку социализм (его экономический фундамент) еще не водворен, то такая деятельность общественных наук, хотят ли представители этих наук или нет, направлена, в целом, против основ научного коммунизма, против лучших достижений человеческой мысли.

Поведение, отдельные взгляды, общее мировоззрение людей определяются самой объективной реальностью. Реальность — самое сложное понятие. Реальный общественный строй — вот что составляет фундамент тех или иных воззрений, концепций. Фундамент один, а точек зрения по каждому серьезному вопросу много. Чем объяснить столь сильное расхождение чуть ли не по каждому конкретному научному вопросу? Причем, казалось бы, по ряду вопросов дискуссии не должно быть. А, тем не менее, дискуссия продолжается. А с другой стороны, буквально все участники дискуссии по различным конкретным вопросам проявляют удивительное единодушие, по крайней мере, формально, относительно общего вопроса о построении социализма. Правда, наиболее всесторонне развитые ученые весьма серьезно сомневаются в справедливости утверждения о построении экономического фундамента социализма в СССР. Причем подобные сомнения имели место во все времена, прорывались в разной форме, как в печати, так и в выступлениях всех шести генсеков, в особенности, последних трех. Возникает вопрос, как и чем объяснить тот факт, что ученые из обществознания, которые, во-первых, специализируются в конкретных областях знаний (следовательно, недостаточно компетентны в смежных областях), во-вторых, внутри каждой области по каждому серьезному вопросу расхождение взглядов достаточно ощутимо, единодушны по вопросу о социализме в целом? Чисто теоретически (логически) это нельзя объяснить, точнее, с точки зрения логики такое явление не логично. Однако эта нелогичность имеет место, — значит, она обусловлена объективной реальностью. И следовательно, эта нелогичность логична. Единство логичности (в конкретном) и нелогичности (в целом) — вот характерная черта поведения исследователей обществознания (да и не только обществознания). Помягче это выразится так: единство логичности (в конкретном) и доверия (в целом). Логичность в конкретном вовсе не означает безошибочность теории. Теория (конкретная) может быть неверной, но логичной. Все зависит от исходных предпосылок. Единство истинности исходных предпосылок и логичности обеспечивает достоверность концепции в целом. При господстве разделения труда у каждой составной части науки об обществе есть свои предпосылки, которые составляют границу со смежными областями знания и которые, как правило, исключаются из анализа, из предмета данной науки. Эти предпосылки и являются и не являются предметом конкретной науки, принадлежат одновременно нескольким конкретным наукам. И на практике при господстве разделения труда получается так, что представители разных наук стараются исключить свои границы, чтобы не «дразнить» соседей. В конечном счете, представители различных наук старательно исключают свои границы, перестают соприкасаться, «ссориться» между собой (что нельзя сказать относительно представителей данного класса). Условно говоря, «межвидовая» борьба между учеными исключается, остается только «внутривидовая» борьба. Внутри каждой области пишутся научные статьи, книги, ведутся горячие споры по научным вопросам. А в целом никто не может гарантировать достоверность ни одной из концепций (здесь экспериментом не проверишь исходные предпосылки). Доверие (предпосылкам) оказывается во власти случая. В этих условиях самый посредственный представитель общественных наук может оказаться властителем дум остальных представителей общественных наук.

Основная методологическая ограниченность обусловлена основной чертой современной реальности — разделением труда. Общее мировоззрение состоит из отдельных, весьма слабо увязанных, а иногда совсем неувязанных между собой частей, каждая из которых достоверна с определенной вероятностью. Попытки наших ведущих философов сделать диалектический материализм общим методом познания в каждом конкретном случае чаще всего кончаются неудачей. А некоторые философы пытаются обрисовать свои собственные «государственные» границы, замкнуться в своих «поместях», т.е. предаются своему собственному методу. В результате подобных негативных положений философы не только не способствуют рождению новых наук (а это было, есть и будет главная задача философии), но, напротив, как показывает история, иногда пытаются задушить новую науку в момент ее рождения и становления. Новая конкретная наука рождается не помимо философии, не без философии, а только с помощью философии. Другое дело, что рождению науки часто способствуют не официально признанные философы, а ученые конкретных наук, которые становятся в силу необходимости философами. И в этом случае затрагивают честь мундира официальной философии. И не потому, что

философы против новой науки, а потому, что творцы новой науки, как правило, претендуют на нечто большее, недооценивают уже существующие достижения именно в философии. Так случилось, например, с кибернетикой. Философия не может служить рождению, отделению, становлению новых конкретных наук, не объединяя все старые науки.

Общая методологическая ограниченность, основанием которой служит разделение труда, проявляется в трех моделях мировоззренческих отношений. Первые две модели отражают преимущественно одну из сторон основного (общего) противоречия классового общества между товаром и государством. А третья модель представляет собой единство первых двух.

Первая модель — это модель единого мира. Основным свойством этой модели является то, что в ней общество представляется как единый субъект с единым интересом по каждому потребительному благу. Этот субъект в разные времена назывался по разному: бог, царь, князь, государство, общество, народ. Общество, рассматривается ли оно как владелец средств производства или как производитель потребительных благ, представляется как нечто единое, неразделимое. Между обществом и государством и соответственно между общественным интересом и интересом государства (государственного чиновника) ставится знак равенства. Некоторые экономисты полагают, что субъектом собственности средств производства в СССР является государство, что таковыми не являются предприятия и люди, работающие на этих предприятиях (см. Абалкин Л., Экономические науки, N 4, 1984, с.35). В этом они видят существование общественной собственности. Другие авторы возражают такому пониманию собственности (В.Ельмеев, О.Ожерельев, Экономические науки, N 4, 1984, с.6-7), полагая, что если ни предприятия, ни работающие на этих предприятиях рабочие не являются субъектами собственности, то тогда выходит, нет хозяина, владельца, нет по существу производства. Эти противоположные точки зрения представляют преимущественно разные стороны непримиримого противоречия между социалистической надстройкой и несоциалистическим экономическим базисом. Первая точка зрения представляет примат надстройки, которая отрицает то, что производит базис — частную собственность. Вторая точка зрения выражает тенденцию, которая диктуется базисом.

Между единым собственником и общественной собственностью есть, конечно, много общего. Но различий несравненно больше. Исходя из такого понимания общества как единого владельца средств производства, невозможно понять само общество, легко можно прийти к отрицанию предмета политической экономии социализма. Если собственник един, то отношения собственности вырождаются в отношения с самим собой. Отсюда, в частности, следует невозможность понимания общества с помощью только единого критерия, поисками которого заняты многие специалисты.

В рамках данной модели применение диалектики становится весьма условным, практически невозможным. Представления о нечто едином, неразделимом есть отрицание диалектического представления. Такое мировоззренческое отношение имеет под собой реальную почву. Однако эта мировоззренческая модель отражает, главным образом, одну из противоположных тенденций реального мира и абстрагируется от другой тенденции. Данная модель отражает государство и абстрагируется от товара. Конечно, при таком понимании общественной собственности невозможно понять ни необходимости товарно-денежных отношений, ни необходимости их отрицания при строительстве социализма. Заметим, что «нетоварники» пользуются, главным образом, данной моделью, когда пытаются показать нетоварное содержание экономических отношений в СССР. Некоторые экономисты, приписывая Марксу аналогичное понимание общественной собственности, желая спасти авторитет основоположника официальной идеологии, пытаются доказать, что, исходя из общественной собственности, нельзя, мол, вывести необходимость сохранения товарно-денежных отношений. Получается, что Маркс, который якобы исходил из общественной собственности, не мог предвидеть возможность сохранения товарно-денежных отношений при социализме. Так что Маркса упрекать не за что. Но Маркс и Энгельс не нуждаются в подобных оправданиях. Напротив, они заслуживают того, чтобы у них учились понимать общество. Маркс и Энгельс такое понимание общественной собственности (= государственная собственность) называли иллюзорно-общественной. Более того, Маркс в своем «Капитале» вывел эту «общественную» собственность из анализа товарно-денежных отношений. Далее Маркс показал невозможность существования такой «общественной» собственности без того, чтобы она переходила в частные руки, без оживления товарно-денежных отношений. И данную «общественную» собственность гений пролетарского движения назвал капиталом.

Вторая модель — это модель двух лиц или равноправия, модель частной собственности (товара) или буржуазного понимания свободы. Здесь общество, независимо от того, кого мы рассматриваем в качестве двух лиц, состоит из двух частей: общество и индивид, общество и предприятие, предприятие и предприятие, коллектив и индивид, класс рабов и рабовладельцев, крепостных и феодалов, рабочих и капиталистов. Эта модель расширяет возможности применения диалектического метода. Однако

научный работник, находящийся в рамках рассматриваемой модели, не в состоянии понять необходимость отрицания товарно-денежных отношений при движении к социализму. Он искренне предан как социализму, который провозглашает принцип: «от каждого по способностям, каждому по его труду», так и товарно-денежным отношениям, закону стоимости, который не исключает принцип социализма в рамках данной модели. «Товарники», вооруженные моделью двух лиц, любое утверждение по поводу отрицания закона стоимости при социализме рассматривают как откровенную нелепость. «Товарники» бы давно теоретически расправились со своими противниками «нетоварниками», если бы не одно «но»! Это одно «но» связано с именем Маркса, который виртуозно владел моделью двух лиц и, тем не менее, пришел к выводу, что строительство социализма с необходимостью связано с отрицанием товара, закона стоимости.

Точку зрения «товарников» можно понять. Если разбить общество на две экономически нормальные части, между которыми труд поделен, и каждая из которых для воспроизводства трудового цикла нуждается в продуктах труда другой части, то кажется совершенно непонятным, нелепым исключение эквивалентного обмена, закона стоимости, что составляет необходимое и достаточное условие существования товарно-денежных отношений. Действительно, любое нарушение эквивалентного обмена приведет к эксплуатации одной части другой, т.е. как бы к нарушению социалистического принципа.

В рамках модели двух лиц нельзя решить известную задачу: «нужное обществу сделать выгодным коллективу предприятия». Эту задачу нельзя решить, прежде всего, теоретически. Ведь эквивалентный обмен (закон стоимости), предполагая противопоставление интересов двух сторон, не исключает бесконечно малое отклонение в любую сторону от равновесного состояния.

Мелкобуржуазный социализм в лице Прудона и Дюринга находился в рамках двух рассмотренных моделей. Эти две модели представляют собой не полное отражение капиталистической действительности (классового общества).

Третья модель (макромодель) объединяет две упомянутые модели. Общество рассматривается как совокупность определенного количества относительно независимых хозяйственных единиц, каждая из которых подчиняется центральному органу. Между предприятиями существуют товарно-денежные отношения. Цены на продукты труда устанавливаются центральным органом. Предприятия зависимы друг от друга и от центра. Центр же не зависит конкретно от предприятий. Вот основные положения макромоделей. В зависимости от отношения к этой модели специалисты делятся на «центристов», «децентристов», «умеренных» («устойчивых»). Ослабление функции центра в управлении производством рассматривается как усиление хозяйственной самостоятельности, экономических методов управления. И, напротив, концентрация функций, связанных с распределением средств производства, приравнивается усилению неэкономических (административных) методов.

«Умеренные» придерживаются золотой середины. Их отношение к действительности более или менее объективно отражает сущность общего противоречия классового общества между товаром и государством. Академик Островитянов, применительно к товарно-денежным отношениям, изложил данную точку зрения так: «Всеобщее развитие и всеобщее ограничение товарно-денежных отношений». Но эту формулу можно применить и к государству: всеобщее развитие централизации и всеобщее ограничение централизации (развитие децентрализации). Дело от этого не изменится. Данная модель расширяет возможности применения диалектического метода, позволяет полностью использовать основной закон диалектики применительно к обществу, исследовать всю совокупность общественных отношений классового общества, выйти на их границу и воочию осознать необходимость их преодоления, переход к отношениям иного порядка, социализма. Внутри макромоделей невозможно понять необходимость отрицания товара и государства. И то и другое можно осознать на границе совокупности отношений классового общества. Если выход из первой и второй модели ведет к макромоделю классового общества, то выход из макромоделей классового общества ведет к модели социализма.

Выход из макромоделей классового общества предполагает одновременное включение всех трех основных законов диалектики в единую систему. Конечно, данная модель полностью не абстрагируется ни от одного из законов диалектики. Ограничение товарно-денежных отношений неизбежно ведет к их развитию. Количественные изменения в процессе ограничения товарно-денежных отношений завершаются скачком их развития.

При устойчивом, «равномерном», «нормальном», «мягком» протекании общественных процессов закон «отрицания отрицания» и закон «количества и качества» играют как бы второстепенную роль. Как будто они для того существуют, чтобы обслуживать закон «единства и борьбы противоположностей». Такое течение жизни обеспечивает воспроизводство данной системы связей, отношений данного

организма. Однако такое положение дел не вечно. Законы «отрицания отрицания» и «количества и качества» с течением времени становятся господствующими, а роль обслуживания принимает на себя закон «единства и борьбы противоположностей». Последний в этот момент как будто для того и существует, чтобы давать возможность раскрыть силу и могущество первых двух. Подобное происходит не в период отрицания отдельных сторон данного противоречия, а в период отрицания самого противоречия и создания нового противоречия. Это и есть революция. Именно в этот период раскрывается могущество закона «отрицания отрицания» и закона «перехода количественных изменений в качественные». Однако это не умаляет роли закона «единства и борьбы противоположностей». Здесь закон функционирует точно так же, как и прежде, только с другими противоположностями. Взаимоисключение полностью функционирует, а взаимообусловленность равна нулю. Каждая из противоположных сторон обуславливает нечто другое, которое вместе с его «родителями» отрицается новой противоположностью. Само понимание перехода от одного объективного противоречия к другому составляет камень преткновения для некоторых исследователей. Причиной тому является, как было сказано выше, узкое понимание формулы диалектики, отождествление этой формулы с ее эволюционной частью. Особую же трудность при этом для понимания представляет переход от одного вида (антагонистического) к другому виду (неантагонистическому) противоречий. Именно перед таким переходом мы остановились и стараемся сами себя убедить, успокоить относительно нашего общественно-экономического уклада. Узкое понимание формулы диалектики в политической экономии выражается тезисом, согласно которому экономические законы не создаются (следовательно, не уничтожаются). Такая «серьезная» точка зрения явно принижает роль диктатуры пролетариата, парализует политику коммунистической партии, так как главной задачей диктатуры пролетариата и коммунистической партии является теоретическая разработка и практическое внедрение экономического базиса социализма.

Методологические трудности, связанные с выходом из макромоделей классового общества, преодолением макромоделей классового общества («товар-государство») обусловлены, во-первых, объективными причинами, реальным господством разделения труда не только в производстве материальных благ, но и в сфере науки, там, где специалисты пытаются создать модели социализма врозь, во-вторых, субъективными причинами, политическими ограничениями на уровень и форму мышления, о которых речь шла в предыдущей главе. Правда, и необходимость преодоления этих методологических трудностей обусловлена также *объективными причинами* — возрастающим общественным характером производительных сил, усложнением управления и *субъективными причинами* — наличием КПСС в центре руководства всеми общественными и хозяйственными делами.

Методологическая ограниченность проявляется, в особенности, в отношении к различным формам классовой борьбы, в замыкании в одной из них. Классовую борьбу, если иметь ввиду целевую ее сторону, можно разделить на три уровня. Первый уровень связан с борьбой классов за существование и самоопределение. Это эволюционный процесс развития классовой борьбы. Вторым уровнем определяется таким состоянием классовой борьбы, когда целью эксплуатируемого класса становится уничтожение господствующего класса, а господствующий класс стремится сохранить существующее положение дел (он не может ставить цель — уничтожить эксплуатируемый класс). Вторым уровнем классовой борьбы ведет к верхушечной революции, т.е. к завоеванию политической власти. И наконец, третий уровень классовой борьбы определяется целью уничтожения общественных отношений, порождающих классы, и целью создания бесклассового общества. Третий уровень классовой борьбы ведет к коренной революции в экономических отношениях.

Переход от одной классовой к другой классовой формации связан со второй формой классовой борьбы. Здесь революционный класс редко выходит за рамки второго уровня классовой борьбы. Только пролетариат стремится и может подняться до третьего уровня классовой борьбы.

Существование первой формы классовой борьбы делает возможной вторую форму, но еще не третью. Достижение цели во второй форме классовой борьбы делает возможной третью форму, ставит ее на повестку дня. Возможность еще не означает действительность. Первая форма классовой борьбы, пока есть классовообразующие отношения, всегда осуществляется, достигает цели, не может не достигать цели. Поэтому над эксплуататорским классом всегда висит дамоклов меч. Вторая форма всегда возможна, но не всегда действительна. И лишь тогда, когда вторая форма борьбы становится действительной, третья форма борьбы обнаруживается как возможная. Пока господствующий класс держит в своих руках основные средства производства и существования, политическую власть, наивно предполагать возможность третьей формы классовой борьбы. И тем не менее понимание необходимости этой формы борьбы определяет, с одной стороны, конечную цель пролетарского движения, а с другой стороны, без реального применения третьей формы борьбы в «малых» дозах внутри передовой части пролетариата

(коммунистической партии) невозможно достичь цели даже во второй форме классовой борьбы, не говоря уже о третьей.

Революционная партия тогда в состоянии вести за собой рабочий класс, когда ее внутренние отношения будут выше, по крайней мере, на один уровень, чем реальные отношения данного общества. Для того, чтобы партия могла объединить рабочий класс в единую организацию для успешной борьбы на втором уровне, необходимо чтобы внутрипартийные отношения соответствовали целям третьего уровня классовой борьбы. Короче, для того, чтобы вторая форма стала действительной для пролетариата необходимо, чтобы третья форма борьбы определяла поведение вождя рабочего класса. Только тогда партия может быть действительно авангардом рабочего класса, всех трудящихся масс, только тогда она в состоянии вести их к заветной цели, построению коммунистического общества. Только такая партия, которая из внутрипартийных отношений изгнала буржуазные отношения (товар и государство), является коммунистической. Ясно, что в рамках буржуазных отношений чрезвычайно трудно создать организацию (партию), члены которой между собой исключили буржуазные отношения. Это очень трудно, но это необходимо. Без этого нет, и не может быть движения к коммунизму. Движение к коммунизму предполагает наличие коммунизма хотя бы в «малой» доле внутри коммунистической партии. Эта разница между передовым отрядом и остальной частью рабочего класса представляет ту силу, которая придает действиям рабочего класса вполне определенное политическое направление. По мере роста партийной организации в окружении буржуазных отношений все труднее становится сохранение коммунистичности, разница между партией и остальной частью общества по мере количественного роста партии имеет тенденцию уменьшаться.

Последняя форма классовой борьбы включает предыдущую. И только победа на третьем уровне исключает все три формы и делает ненужной партию, как особую политическую организацию, то есть разница между партией и остальной частью трудящихся исчезает. Коммунистическая партия погибает либо путем допуска буржуазных отношений во внутрипартийные отношения, либо путем преобразования буржуазного общества в коммунистическое. В обоих случаях разница между партией и остальной частью общества исчезает.

История рабочего движения богата самыми разнообразными формами борьбы. К первой форме классовой борьбы относятся профсоюзные организации, чьи требования ограничиваются борьбой за улучшения жизненных условий, показателей существования рабочего класса, за уменьшение степени эксплуатации. К первому уровню классовой борьбы относилось такое течение в русской социал-демократии, которое получило название «экономизм». Идеологи «экономизма» открыто проповедовали разделение труда в классовой борьбе: рабочие ведут экономическую борьбу за улучшение своего быта, а интеллигенция осуществляет политическую борьбу. Из известных исторических деятелей рабочего движения к представителям второго уровня можно отнести Каутского и Сталина, которые формально не отрицали третий уровень классовой борьбы, но не придавали ему серьезного значения. Г.В.Плеханов колебался при выборе оружия для решения задач второго уровня классовой борьбы. Основными причинами такого поведения философа и революционера были сложнейшие проблемы, смысл которых он понимал, но разрешить которые он не мог. Во-первых, сохранение коммунистичности руководства, в особенности после завоевания политической власти. Во-вторых, что делать после завоевания? Плеханов-философ хотел знать решение задач всех этапов революции и тем самым препятствовал Плеханову-революционеру решать очередные задачи.

К представителям второго уровня классовой борьбы относятся и авторы третьей Программы КПСС, которые на словах не отрицают необходимость движения к коммунизму, но на деле же такую необходимость отрицают — вместо отрицания классовообразующих отношений занимают позицию их защиты и обеливания, пытаясь «влиять» в них новое содержание, сделать невозможное. Ошибка идеологов второго уровня классовой борьбы заключается в отождествлении целей второго и третьего уровней, в непонимании величайшей разницы между этими целями. Достижение цели во второй форме классовой борьбы составляет необходимую предпосылку для начала функционирования третьей формы. Так, в СССР вторая форма классовой борьбы достигла своей цели примерно к XVII съезду партии. Эксплуататорские классы были уничтожены, пролетариат города и деревни был объединен через заводы, фабрики и колхозы. Одним словом, было сделано все для того, чтобы третью форму классовой борьбы сделать действительной. Но, к сожалению, до сих пор третья форма остается лишь возможной, и не переходит в действительность. Классовая борьба вместо того, чтобы развиваться и переходить на третью, последнюю ступеньку, воспроизводится в двух первых формах и находится, как бы, в зародыше. Но это не может продолжаться сколь угодно долго. Либо партия осознает действительные достижения и продолжит строительство социализма, либо на основе классовообразующих отношений вновь прорастут

классы эксплуататоров и эксплуатируемых, и тогда третья форма классовой борьбы перестанет быть возможной.

К третьей форме классовой борьбы относится, прежде всего, учение марксизма-ленинизма. Основоположники этого учения никогда не ставили под сомнение необходимость уничтожения буржуазных отношений. Напротив, под коммунизмом (социализмом) они понимали именно процесс отрицания той совокупности общественных отношений, которая называется буржуазным обществом, процесс отрицания товара и государства. Классики марксизма-ленинизма решали, прежде всего, те жизненно актуальные задачи, которые выдвигались классовой борьбой. Маркс и Энгельс решали преимущественно задачи первой формы классовой борьбы. Благодаря решению этих задач социализм из утопии превратился в науку, стали действительными решения задач второй, наиболее острой формы классовой борьбы. В.И. Ленин, главным образом, решал задачи второго уровня классовой борьбы. Успешное теоретическое и практическое решение этих задач сделало возможным наступление третьей, наиболее «тихой», но наиболее решающей формы классовой борьбы. Основоположники марксизма-ленинизма, несмотря на то, что они не решали задачи третьего уровня классовой борьбы конкретно, установили необходимые и достаточные признаки решения этих задач, создавали и совершенствовали общий метод их решения. Такими признаками являются отрицание товара и государства, непрерывный рост эффективности общественного труда. Ставить под сомнение эти признаки на том основании, что классики марксизма-ленинизма конкретно задачи не решили — это значит поставить под сомнение весь марксизм-ленинизм, научный коммунизм, целесообразность создания партии большевиков и дела, начатого Великой Октябрьской социалистической революцией.

Глава 3 Великая (основная) задача социализма

Основоположники научного коммунизма чрезвычайно осторожно подходили к формулировке основной задачи социализма. Это, по-видимому, не случайно. Основоположники справедливо полагали, что любая формулировка, которая могла быть дана в то время, была бы не полна. Однако отсутствие академической формулировки основной задачи не означает, что она, ее сущность не содержится в работах классиков марксизма-ленинизма.

Формулировка основной задачи социализма каждый раз дается в связи с какой-либо существенной стороны будущего общества и непрерывно обогащается. Задача излагается применительно к таким конкретным вопросам, как рабочая партия, государство, диктатура пролетариата, план, обмен, распределение, способ производства и т.д. Внешне может сложиться впечатление, будто перед нами относительно самостоятельные задачи: производство, планирование, управление, распределение и т.д. В действительности, все эти кажущиеся самостоятельными проблемы являются лишь составными частями общей, неделимой задачи. Неделимость означает лишь только то, что одна часть не может быть решена успешно без успешного решения других ее частей. Конечно, общую задачу можно мысленно разделить на ее составные части и решать каждую отдельно, полагая, что другие решены или будут решены. Однако теоретическим, тем более, практическим итогом решения задачи будет синтез отдельных частей.

По словам Энгельса, социализм превратился из утопии в науку благодаря открытию двух законов:

- закона соответствия: а) производственных отношений (базиса) уровню и характеру развития производительных сил, б) правовых и идеологических отношений — базису и
- закона прибавочной стоимости.

Сущность любого из этих законов должна быть отражена при формулировке основной задачи социализма независимо относительно какой части она излагается (производства, обмена, распределения, потребления, управления). Первый закон служит средством определения цели и решения задачи (достижения цели), указывает, на что следует опереться и что следует преобразовать и в какой последовательности. Второй закон указывает нам на то, какие ошибки при решении задачи не следует делать, в какой области отношений не следует искать решения задачи социализма, помогает определить качественные критерии движения к социализму.

Наиболее общая формулировка основной задачи социализма дана в «Анти-Дюринге» Ф.Энгельса (глава «Очерк теории», с. 271-288) и в «Критике готской программы» К.Маркса. Энгельс сначала дает материалистическое понимание истории. Затем, используя материалистическое понимание истории, Энгельс раскрывает противоречия капитализма. Энгельс указывает, что

«средства производства и производство стали по существу общественными. Но они остаются подчиненными той форме присвоения, которая своей предпосылкой имеет частное производство отдельных производителей, когда каждый, следовательно, является владельцем своего продукта и выносит его на рынок. Способ производства подчиняется этой форме присвоения, несмотря на то, что он уничтожает ее предпосылку. В этом противоречии, которое придает новому способу

производства его капиталистический характер, уже содержатся в зародыше все коллизии современности» (с.274-275).

Энгельс, всесторонне раскрыв содержание основного противоречия капитализма, подводит итог:

«способ производства восстает против способа обмена, производительные силы восстают против способа производства, который они переросли» (с.280).

В этой фразе наиболее отчетливо выражена революционная формула диалектики. Способ обмена отрицается дважды, а способ производства — один раз. Эта характерная деталь указывает как на начало, так и на логическую концовку предстоящего социалистического переворота в производстве, обмене, распределении и других общественных отношениях. Первичное отрицание способа обмена заключается во все более ускоряющейся концентрации производства. Концентрация средств производства достигает кульминационной точки путем превращения их в государственную собственность. Это максимум прогресса, который может быть достигнут на основе капиталистических отношений. Но государственная собственность на средства производства, как отмечает Энгельс, не разрешает противоречия (с.283). Хотя акт превращения средств производства в государственную собственность существенно подрывает товарное производство, но не исключает, не разрешает противоречия. Такое исключение, разрешение возможно вместе с отрицанием государственной собственности на средства производства или капиталистического способа производства, против которого восстают производительные силы. Превращение средств производства в государственную собственность отрицает капиталистический обмен, но не капиталистический способ производства. Разрешение противоречия, подчеркивает Энгельс:

«может состоять лишь в том, что общественная природа современных производительных сил будет признана на деле и что, следовательно, способ производства, присвоения и обмена будет приведен в соответствие с общественным характером средств производства» (с.283).

Энгельс замечает, что

«капитализм сам указывает путь к совершению этого переворота. Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность» (с.284).

Здесь следует особо остановиться. С одной стороны государственная собственность не разрешает противоречия, а с другой стороны пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства в собственность государства. На этом замечательном месте способа разрешения диалектического противоречия, достигшего критического состояния, специалисты не очень часто останавливаются. А если останавливаются, то только на одной из его сторон, где указывается на то, что пролетариат превращает средства производства в государственную собственность. Ряд ученых, искусственно разделив формулу разрешения диалектического противоречия, оказываются вновь в плену разделения труда, не избавив ни себя, ни других от необходимости разрешить острое противоречие. Появлению такого характера заблуждения способствовала в какой-то мере легкость, ясность, простота и крылатость слога великого Энгельса, который сразу же после того, как сделал известный многим вывод о взятии пролетариатом государственной власти и превращения средств производства в государственную собственность, чрезвычайно сжато излагает революционную эпоху преобразования:

«Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство» (с.284).

Пожалуй, вот это ясное, не допускающее двойственного толкование положение Энгельса привело многих борцов за коммунизм в заблуждение. Почему и в чем заключается это заблуждение? Мы знаем, что объективная основа заблуждений — разделение труда. Рассмотрим два взаимосвязанных заблуждения, возникновению которых способствовало частичное (не системное) восприятие положений Энгельса.

Первое заблуждение сводится к отождествлению процесса отрицания частной собственности, классов, укрепления государственной собственности на средства производства с процессом введения общественной собственности, таких экономических отношений, при которых отмирает государственная власть, необходимость превращения продуктов труда в товары, функционирование закона стоимости. Положение: «тем самым он уничтожает» относится к прошлому и настоящему, а будущее (главная часть) исключается. Конечно, процесс утверждения общественной собственности непосредственно следует за отрицанием частной собственности. Однако ведь отрицание частной собственности имеет место и при капитализме. Превращение средств производства в государственную собственность есть логическое завершение капиталистического отрицания частной собственности (первичное отрицание). После первичного отрицания частной собственности возникает необходимость вторичного отрицания

частной собственности, то есть отрицания государственной собственности. Процесс вторичного отрицания частной собственности сопровождается укреплением общественной собственности. Первое заблуждение возникает в результате упущения из виду необходимости вторичного отрицания частной собственности или первичного отрицания государственной собственности.

Второе заблуждение является закономерным следствием первого. Причем, второе заблуждение может осуществиться лишь в результате определенных успехов в решении основной задачи социализма, именно той ее части, которая связана с первичным отрицанием частной собственности, укреплением государственной собственности на основные средства производства, уничтожением эксплуататорских классов. В соответствии с первым заблуждением решение весьма важной и необходимой части основной задачи социализма отождествляется с решением задачи в основном. А поскольку это не соответствует действительности, поскольку фундаментальная часть задачи не решена, поскольку устранены лишь внешние условия основного капиталистического противоречия (капиталистическое государство, господствующие классы, частная собственность), поскольку не понято основание данного противоречия — разделение труда между производителями, — и поскольку, в связи с этим, остается необходимость воспроизводства таких отношений как товар и государство со всеми их сложными сочетаниями, постольку смело выступают на авансцену «творческие марксисты», которые научные выводы Маркса и Энгельса объявляют неудачным прогнозом. Под творческим развитием марксизма понимается не действительное развитие марксизма, решение сформулированных Марксом и Энгельсом задач, а всевозможные ловкие маневры по снятию этих задач с повестки дня, подмены их другими задачами.

Первое заблуждение отождествляет узкое восприятие марксизма с марксизмом, часть с целым. Этим самым марксизму невольно приписывается узость. В соответствии с «зауженным» марксизмом дается оценка действительным завоеваниям в деле решения основной задачи социализма. И, естественно, в какой-то момент времени частичное решение задачи преподносится за полное решение. В дальнейшем практические результаты, явления нового общества сравниваются с теми явлениями, следствиями, которые, согласно теории марксизма, неизбежно следуют из решения основной задачи социализма. Так как практика (которая сначала называлась социализмом в основном, затем полным социализмом, а сегодня развитым социализмом) показывает далеко не те результаты, что предсказывает теория марксизма, то, согласно логике, возникает сомнение: либо выводы теории не верны, либо социализм еще не построен. Другая дилемма: либо теория неверна, либо социализм еще не построен, — недопустима, нелогична. Действительно, если теория неверна, то социализм в соответствии с ней нельзя построить. Раз нет теории, то и нет социализма. Видимо поэтому некоторые исследователи при всей их храбрости и пренебрежительном отношении к марксизму не осмеливаются сказать, что марксизм — ложная наука; хотя к таким выводам они должны были бы прийти. Ведь такое заявление было бы равнозначно признанию, что в СССР социализм еще не построен и, более того, никому не известно, что такое социализм.

Рассмотрим первую дилемму. Пусть выводы марксизма относительно социализма ошибочны, сама теория верна, социализм в соответствии с ней построен. Любой ученый может разработать правильную теорию, но при этом сделать некоторые неправильные (ложные) заключения. Ошибаться может каждый. Если мы уверены в правильности теории и в том, что социализм построен, то ошибочность (неточность) некоторых выводов надо обосновывать не ссылками на практику. Практика ставит выводы под сомнение, но не может обосновать их неверность. Для этой цели необходимо установить несоответствие выводов общим положениям теории. Если этого нельзя сделать (а пока никто не доказал, что выводы марксизма относительно товара и государства, а также производительности труда при социализме не соответствуют общей теории марксизма), тогда надо еще раз критически осмыслить практику, прежде чем с помощью нее поправить теорию, установить насколько последовательно и полно произведены социалистические преобразования в соответствии с данной теорией, критически проанализировать полноту охвата теорией марксизма-ленинизма всех проблем преобразований (общих и конкретных), чтобы быть уверенным в том, насколько мы продвинемся, применяя конкретные достижения данной теории. К сожалению, мы и эту задачу не решаем. Мы боимся сказать правду о том, что основоположники марксизма-ленинизма не решили конкретно то-то и то-то. В то же время мы каждый раз говорим о развитии марксизма-ленинизма. Это напоминает некоторых информаторов во время стихийного бедствия. Сначала сообщают о разыгравшейся стихии, как о нечто несущественном. А затем, по мере устранения последствий стихийного бедствия, узнаем из различных источников информацию, что стихия была весьма серьезная, а иногда — ужасная. Такое поведение информаторов оправдывает себя во многих случаях, так как избавляет людей от паники. Но такое отношение к информации правомерно в том и только в том случае, когда решение возникающих проблем зависит не от всех, а лишь от относительно немногих. Когда же решение проблем зависит от подавляющего

большинства активной части общества, тогда скрывать истину — значит допускать ошибку (политическую).

Не применяя достижения марксизма-ленинизма, не разрабатывая это великое учение дальше, мы не сможем построить социализм — вот истина, которую мы каждый раз скрываем от народа и от себя; вот та истина, о которой мы узнаем часто после очередного опошления марксизма-ленинизма. Сказать правду — это значит сформулировать те конкретные задачи, которые надо решать. Но сформулировать конкретную задачу — это значит, сделать полдела. Это мы пока не умеем делать. И потому боимся сказать правду. Мы, выходит, охраняем вовсе не авторитет Маркса, Энгельса и Ленина, а свой собственный. Мы боимся сказать, что мы что-то конкретно не знаем. А это значит, что мы боимся ответственности перед людьми.

Вернемся еще раз к причинам заблуждения. Первая объективная причина — это разделение труда, которое обуславливает вторую, субъективную причину, определенный способ мышления (частично диалектический, частично метафизический: внутри частных областей — диалектический, в целом — метафизический). Марксизм представляет собой, прежде всего, науку о преодолении разделения труда, то есть — это наука о конкретных формах развития с учетом взаимодействия с другими формами во времени. Это то, что называется диалектикой. На словах диалектику все признают, но на деле, к сожалению, далеко не все. Более того, на практике такой подход не только не поощряется, но осуждается под видом, что человек занимается «не своим делом». Метафизическому подходу свойственно отождествлять часть с целым, замыкаться на части. Диалектика рассматривает проблему в целом. Поэтому ей не приходится отождествлять часть с целым. Но это вовсе не значит, что мы всегда обязаны рассматривать проблемы в целом, не допускать ее деления на составные части. Такой подход был бы равнозначен отрицанию диалектики. Деление целого на составные части, изучение каждой из них в функциональной зависимости от остальных столь же необходимо, сколь необходимо рассмотрение составных частей в целом. Диалектика кончается там и тогда, где и когда начинается отмежевание от одной из этих сторон познания, замыкание в одной из них. Процесс разделения труда обуславливает метафизический подход. В науке он выражается в том, что функции анализа различных сторон одного целого осуществляются независимо друг от друга, так называемыми, исполнителями (специалистами), а функции синтеза отделяются от анализа и осуществляются руководителями коллективов. Анализ отрывается от синтеза. В результате происходит взаимное торможение. Это объясняется тем, что работники анализа, не зная (или недостаточно хорошо представляя) процесс синтеза, не в состоянии в каждый момент времени выбирать наилучшее (к данному моменту времени) направление для анализа, которое в совокупности с анализом других направлений дало бы наилучший конечный результат. С другой стороны, руководитель, отрываясь для анализа (чем выше ранг руководителя, тем больше в среднем он отрывается), не в состоянии оценить должным образом развитие науки в различных направлениях и осуществить, таким образом, наилучшее соединение этих направлений. Часто наука в целом оказывается в плену каких-либо заблуждений, источником (виновником) которых являются, как правило, представители (или представитель) анализа какой-либо конкретной части, выдавшие ложь за истину, и руководитель, который не заметил путаницу. Метафизическому подходу свойственно сильнейшее отставание процесса синтеза от процесса анализа, что ведет к накоплению сумм конкретных знаний, слабо взаимодействующих между собой. А это, в свою очередь, ведет к ухудшению качества анализа, росту «вала». Подобное положение рано или поздно кончается взрывом. Научные работники, — представители анализа или представители синтеза — это безразлично, — сами поднимаются до руководства (неофициального руководства) или «опускаются» до «черновой» работы. Различные достижения науки для них служат конструктивными элементами. Правда, для того, чтобы эти различные элементы соединить, их приходится предварительно обработать соответствующим образом (развить все направления науки). Такие деятели науки способствуют с одной стороны очищению конкретных направлений от всякой шелухи, а с другой стороны, обобщая (объединяя) различные достижения, открывают простор новым исследованиям в конкретных областях. К таким представителям науки можно по праву отнести Аристотеля, Ньютона, Эйнштейна, Маркса.

Диалектический метод не только допускает разделение, но, напротив, делает его необходимым. Но диалектический подход не допускает (это самое главное) замыкание на части. Для пояснения этого факта вернемся к двум видам заблуждений. От первого вида заблуждения никто не застрахован. А второй вид заблуждений можно и нужно избегать. Например, при наличии первого вида заблуждений, что имело место в СССР в тридцатые годы, следовало проявить огромную сдержанность, скромность, самокритичность, прежде чем «замахиваться» на марксизм. То есть, как только появилось сомнение о правильности выводов марксизма, надо было сразу же поставить под сомнение свои прежние выводы относительно построения социализма. Ведь если мы одну часть учения используем и признаем

полностью, то какое у нас есть основание для отрицания другой его части?, — признать одну часть учения правильной, а другую неточной, неправильной. Это все равно, что выдвинуть в адрес учения упрек в недиалектичности, несоразмерности, несистемности, некомплексности. Если мы ставим под сомнение вывод Энгельса о государстве, объявляя себя сторонником его (диалектического) метода, то следует быть уже до конца диалектиком. Это значит: если мы поставили под сомнение чьи-то выводы, а в данном случае речь идет, пожалуй, о самых важных для человеческого общества теоретических выводах, то нельзя, ни в коем случае, забывать, что под сомнение надо поставить и свои собственные сомнения. И причем, это надо сделать не один, не два, а десятки, сотни раз. Только таким образом можно что-нибудь существенное прибавить к великому учению, уберечь его от бесхозяйственного растраниживания, захламления, опошления. Если бы такой прием был применен в тридцатые годы, когда был сделан вывод о построении социализма в основном, то тогда бы на XVII съезде марксизм не подвергся ревизии по вопросу о государстве, не провозгласили бы преждевременно о непосредственном движении к коммунизму, а напротив, засучив рукава, как прежде, продолжали бы поиск соответствующих форм и способов строительства социализма, тогда бы не было необходимости преследовать лучших сынов партии. Трудно было избежать первую ошибку (переоценку достижений в деле строительства социализма) на XVII съезде, но ошибку, допущенную на XVIII съезде партии можно было избежать. Тем более, можно было избежать те ошибки, которые были допущены на XXII съезде партии. От того, сумеет ли партия избежать новые ошибки, новые промахи, которые вполне могут стать реальностью после XXVII съезда КПСС, на котором намечено утвердить новую редакцию Программы КПСС, от этого зависит дальнейшая судьба партии, а с учетом огромного влияния КПСС на мировое коммунистическое движение — судьба последнего, судьба человеческого общества. От того, найдет ли партия в себе мужество признать все основные промахи и об этом заявить миру открыто, от этого зависит, будет ли она отмежевываться от тех негативных сторон, которые являются следствием недостроенности социализма, или допускать, чтобы эти отрицательные явления приписывались социализму и таким образом дискредитировать идеалы социализма, общественной собственности, плановой системы хозяйства, общенародной социалистической демократии, руководящей роли партии коммунистов.

Все это говорит о том, что когда решаем какую-то часть большой задачи, нельзя забывать о самой задаче, внутри которой мы находимся. Как только мы все начинаем замыкаться в отдельных частях, так уже за целое никто не в состоянии отвечать. И тогда легко можно спутать часть с целым.

Прежде чем ставить под сомнение выводы марксизма о государстве, а затем о товарном производстве, следует вспомнить, что в

«основе деления на классы лежит закон разделения труда» (с.286).

Следовательно, освобождение производства от оков классового общества, что представляет собой

«единственное предварительное условие непрерывного, постоянно ускоряющегося развития производительных сил, а благодаря этому — и практически безграничного роста самого производства» (подчеркнуто мной — Т.З.) (с.287),

невозможно без преодоления разделения труда. Без решения этого коренного вопроса всегда будет оставаться необходимость воспроизводства товара и государства со всеми их придатками.

Энгельс пишет:

«Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями» (с.287).

Согласно Энгельсу, существование необходимости воспроизводства товарного производства указывает на тот факт, что общество еще не овладело средствами производства, не стало еще хозяином производства.

Заканчивая изложение основной задачи, Энгельс подводит итог:

«Совершить этот освобождающий мир подвиг — таково историческое призвание современного пролетариата. Исследовать исторические условия, а вместе с тем и самоё природу этого переворота и таким образом выяснить ныне угнетенному классу, призванному совершить этот подвиг, условия и природу собственного дела — такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения» (с.288).

Здесь определяется задача пролетариата и научного коммунизма, а вместе с тем и задача партии как организатора, соединяющего рабочее движение с научным коммунизмом.

Основная задача социализма, в зависимости от исторических условий, распадается на ряд последовательно взаимообуславливающих друг друга задач. Как показывает теория и практика, к ряду существенных задач относятся следующие:

- 1) создание коммунистической партии, организация пролетариата под руководством его партии в политическую силу при господстве капиталистов и помещиков;
- 2) захват государственной власти, утверждение диктатуры пролетариата при наличии капиталистических отношений;
- 3) уничтожение частной собственности, превращение средств производства в государственную собственность при функционировании капиталистических отношений и господстве диктатуры пролетариата;
- 4) укрепление диктатуры пролетариата в городе и деревне при наличии основ капитализма, но без капиталистов и других эксплуататорских элементов;
- 5) отрицание основ классового общества, преодоление разделения труда — водворение экономического базиса социализма, утверждение общественной собственности при наличии диктатуры пролетариата, государственной собственности на средства производства, при отсутствии эксплуататорских классов и открытых врагов социализма.

Каждая из этих задач распадается на ряд подпунктов. Природа переворота определяется отрицанием капиталистических отношений. Для того, чтобы понять природу переворота, необходимо предварительно выяснить сущность капиталистических отношений. Именно решению этой первичной задачи посвятили свои силы основоположники научного коммунизма. Отрицание товара и государства при строительстве социализма есть результат этого учения.

Отрицание капиталистических отношений начинается с вершины «пирамиды» и движется к основам «пирамиды», а затем оно развивается от основ до вершины. С помощью прямого движения от вершины до основ буржуазный обмен продуктами труда замораживается и заменяется государственным прямым распределением, ограничивается власть эксплуататоров, средства производства в основном превращаются в государственную собственность, эксплуататорские классы уничтожаются как господствующие классы, происходит максимальное укрепление диктатуры пролетариата в городе и деревне. Последний момент прямого движения связан с уничтожением основ классового общества, с преодолением разделения труда. Этот последний момент составляет критическую точку, начало обратного движения. Первое, — прямое движение, — вначале всемерно ограничивает, замораживает капиталистические отношения, не исключая необходимость их воспроизводства, а затем начинает их выкорчевывать, исключать необходимость их воспроизводства. Выше в виде пяти пунктов изложены основные этапы прямого движения. Второе, — обратное движение, — составляет прямое продолжение конца прямого движения, создает социалистический экономический базис по мере преодоления разделения труда, адекватный характеру производительных сил способ производства, уничтожает окончательно необходимость воспроизводства капиталистических отношений, легко справляется с «замороженным» капиталистическим обменом, заменяет его адекватным новому способу производства обменом, государственное распределение труда преобразуется в общественное, создается адекватная новому способу производства надстройка. И с этого момента исчезает всякая необходимость воспроизводства капиталистических отношений и их отражения в сознании людей. Обе формы движения (прямая и обратная) отрицают капиталистические отношения, суть которых красноречиво выражается товаром и государством (или капиталистической частной собственностью). Разница между двумя формами движения определяется качественно различными способами отрицания. Эти способы отрицания имеют общую (критическую) точку, которая определяет начало коренного перелома в отношениях собственности, кульминацию в революционном преобразовании. Первое, — прямое движение, — идет по пути ограничения капиталистических отношений и заканчивается их полным искоренением во всех возможных общественных отношениях: между отдельными лицами в обществе, между отдельными лицами и группами, между различными группами. Второе, — обратное движение, — продолжает преодолевать разделение труда, исключает необходимость воспроизводства капиталистических отношений. Первое движение ограничивает («нарушает») законы товарного производства и их функционирование. Второе движение, создавая законы социалистического производства, исключает законы товарного производства, а следовательно, их внешнего общественного регулятора — государства, создает адекватную социалистическому экономическому базису надстройку.

Конец первого (прямого) движения и начало второго (обратного) движения можно назвать низшей фазой коммунизма (социализмом в основном), конец обратного движения — полным или развитым социализмом. Переход от прямого движения к обратному, — когда отрицание и обусловленность относятся уже к социалистическим противоречиям, когда совершенствование новых созданных отношений становится законом, когда новое общество развивается на «своей собственной основе» — соответствует коммунистическому способу производства.

Как же разрешается в целом основное противоречие капитализма и куда оно девается? Напомним, что в основном противоречии капитализма производительные силы восстают против способа производства, способ производства против способа обмена. Технический обмен в производстве революционен. Следовательно, революционное движение не может не учитывать эти два прямо противоположных обстоятельства. С одной стороны, внутренняя организация революционного движения должна быть достаточно адекватна характеру производительных сил, чтобы иметь всегда заинтересованность преследовать революционную цель преобразования общества. С другой стороны, внутренняя организация этого движения должна учитывать тот факт, что она находится в окружении капиталистических отношений, препятствующих реализации ее целей — обеспечить себя от разложения под их влиянием изнутри и извне. Одним словом, внутренняя организация революционного движения должна учитывать два прямо противоположных фактора: согласно первому, она должна быть коммунистической полностью, а согласно второму, — не должна быть таковой. Найти между этими взаимоисключающими, но не взаимообуславливающими моментами такое соотношение, чтобы обеспечить прогрессивное движение — вот в чем основная конструктивная трудность. Проблема сохранения революционной организации — это сердцевина социального орудия решения основной задачи. При этом, при каждом новом достижении в деле революционного преобразования проблема сохранения революционной организации должна заново решаться в соответствии с новыми условиями.

Великая роль В.И.Ленина заключается в решении этой задачи в условиях царского самодержавия, в создании Коммунистической партии, обеспечившей победу в Великой Октябрьской социалистической революции. Революционная партия сплачивает пролетариат в единую революционную организацию не только благодаря умению организовывать (хотя без такого умения нельзя обойтись), не только благодаря революционной фразе (без нее тоже нельзя обойтись), но, главным образом, благодаря внутренней организации партии, которая определяет поведение коммунистов.

Внутренняя организация пролетариата не препятствует революционному объединению. Внутри рабочего класса практически отсутствуют полные капиталистические отношения, обмен продуктами в соответствии с законом стоимости. Капиталистические отношения внутри рабочего класса разлагаются на составные части: прогрессивные и регрессивные, которые разносятся как бы на «расстояние», не соединяются. Элементарная клеточка — товар не функционирует внутри рабочего класса при капитализме. Но составные части товара в разложенном и разнесенном на «расстояние» виде имеют место. Рабочий об этих отношениях вспоминает на границе с капиталистическим предприятием, которую он переходит ежедневно. Каждый день рабочий начинает с товарного отношения с капиталистом. Затем в течение всего рабочего дня рабочий превращается в собственность капиталиста (раба). Благодаря этому внешнему (по отношению к рабочему) факту рабочий должен вступать в конкуренцию с другими рабочими, хотя внутренние отношения рабочего класса не обуславливают конкуренцию. Элементарная клеточка буржуазного общества находится внутри рабочего класса в возможном состоянии.

Задача партии рабочего класса великолепно была решена В.И.Лениным, благодаря чему Российский пролетариат выдвинулся в авангард мирового революционного движения.

Пролетариат под руководством коммунистической партии, взяв государственную власть в свои руки, преобразует ее в том же духе, в каком создавалась сама партия — превращает ее в диктатуру пролетариата. Диктатура пролетариата, как централизованная организация, которая учитывает сущность производительных сил, их общественный характер, адекватна им, — есть коммунистическая организация и есть полное отрицание товара и государства. Диктатура пролетариата, как централизованная организация, которая с необходимостью учитывает существование эксплуататорских классов, разделения труда — есть государство. Только единство этих двух противоположных форм определяет сущность диктатуры пролетариата на всех этапах преобразования общества. От правильного решения этой задачи зависит во многом судьба революции. Взятие пролетариатом государственной власти означает уничтожение всех внешних условий существования (самую внешнюю оболочку) капиталистических отношений. За взятием государственной власти, превращением ее в диктатуру пролетариата возникает возможность разрушить следующую оболочку капиталистических отношений (обмен, распределение). С уничтожением эксплуататорских классов, превращением средств производства в государственную собственность возникает возможность уничтожения третьей оболочки капиталистических отношений — разделения труда.

В начальный, критический момент при капитализме производительные силы выступают против способа производства, способ производства — против способа обмена, способа управления. Производительные силы дважды выступают против способа обмена. После взятия пролетариатом государственной власти, превращения средств производства в государственную собственность, после

того, как центральный орган управления, насилия, из условия сохранения буржуазных отношений превращается в орудие их уничтожения, производительные силы в совокупности с новым способом управления выступают против способа производства, капиталистических отношений. Перед диктатурой пролетариата и производительными силами стоит, по существу, одна и та же цель, хотя движутся они в диаметрально противоположных направлениях в надежде когда-нибудь встретиться. Производительные силы требуют адекватный им способ производства, производственные отношения (надстройку), а диктатура пролетариата стремится подвести под себя адекватный экономический базис. То, что для производительных сил составляет надстройку, для диктатуры пролетариата есть базис. С момента водворения адекватных производительным силам производственных отношений основное отношение капитализма уничтожается со всеми его законами и на его месте зарождается основное противоречие социализма (коммунизма), создаются экономические законы социализма. Система законов такого социализма не нуждается в законе стоимости, государстве.

Рассматривая движение к социализму поэтапно, нетрудно заметить, что вопрос о функционировании экономических законов социализма возникает лишь на последнем решающем этапе прямого движения — на этапе преодоления разделения труда. А на всех предшествующих этапах развития речь может идти об «использовании» и приспособлении законов экономики классового общества, товарного производства, включая основной его закон — закон стоимости. Но законы товарного производства не могут функционировать без ущерба для дела революции, коммунистического мировоззрения, нравственности и морали. Поэтому их функционирование должно быть ограничено определенными рамками диктатуры пролетариата. Но всякое ограничение экономических законов, чем бы оно не было вызвано, сказывается относительно отрицательно на развитии экономики.

Иногда экономисты любят поговорить о том, как нехорошо нарушать, не соблюдать экономические законы социализма. Дело-то заключается, как раз, в другом: нарушаются не экономические законы социализма, а законы товарного производства. И «виноват» в этом политический строй социализма. Эти нарушения выражаются примерно в следующем. Во-первых, в ограничениях на заработную плату работников снизу и сверху, во-вторых, в том, что цены устанавливаются государственными органами, в-третьих, в политике цен (сознательное занижение или завышение цен относительно величины стоимости), что косвенным образом опять-таки ограничивает (расширяет) доходы работников, в-четвертых, в недопущении безработицы (ограничение доходов снизу), в-пятых, в «бесплатных» услугах (лечение, учеба, отдых и т.д.), в-шестых, в рассматривании государственного плана как закона. Вот все это и многое аналогичное есть, как раз, «нарушение» законов товарного производства. Но часто в качестве искажения экономических законов преподносятся другие факторы. Например, нарушение плановых заданий, диспропорция, спекуляция, взяточничество, мошенничество, всевозможные формы злоупотребления занимаемыми должностями рассматриваются как нарушение социалистических экономических законов. Увы! Все это закономерные следствия законов товарного производства. А так как кажется, что реально функционируют социалистические экономические законы, то эти явления преподносятся как нарушение законов социализма. В действительности эти негативные явления суть нарушения наших политических требований.

Итак, на всех этапах строительства социализма проводится отрицание товара и государства, но только на последнем заключительном этапе прямого движения отрицание товара и государства сопровождается отрицанием необходимости воспроизводства товара и государства. Это надо иметь в виду, в особенности, сегодня, когда некоторые специалисты в противоположность наивным марксистам, требовавшим сходу отменить деньги и государство, уверяют нас, что товар и государство необходимы вплоть до коммунизма, не указывая при этом, как совершается переход к коммунизму.

Переход к коммунизму (отрицание товара и государства) рассматривается иногда по асимптотической кривой (постепенное исчезновение товара и государства). Насколько это верно? Это верно настолько, насколько касается следствий перехода от товара и государства к нетовару и негосударству. Сам же переход от товара к нетовару, совершаемый скачком, представляет собой переход из одной системы законов в другую систему законов. Правда, некоторые исследователи полагают, что такой переход (качественный) был осуществлен в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции. Взрыв внешней «оболочки» отождествляют со взрывом остальных внутренних «оболочек».

Глава 4 К.Маркс об основной задаче социализма

Собственно, и до сих пор излагались не только взгляды Энгельса, но и Маркса. Здесь хотелось бы выделить следующие обстоятельства: формулировку понятия свободы, движение к свободе, завоевание

экономической основы свободы. Карл Маркс, подвергая резкой критике злоупотребление словами «свободное государство», пишет:

«Свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный, да и в наше время большая или меньшая свобода государственных форм определяется тем, в какой мере они ограничивают «свободу государства» (К.Маркс, Ф.Энгельс, СС т.19, с.26).

Маркс увязывает понятие свободы с понятием государства. Чтобы знать, что такое свобода и как ее завоевать, надо знать, что такое государство и как его преодолеть, подчинить обществу. Маркс вскрывает два качества государства: 1) государство — источник рабства; 2) государство — определенный способ управления обществом. Игнорирование любого из этих качеств делает невозможным понимание движения к социализму (коммунизму). В истории социализма известно два уклона: анархизм и оппортунизм. Анархизм делает упор на первое качество государства и игнорирует второе. В результате справедливый гнев анархизма обрушивается на государство, но не достигает цели, так как государство может быть уничтожено с помощью второго его качества. Оппортунизм делает упор на второе качество государства, не видит никакого другого способа управления общественными процессами, кроме государственного, пытается бороться со злом, первым качеством государства с помощью только второго качества, в результате лишь усиливает зло.

Маркс указывает, что государство обусловлено тем обществом, которое находится под его пятой, что «различные государства различных цивилизованных стран имеют между собой то общее, что они стоят на почве современного буржуазного общества, более или менее капиталистически развитого» (там же, с.27).

Государство, которое опирается на капиталистическое общество, капитал, не может не иметь те же качества, что и капитал. Выше упомянутые два качества (свойства) — это суть качества капитала. Государство не может существовать без своего базиса, без того, чтобы оно способствовало воспроизводству своей основы, без передачи своих «ген» воспроизведенному базису. В то же время государство не может стоять над обществом не подчиняя, не ограничивая различные капиталы. Государство и обуславливает и ограничивает (исключает) капитал. Точно также капитал обуславливает и ограничивает государство. Единство капитала и государства представляет собой диалектическое противоречие. Капитал в свою очередь, опирается на товарное производство. Качества капитала не могут не содержаться в товаре хотя бы в зародышевой форме. Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали тот факт, что капитал в зародышевой форме содержится в товаре. Капитал не может существовать сколь-нибудь долго без своей основы, без того, чтобы способствовать ее воспроизводству с передачей ей своих качеств в более развитой форме, без ее совершенствования. Однако капитал не был бы господствующей формой, если бы он не подчинил товарное производство, не ограничивал бы его ежедневно и ежечасно, не исключал бы все большее количество товаропроизводителей из товарного производства и не бросал бы их в качестве наемных рабов в капиталистические предприятия. В то же время капитал не может существовать без того, чтобы способствовать непрерывному оживлению товарного производства, без того, чтобы все большее количество рабов превращать в «свободных», потенциальных рабочих, усиливать безработицу, отделять рабочих от средств производства с той целью, чтобы они вновь на более высоком уровне эксплуатации соединялись. Любое ограничение товарного производства порождает необходимость его расширения. Расширение товарного производства расширяет сферу приложения капитала, что ведет к ограничению товарного производства. Единство товара и капитала представляет диалектическое противоречие капитализма. Так как государство обуславливает и ограничивает капитал, то оно также обуславливает и ограничивает товарное производство. И наоборот, товарно-денежные отношения обуславливают и ограничивают государство. Единство товара и государства есть капиталистическое противоречие (противоречие классового общества). Противоположные стороны противоречия товар и государство обладают одними и теми же качествами (без этого факта взаимообусловленность была бы невозможна). Но противоречие товар и государство имеет место не только при капитализме, но и в других классовых обществах: при рабстве и феодализме. Различие заключается лишь в степени развития противоположностей.

Из первого качества государства следует, что нельзя избавиться от рабства, не исключая его источника — государства. Но государство нельзя устранить, не преобразовав его основу, капиталистическое общество. Капиталистическое же общество нельзя преобразовать, не подчинив его целиком централизованному органу. Но такое подчинение есть одно из свойств государства. Итак, для преобразования капиталистического общества требуется государство. Но сохранение государства невозможно без сохранения его основы. Революционное разрешение этого противоречия составляет, пожалуй, вершину учения марксизма-ленинизма и в то же время одно из самых трудных мест для

понимания и признания. Понимание разрешения данного противоречия связано с глубинами мироздания человеческого общества, а признание такого разрешения непосредственно упирается во всеобщий культ земных и небесных «богов», в понятие ценностей, не говоря уже о непосредственных материальных, политических интересах.

Разрешение отмеченного противоречия состоит в разрыве между взаимообусловленностью и взаимным исключением противоположных частей. Государственные органы управления насильственно изолируются от буржуазного общества. Но это первый шаг, который, к тому же, осуществить полностью принципиально нельзя. Поэтому изоляция осуществляется выборочно. Органы управления изолируются от влияния капиталистов, помещиков и других эксплуататорских элементов, но не от влияния пролетариата. В связи с разрешением данной задачи К.Маркс ставит вопрос:

«какому превращению подвергнется государственность в коммунистическом обществе?

Другими словами, какие общественные функции останутся тогда аналогичные теперешним государственным функциям. На этот вопрос можно ответить только научно; и сколько бы тысяч раз не сочетать слово «народ» со словом «государство» это ни капельки не подвинет его разрешения» (там же, с. 27).

На первый взгляд, Маркс решает задачу будущего общества, пишет о свойствах государства будущего общества, как бы предсказывает. На деле — Маркс реалист. Маркс рассматривает промежуток времени, необходимый для перехода от настоящего, вполне определенного и достаточно понятого состояния государства с его буржуазным корнем, до состояния государственности, о которой нам известно только то, что отмирает ее буржуазный корень. Маркс пишет:

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного преобразования первого во второе. Этому периоду соответствует политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным как *революционной диктатурой пролетариата*» (там же, с. 27).

Как известно, учение о диктатуре пролетариата есть вершина марксизма-ленинизма, а приведенное здесь положение суть центральная (великая) теорема этого учения. Понимание и признание Великой теоремы о диктатуре пролетариата определяет принадлежность или непринадлежность к марксистам-ленинцам, коммунистам — сторонникам рабочего дела. Марксизм-ленинизм — это не крайность. Подобное впечатление складывается у тех (а таких сегодня у нас, к сожалению, больше, чем хотелось бы), кто поверхностно знаком с этим учением, кто не углубился в понимании капитализма вплоть до зачаточного состояния в товаре, кто «побоялся» открыто взглянуть на «солнце» — государство. Марксизм-ленинизм — это научное разрешение общественно-экстремальных, следовательно, остро воспринимаемых задач.

Разногласия между марксистами при решении задачи преобразования буржуазного общества, безусловно, могут быть и необходимы. Было бы нелепо и пагубно требовать единства взглядов по всем конкретным вопросам. Но разногласия не должны доходить до различного толкования основной теоремы, до ее полного или частичного отрицания, что равнозначно снятию основной задачи социализма с повестки дня. Полное отрицание Великой теоремы марксизма-ленинизма — это открытое отрицание коммунизма (социализма), частичное отрицание Великой теоремы — это оппортунизм.

Из основной теоремы марксизма-ленинизма следует:

- 1) существование переходного периода;
- 2) революционное превращение капитализма в коммунизм;
- 3) переходному периоду соответствует политический переходный период;
- 4) «государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата».

Продолжительность переходного периода определяется не указаниями политических деятелей, а исключительно периодом между концом и началом времени преобразования капиталистического общества в коммунистическое. Характер этого революционного периода определяется уничтожением одной системы экономических, политических, идеологических, нравственных и т.д. законов, созданием другой системы законов. На место каждого закона буржуазного общества заступает социалистический закон. Каждое экономическое (идеологическое) отношение не просто отбрасывается, а заменяется соответствующим социалистическим отношением. Задача теории состоит в том, чтобы выяснить досконально, как преобразуются буржуазные отношения, во что переходит каждое конкретное отношение. Без теоретического решения этой задачи революционный переход невозможен. А преждевременное заявление о построении социализма необходимо повлечет за собой остановку революционного преобразования буржуазных отношений, их отрицания, а следовательно, будет усилено их воспроизводство по экономическим соображениям. А вместе с этим, будут воспроизведены и

буржуазные взгляды на жизнь, мораль, нравственность и так далее. И таким образом идеям социализма (коммунизма) будет нанесен ущерб.

Для понимания и решения теоретических и практических проблем переходного периода необходимо глубоко усвоить то, что следует преобразовывать и то, в соответствии с чем должно быть преобразовано данное общество, то есть необходимо знание капитала от его зарождения в период распада первобытного строя и утверждения рабства до его господства над всеми общественными процессами, от простейших составных частей товара до сложнейших частей государства, надо хорошо представлять развитие основного противоречия капитализма на различных (микро и макро) уровнях. Для чего, прежде всего, необходимо диалектически усвоить творения Маркса, Энгельса, Ленина. Но это только необходимо, но еще не достаточно. Требуется еще знать: как и в какие противоречия переходят противоречия буржуазного общества; как преобразуются, чем заменяются законы буржуазного общества; как реализуются новые законы. На большинство из этих последних вопросов основоположники ответить не успели. Но главное в том, что эти вопросы поставлены перед теоретической мыслью. Для практического преобразования капитализма в коммунизм требуется как наличие теории капитала, так и наличие теории анти-капитала. Теорию анти-капитала невозможно создать без усвоения теории капитала. Прежде, чем разумно изменять жизнь, надо ее понять и объяснить, доказать необходимость преобразования и указать опорные пункты преобразования. Именно эту задачу, главным образом, решили основоположники научного коммунизма. Так как капитализм, как установлено марксизмом, содержит в себе свое отрицание, то наука, которая достаточно точно отражает данную действительность, не может не выразить в качестве решающего итога это отрицание в общем виде. Великая теорема и есть такой итог марксизма.

Как по Марксу разрешается противоречие? Обратимся к формулировке «революционная диктатура пролетариата». Поскольку здесь есть слово диктатура, постольку термин государство применим. Всякий государственный аппарат прежде всего отличается тем, что диктует, навязывает свои условия обществу, подчиняет его. А поскольку сущность государства всегда реакционна, то слово «революционная» означает отрицание государства. Революционная диктатура подобно государству подчиняет общество, но, вопреки всем государственным мудростям, преобразует общество, а следовательно из самой себя изгоняет государство. Революционная диктатура пролетариата подчиняет все, пренебрегая всеми формами буржуазной демократии. Складывается впечатление, что в рамках переходного периода люди менее свободны, чем при капитализме. Все дело в том, по отношению к какому действию люди свободны или несвободны. Диктатура пролетариата, ставящая цель преобразования капиталистического общества в социалистическое, вполне ясно, лишает всех буржуазной свободы, но не предоставляет еще свободу социалистическую. Диктатура пролетариата предоставляет лишь одну свободу — выкорчевывать буржуазные отношения и строить социализм, предоставляет всем трудящимся право стать хозяевами своего производства, завоевать экономическую свободу. Других свобод трудящиеся при диктатуре пролетариата не имеют.

Диктатура пролетариата выступает в качестве государства, так как она подчиняет общество, все общественные процессы. Не видеть и не признавать эту сторону — это значит, не видеть средства разрешения капиталистического противоречия. Однако было бы еще более ошибочно отождествлять диктатуру пролетариата с государством на том основании, что она подчиняет, как государство, общество. Для того, чтобы понять отношение диктатуры пролетариата к государству следует рассмотреть ее функции всесторонне. Конечной целью диктатуры пролетариата является не подчинение, а преобразование буржуазного общества. Но эту цель диктатура пролетариата не может достигнуть, не подчинив общество целиком. Таким образом, подчинение буржуазного общества, что является средством для достижения конечной цели, представляет собой ближайшую цель диктатуры пролетариата. По мере достижения ближайшей цели появляется реальная возможность достижения конечной цели. Реализованная ближайшая цель выступает как средство достижения конечной цели. Достижение конечной цели: уничтожение буржуазных отношений, создание новых адекватных производительным силам отношений и законов — исключает причину рабства. Общество перестает быть рабом своего органа, диктатура пролетариата перестает быть государством. Диктатура пролетариата есть государство постольку, поскольку достигает своей конечной цели. Сохранение функции государства обусловлено необходимостью решения задач преобразования. Исчезновение государства, поэтому, составляет вернейший признак движения к социализму. Здесь наиболее красноречиво проявляется момент уничтожения старого противоречия и создания нового. Любое противоречие непрерывно разрешается и столь же непрерывно воспроизводится. Поэтому можно говорить о неуничтожаемости противоречий. Но одно противоречие может быть заменено другим. Поэтому, когда речь идет о разрешении (уничтожении) капиталистического противоречия, то имеется

виду (у Маркса, Энгельса, Ленина) уничтожение конкретной формы противоречия, но не противоречия вообще. При эволюционном развитии противоречие разрешается и воспроизводится в прежней форме, а при революционном развитии параллельно с разрешением противоречия уничтожается его форма и заменяется другой формой путем создания новых связей. В данном случае антагонистические противоречия уничтожаются и заменяются неантагонистическими.

Так как диктатура пролетариата с самого начала суть революционная диктатура самого пролетариата, то отношения между центральным органом диктатуры пролетариата и остальной ее частью не могут быть такими, которыми характеризуется всякая государственная власть. Всякая государственная (бюрократическая) власть характеризуется односторонней зависимостью интересов нижестоящих от вышестоящих. При диктатуре пролетариата коренные интересы представителей центральной власти и остальной части пролетариата должны быть увязаны прямо пропорциональным образом. Маркс и Энгельс высоко оценили решение этой части задачи преобразования Парижской коммуны. А В.И. Ленин назвал правильное решение данной задачи — мостиком перехода от капитализма к социализму. (В.И. Ленин, ПСС, т.33, с. 44). Центральная власть имеет отношение не только с пролетариатом, но и с буржуазией, с капиталистами, кулаками, с мелкой буржуазией, с сохраняющимися буржуазными отношениями между ними, а также внутри рабочего класса. Здесь решение задачи иное. Центральная власть не может быть зависима от буржуазии, иначе она перестанет быть носителем власти пролетариата. Но коренные интересы буржуазных элементов должны быть поставлены в зависимость от воли центральной власти, а через нее от воли всего пролетариата (если, конечно, интересы органов центральной власти соответствующим образом увязаны с интересами остального пролетариата). Любая частная сделка (экономическая) между буржуазными элементами и представителями центральной власти карается более сурово, чем при любом государстве. Так, например, взятка в условиях всякого государства есть объективно необходимое экономическое отношение между частным лицом и государственным чиновником. Взятка столь же необходима, сколь отклонение цен от соответствующих стоимостей продуктов труда. Взятка в условиях государства есть эксплуатация, представляет собой присвоение чужого труда. При этом взяткодатель вполне может быть сам эксплуататором. Так как все чиновники находятся в условиях «соблазна», когда есть возможность и заинтересованность брать взятки, то любая конкретная взятка вызывает не гнев других чиновников, а лишь зависть, величина которой определяется размером взятки. Взятка, хотя она формально не признана, внутри государственного аппарата не карается, а поощряется. Проблема наказания за взятку возникает тогда и только тогда, когда вмешиваются другие слои общества.

В условиях диктатуры пролетариата взятка равнозначна предательству дела пролетариата. Взятка, принятая одним государственным чиновником, более опасна для республики, нежели вооруженное нападение ста классовых врагов на центральную власть. Пока существуют буржуазные элементы, остается возможность их влияния на представителей власти. И потому необходимы карательные органы не только по отношению к буржуазным элементам, но и по отношению к органам власти.

Преобразование буржуазных отношений внутри рабочего класса, крестьянства невозможны без парализации активности классового противника, без уничтожения класса капиталистов, помещиков и кулаков. По мере уничтожения эксплуататорских классов диктатура пролетариата укрепляется. Всемерное укрепление диктатуры пролетариата составляет необходимую предпосылку начала преобразований широким фронтом буржуазных отношений в социалистические. Эта последняя часть основной задачи не решена до сих пор ни теоретически, ни практически. Маркс и Энгельс рассматривали эту заключительную часть преобразования буржуазного общества в самом общем виде.

К.Маркс, касаясь заключительной стадии перехода от буржуазного общества в социалистическое в связи с распределением материальных благ, писал:

«Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло. Соответственно этому каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам отдает ему... То самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме» (Там же, с. 18).

Вот то место, с решением которого связаны проблемы уничтожения буржуазных отношений и начала развития новых экономических отношений, создания экономического базиса социализма. Решение данной задачи, получившей название основного принципа социализма, предполагает знание того, во что и как преобразуются буржуазные отношения, система экономических законов капитализма. Маркс не решает рассматриваемую задачу, если не считать установление им наиболее общих свойств решения. По

Марксу реализация принципа по труду делает излишним, ненужным, невозможным товарное производство (там же, с. 18). И, напротив, сохранение товарно-денежных отношений указывает на отсутствие социализма, социалистического хозяйства как господствующего. Однако, повторяем, никто, ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин, никто и после них, если судить по тому, что опубликовано, не решил задачу о реализации основного принципа социализма. Маркс для простоты (для сложных решений у него не было времени) рассматривает личность и общество, то есть прибегает к той модели, которая достаточно адекватно отражает общество товаропроизводителей. Здесь одна сторона — общество, — представляет полную неопределенность. А в модели двух лиц каждая сторона достаточно определена, известны интересы. Маркс предполагает задачу об установлении между лицами соответствующих необходимых связей и отношений, при которых возможно осуществить принцип по труду, решенной. Маркс отвлекается (абстрагируется) от решения одной задачи для того, чтобы решить другую. Такой подход необходим во всякой отрасли знания. Маркс в данном случае отвлекается от задачи: «кто сколько дает?» В действительности, сколько бы мы ни искали, не найдем ответа на этот вопрос в произведениях К.Маркса. У основоположника речь идет не о простом подсчете рабочего времени в часах. И, по крайней мере, дело сводится не только к этому. Требуется при прочих равных условиях еще знание интенсивности работы каждого рабочего. А интенсивность, в свою очередь, зависит от ряда факторов: вооруженностью знанием дела, информативностью и технической вооруженностью средствами производства. Оба фактора: рабочее время и интенсивность являются переменными величинами, зависят от реального времени. Интенсивность, помноженная на продолжительность рабочего дня, составляет вклад работника. Техническая и информативная вооруженность современного работника определяется не только и не столько его старанием, сколько представляет результат труда многих других работников. Следовательно, искомые переменные (интенсивности различных работников), будучи взаимосвязаны, могут быть определены из решения большой системы уравнений. Порядок системы определяется, по существу, числом работников данного общества. Признание и решение этой системы есть, в действительности, признание общественного характера труда, производительных сил и приведение способа производства в соответствии с общественным характером производительных сил, — основа реализации социалистического принципа распределения.

Попытку реализовать основной принцип социализма в условиях товарного производства, попытку сочетать общественную собственность и закон стоимости Маркс рассматривал как поступок, глупее которого не может быть ничего. (К.Маркс, Ф.Энгельс, СС т.46, с. 101-102).

Такой категорический вывод К.Маркса можно проиллюстрировать следующим образом. Попытка реализовать принцип социализма в условиях товарного производства равнозначна отождествлению решения системы N взаимосвязанных уравнений с N неизвестными решению той же системы уравнений, но без учета взаимосвязи, то есть решению N уравнений, каждое из которых содержит только одно неизвестное. Короче, это равнозначно отождествлению решения системы $A \times X = C$ с решением системы $B \times X = C$. Элементы матрицы B определяются следующим образом: $b_{ij} = a_{ij}$, если $i = j$ и $b_{ij} = 0$, если $i \neq j$, где a_{ij} — элементы матрицы A .

Глава 5 Решение основной задачи социализма В.И.Лениным

В.И.Ленину всю жизнь пришлось не только отстаивать сущность основной задачи социализма, но и решать ее в самые ответственные исторические переломные моменты на стадии становления коммунистической партии и советского государства. Появление партии, действительно разделяющей коренные интересы пролетариата, выражающей и отстаивающей объективную необходимость преобразования буржуазного общества в коммунистическое, понимающей и признающей диктатуру пролетариата как единственный способ решения задачи о коммунистическом преобразовании буржуазного общества — есть в то же время начало реального движения от капитализма к коммунизму. С этого момента классовая борьба из борьбы за существование, за самосохранение превращается в борьбу за завоевание классового господства для пролетариата, пролетариат все более активизируется. Движение масс, активность масс определяется не только наличием классовой борьбы, но тем, во что выливается каждый раз такая борьба, какие происходят изменения в обществе. Возможное движение, активность масс определяется, существенным образом, внутренним состоянием партии, которая руководит борьбой пролетариата. Внутреннее состояние вождя пролетариата определяет возрастание силы пролетариата в борьбе с буржуазией. Если внутреннее состояние партии тождественно внутреннему состоянию рабочего класса в целом, партия ничем не отличается от рабочего класса, то коэффициент усиления сил пролетариата равен единице, при этом движение к коммунизму остается в состоянии возможном, не становясь действительным. Члены партии будут преданы рабочему классу,

погибнут за него, — но и только. Если внутреннее состояние партии тождественно или близко к состоянию правящего класса (первого учителя рабочего класса), то коэффициент увеличения сил пролетариата значительно меньше единицы, движение к коммунизму становится невозможным. Если внутреннее состояние партии тождественно или близко к состоянию данного общества в целом, то коэффициент укрепления пролетариата будет меньше единицы, а движение будет хаотическим, одно решение будет уничтожать другое решение, при этом движение к коммунизму в целом будет невозможным. Для того, чтобы действительно увеличить силу пролетариата, обеспечить реальное движение к коммунизму, необходимо, чтобы внутреннее состояние партии определялось адекватными характеру производительных сил отношениями. Сущность партии должна быть адекватна сущности производительных сил. Это позволит пролетариату подняться до третьего уровня классовой борьбы. Но партия действует не изолированно, а, напротив, довольно активно с остальной частью общества. Поэтому ее внутреннее состояние не может не отражать, не учитывать реальное положение. Конечно, партия учитывает реальное положение, приспосабливается к нему, но не для того, чтобы его воспроизвести, а для того, чтобы преобразовать его. Такая партия ставит себя вполне сознательно в более суровое положение, чем пролетариат в целом. Сущность партии определяется организационной структурой и программой действий, которые закрепляются уставом и программой партии. Наличие революционной партии есть реальное движение к коммунизму. Прогрессивное отрицание буржуазных отношений внутри партии — вот первый реальный шаг к коммунизму.

Положительная разница между внутренним состоянием партии и внутренним состоянием рабочего класса придает рабочему движению коммунистическую направленность, обеспечивает реальное движение рабочего класса к коммунизму. Любой положительный шаг рабочего класса в направлении к коммунизму уменьшает упомянутую разницу между внутренним состоянием партии и рабочего класса. И для продолжения движения к коммунизму требуется, прежде всего, дальнейшее совершенствование самой партии. Надо стремиться к максимальной положительной разнице между внутренним состоянием партии и внутренним состоянием рабочего класса, что может обеспечить наибольшую скорость развития. Ясно, что при приближении к коммунизму эта максимальная положительная разница стремится к нулю. Партия, подняв рабочий класс до вершин коммунизма, растворяется в обществе, исчезает как особая ведущая партия. Ясно в тоже время, что любая ошибка при оценке реальных достижений грозит партии серьезными последствиями. Но особо опасна переоценка реальных достижений.

При недооценке реальных достижений имеет место следующее: разница между внутренним состоянием партии и внутренним состоянием общества в целом уменьшается за счет коммунистического подъема общества; задача по совершенствованию внутреннего состояния партии не ставится на повестку дня. Новые задачи по преобразованию общества не рассматриваются. Движение к коммунизму замедляется. Однако при этом разложение коммунистической партии (а такая опасность существует, пока в данном обществе, внутри которого она функционирует, не водворен экономический базис коммунизма) не только не увеличивается, но, напротив, уменьшается. Реальное движение замедляется, но процесс самосознания ускоряется, что способствует быстрому исправлению допущенных ошибок.

А в случае переоценки реальных достижений картина будет иная. При переоценке реальных достижений в деле строительства коммунизма имеет место следующее: реальная разница между внутренним состоянием партии и внутренним состоянием общества в целом к моменту оценки состояния данного общества больше, чем предполагаемая; задача по совершенствованию партии ставится; новые задачи по преобразованию общества рассматриваются. Но так как совершенствование партии рассматривается в соответствии с предполагаемыми достижениями, то решение задачи о совершенствовании партии приведет лишь к ухудшению состояния партии. Так же обстоит дело с новыми задачами преобразования общества, которые нельзя будет решать без предварительного решения старых задач. А такая невозможность со временем будет осознаваться и рассматриваться как объективный фактор, служить для обоснования снятия критериев существования социализма, для обоснования необходимости «использования» буржуазных отношений и выдачи их за социалистические.

При переоценке реальных достижений прогрессивное движение невозможно. Но зато, поскольку сохраняются буржуазные отношения, возникает необходимость их оживления, общество вновь постепенно расслаивается, буржуазные элементы проникают внутрь партии, ослабляется борьба партии против такого проникновения. А вместе с ослаблением борьбы партии против проникновения в ее среду буржуазных отношений усиливается процесс разложения партии. Разность между внутренним состоянием партии и внутренним состоянием общества резко понижается, но не за счет подъема

общества, а за счет падения партии. И эта разница может стать и отрицательной, то есть партия из прогрессивной может превратиться в реакционную. В период переоценки время работает на реакцию в действительном, а на прогресс — в возможном.

Признание ошибки в таких случаях связано, как было выше сказано, с большими неудобствами. В случае недооценки признание своей ошибки указывает на то, что человек недооценил свои собственные заслуги. Здесь имеют место положительный и отрицательный факторы, причем положительный фактор больше, чем отрицательный по абсолютной величине. Выигрыш больше проигрыша. В случае переоценки — оба фактора отрицательны. Поэтому по мере осмысления и осознания реальности появляется соблазн уйти от ответственности перед партией, перед рабочим классом. Такой соблазн явно поощряют разлагающиеся и разложившиеся члены партии, которые любую оплошность руководства партии пытаются преподнести как огромное достижение, обходя молчанием лучшие мысли и идеи руководства. Ведется борьба не только за рабочий класс, за умы интеллигенции, за партию, но и за руководителей партии. Коммунисты напоминают о чести коммуниста, предостерегают от новых ошибок, призывают признать открыто ранее допущенные ошибки. Разложившиеся, напротив, напоминают об ответственности за допущенные ошибки, об индивидуальной чести, призывают прикрыть ошибки новыми промахами, вовлечь в это дело как можно больше лиц, обход допущенных ошибок преподнести как вклад в научный коммунизм, сочинить какую-нибудь оправдательную концепцию о социализме.

В.И.Ленин вполне обоснованно считается основателем именно такой революционной партии, которая сознательно разделяет коренные интересы пролетариата, выражает и отстаивает необходимость преобразования буржуазного общества. Если выдающийся марксист Г.В.Плеханов выражал беспокойство по поводу того, как бы партия коммунистическая не превратилась в бонапартистскую партию, диктатура пролетариата — в диктатуру над пролетариатом, то В.И.Ленин искал и находил конкретные формы отношений и связей между классами и людьми, группировками людей, при которых исключается бонапартизм, но не централизм, диктатура пролетариата не превращается в диктатуру над пролетариатом. При этом В.И.Ленин использовал труды Г.В.Плеханова значительно лучше, нежели Плеханов — труды Ленина.

Первый переломный момент в истории российского пролетарского движения после того, как марксизм более или менее был им принят, связан с созданием революционной партии на основе глубокого изучения марксизма и реальности в России.

Второй переломный момент наступил в связи с оценкой капиталистической действительности в период империализма. В.И.Ленин, открыв неравномерность развития капитализма на стадии империализма, пришел к выводу, что революционная ситуация тоже будет созревать неравномерно, неодновременно. Следовательно, победа революции возможна сначала в одной стране. В.И.Ленин, как и К.Маркс, и Ф.Энгельс посвятил всю свою жизнь служению пролетарскому делу, делу коммунизма. Именно поэтому В.И.Ленин не «побоялся» критически отнестись к выводу К.Маркса и Ф.Энгельса относительно возможности победы социалистической революции во всех или нескольких передовых странах. Вывод В.И.Ленина, будучи верным, имел огромное значение для определения стратегии и тактики партии. Но вывод Ленина был связан не с пересмотром коренных вопросов марксизма, касающихся оценки буржуазных отношений и их единственного способа уничтожения — диктатуры пролетариата, а лишь с оценкой созревания этих отношений в разных странах, а следовательно, с формой их уничтожения. Капитализм, который развивается равномерно, уничтожается диктатурой пролетариата во всех странах одновременно, а капитализм, который развивается неравномерно, уничтожается по частям. И только.

Неравномерность развития капитализма в разных странах, а вместе с этим и неравномерность созревания революционной ситуации с одной стороны, и всеобщая зависимость различных стран — с другой, не только допускает революционный прорыв капиталистической оболочки первоначально в одной стране, но делает его необходимым. При этом прорыв может произойти не обязательно там, где производительные силы наиболее развиты. Однако, где бы прорыв ни произошел, он представляет собой продукт всех или большинства стран, а не только одной. Прорыв происходит там, где наиболее созрел пролетариат, и где капитализм недостаточно способен отстоять свои позиции, где капиталистическое звено наиболее слабо. В случае победы пролетарской революции в экономически слабо развитой стране порядок решения основной задачи несколько меняется. Здесь предварительно за капитализм надо доделать кое-что. Это значит — капиталистические отношения сохраняются, но без капиталистов. Однако, капиталистические отношения не могут не порождать капиталистические элементы. Поэтому силы общественных и государственных органов необходимо направлять вполне сознательно не только на дела хозяйственные, но и на борьбу с капитализацией, вовремя отсекают зловредные опухоли. И до

каких пор это будет продолжаться? По объективным факторам до тех пор, пока производительные силы в городе и деревне не разовьются настолько, что они будут по своему характеру развития общественными, пока один и тот же рабочий не будет применять труд достаточно большого количества рабочих, пока достаточное количество рабочих не будут, по существу, управлять трудовым процессом одного и того же рабочего в неявной форме. Речь идет о неявном (опосредствованном) влиянии одних рабочих на других, что имеет место при капитализме, а не о явном (непосредственном), что представляет собой социализм. По субъективным факторам подобное будет длиться до тех пор, пока основная задача не будет решена теоретически.

Таким образом, при «нормальном» развитии, когда пролетариат одерживает победу в передовой капиталистической стране, где производительные силы стали по существу общественными, ход общественных преобразований таков:

- взятие государственной власти;
- укрепление (экономическое и политическое) диктатуры пролетариата в городе и деревне;
- уничтожение эксплуататорских классов;
- преобразование капиталистических отношений в социалистические, водворение экономического фундамента социализма.

При «ненормальном» ходе развития, когда пролетариат одерживает победу в экономически слабо развитой стране, где производительные силы ещё не стали по существу общественными, последовательность преобразований выглядит так:

- 1) взятие государственной власти;
- 2) укрепление (экономическое и политическое) диктатуры пролетариата в городе и деревне;
- 3) уничтожение крупных представителей эксплуататорских классов;
- 4) ограничение мелкой и средней буржуазии;
- 5) развитие производительных сил до необходимого уровня;
- 6) уничтожение всех эксплуататорских элементов;
- 7) преобразование капиталистических отношений в социалистические.

Последний пункт революционного преобразования капиталистических отношений в социалистические зависит от теоретического решения коренной части основной задачи социализма, от знания того, как и во что преобразуется элементарная экономическая клеточка, а вместе с ней, — система экономических законов буржуазного общества.

Упомянутый выше возможный ход развития революции был сформулирован и закреплён в первой Конституции победившего пролетариата:

«Основная задача рассчитанной на настоящий переходный момент Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти».

Как известно, в основе деления общества на классы лежит разделение труда. Таким образом, признаком водворения социализма, согласно Первой Конституции, является отрицание государства и товарно-денежных отношений. Конституция закрепила законодательно признак движения к коммунизму. Это — заслуга великого Ленина. Заметим, что конституция революционной республики защищает не только то, что завоевано, но и то, что предстоит завоевать. Это — главная отличительная черта революционной социалистической республики. И только такая защита единства завоеванного с тем, что предстоит завоевать, позволяет успешно решать задачи революционных преобразований, бороться против собственной косности, не дает превратить определенный способ защиты завоеваний в самоцель.

В.И. Ленин для переходного периода от капитализма к социализму обосновал необходимость НЭПа. Сущность НЭПа заключается в пролетарском использовании буржуазных отношений. Это значит, что пока нет социалистических экономических отношений, пока мы не знаем, что представляют собой социалистические экономические отношения, как их конкретно водворить, мы должны мириться с буржуазными отношениями, ведя беспощадную борьбу с их последствиями. Пролетарское использование товарно-денежных отношений не меняет сущность последних, а лишь ограничивает их закономерные проявления, уменьшает их влияние на поведение людей. Необходимость сохранения товарно-денежных отношений предполагает необходимость сохранения беспощадной диктатуры пролетариата. Без наличия последней, и при сохранении товарно-денежных отношений завоевания социализма могут легко исчезнуть.

В.И.Ленин никогда и нигде не доказывал, как это необоснованно уверяют некоторые специалисты, необходимость сохранения товарно-денежных (буржуазных) отношений при господстве экономического базиса социализма.

В.И.Ленин говорил правду даже тогда, когда откровенность (с точки зрения буржуа) не прибавляет чести. В.И.Ленин, подводя итог героической эпопеи большевистского движения, в 1921 году писал:

«Поощрение почина часто может оказаться не связанным с капиталистическими отношениями. Как осуществить это поощрение? Такой вопрос должен стоять перед эконсоветами и всеми органами хозяйственного строительства вообще. Ввиду новизны этой задачи, едва ли можно сейчас дать вполне определенные указания. Все дело в том, чтобы уделить громадное внимание этому вопросу, всяческий хозяйственный почин поощрять, тщательно изучать практический опыт, ознакомить с ним все государство» (В.И.Ленин, ПСС, т. 43, с. 277 — 278).

Здесь В.И.Ленин по существу формулирует заключительную часть основной задачи социалистического преобразования капиталистического общества применительно к материальному поощрению. Из этой формулировки следует ряд замечательных и поучительных выводов.

Первый вывод: материальное поощрение (хозяйственный расчет) может существовать вне товарно-денежных отношений.

Второй вывод: данная задача, ввиду новизны, чрезвычайно трудная. Поэтому ее необходимо поставить во главу угла перед экономистами, политэкономистами.

Третий вывод: партийным и государственным органам необходимо следить за тем, как решается данная задача, оберегать ее от игнорирования соответствующими органами.

Четвертый вывод: от решения этой труднейшей задачи зависит, будет ли водворен экономический базис социализма.

Задача формулируется так: найти материальное поощрение вне капиталистических (разумеется, и вне феодальных, и вне рабских) отношений. Речь даже не идет о наилучшей форме поощрения. Речь идет о материальном поощрении в рамках неопределенных отношений (точнее, эти отношения определены относительно: они не являются ни капиталистическими, ни феодальными, ни рабскими). Если у Маркса и Энгельса задача связана с определением новых отношений, то есть искомыми являются сами отношения, то у Ленина искомой является форма поощрения при новых, но неизвестных отношениях. Ленин и усложняет, и упрощает задачу. Усложняет тем, что вводит наряду с неизвестными отношениями еще одну неизвестную — форму поощрения. А упрощается задача тем, что Ленин отвлекается от множества других конкретных задач, которые могут быть сформулированы и решены на базе новых (пусть еще, в основном, неизвестных) отношений. Такой подход облегчает решение основной задачи. Мы как бы получаем частное решение основной задачи, с помощью которого проникаем в сущность основной задачи, так как частное решение обладает свойствами основной задачи. Аналогичные приемы используются в естественных науках. Частное решение ищется путем отвлечения от общего решения путем предположения, что общее решение имеет место, существует, известно. Это значит, по предположению, социалистическая общественная собственность функционирует реально, требуется найти форму ее реализации в материальном поощрении. Это предположение описывается соответствующими условиями, на основе которых разыскивается необходимая форма поощрения. Найденная форма выражает сущность основных отношений, но не раскрывает полностью их содержание, поскольку представляет их единство. И тем не менее данная форма способствует раскрытию содержания производственных отношений путем решения обратной задачи: форма поощрения дана, требуется найти те производственные отношения, при которых она может быть реализована. Решение этой задачи, очевидно, должно совпадать с решением основной задачи прямым способом, то есть путем преобразования производственных отношений в соответствии с характером производительных сил. Разница между этими двумя подходами (окольным и прямым) заключается в том, что в первом случае мы не знаем, насколько задача реалистична, исторически необходима, а во втором случае решение находится из прямого анализа реальных производительных сил. Поэтому решение во втором случае, если оно верно, то — исторически необходимо. При окольном приеме мы исходим из юридических представлений об общественной собственности. На основе этих представлений ищется наилучшая форма поощрения (исходя, конечно, из максимальной экономии всех средств труда и максимума полезности труда). Затем задача переворачивается. Наше предположение о существовании общественной собственности снимается, а общественная собственность рассматривается как искомая при заданной форме поощрения. Задача ставится так: в какие конкретно связи должны вступить лица, чтобы реализовать данную форму поощрения.

Собственно, ленинская формулировка основной задачи на заключительном ее этапе совпадает с марксовской формулировкой. Ведь К.Маркс при формулировке известного принципа по труду

предполагает, что лица не вступают в капиталистические отношения (товарно-денежные), а также исходит из господства общественной собственности. Иначе, по Марксу, было бы бессмысленно говорить об отношении между индивидом и обществом.

Итак, В.И. Ленин сразу после того, как обосновал необходимость НЭПа, сохранение товарно-денежных отношений, вернулся к основной задаче социализма, подтвердил свое непоколебимое отношение к великому учению К.Маркса и Ф.Энгельса, напомнил, что он вовсе не пересмотрел положение основоположников научного коммунизма относительно товара и государства. Напротив, В.И. Ленин признался в том, что он не знает в данный момент как решить теоретически основную задачу для заключительного этапа строительства социализма. Если накануне Великой Октябрьской революции В.И. Ленин предостерегал ЦК партии от недооценки соотношения и расположения сил революции и контрреволюции, убеждал, что любое промедление с решительными наступательными действиями смерти подобно, то в данный момент В.И. Ленин говорит об опасности переоценки роли товарно-денежных отношений в деле строительства коммунизма, что политика миротворческого отношения к товару и государству ведет к замедленной смерти пролетарской республики.

Глава 6 КПСС и основная задача социализма

Между Коммунистической партией и решением основной задачи социализма функционирует неантагонистическое противоречие: чем лучше решается основная задача, тем больше укрепляется партия. И наоборот, чем сознательнее члены партии, чем меньше они заражены психологией буржуа, чем более они коммунистичны, — тем лучше решается основная задача социализма. Основная цель КПСС, как известно, — построение коммунизма, то есть решение основной задачи социализма. КПСС является основным, определяющим средством решения основной задачи социализма. Чем лучше решается основная задача, тем более сплочены ряды КПСС, и напротив, чем более сплочены ряды КПСС, чем более они коммунистичны, — тем лучше решается основная задача социализма. Однако, это неантагонистическое противоречие имеет обратную сторону. Чем меньше КПСС уделяет внимания основной задаче социализма, чем больше она застревает в конкретных хозяйственных задачах, в «текучке», — тем меньше она укрепляется как коммунистическая партия, тем больше она разлагается. Чем больше партия ослабевает как коммунистическая (а не как правящая), — тем менее она способна решать основную задачу социализма. Эта обратная сторона неантагонистического противоречия может послужить основанием для превращения неантагонистического противоречия между КПСС и основной задачей социализма в антагонистическое путем преобразования КПСС в ее противоположность. Само возникновение партии связано с началом решения основной задачи социализма. Чем лучше решается задача, тем более крепкую основу получает будущая партия. Роль великого Ленина состоит в том, что он заложил основы для коммунистической партии, затем создавал и формировал эту партию. Правда, и партия создавала и формировала В.И. Ленина. Чем больше вождь способствовал созданию крепкой коммунистической партии, тем больше закладывал основ для раскрытия потенциальных способностей ее вождей. Конечно, не каждый член партии закладывает краеугольный камень в переломные моменты. Но, тем не менее, каждый член партии формирует партию и формируется партией. Роль каждого члена КПСС определяется не только тем, какую должность он занимает в общественной лестнице, а и тем, как он решает или насколько способствует решению основной задачи социализма. Занимаемая должность определяет меру политического влияния. Но политика политике рознь. Политика может быть коммунистической, мелкобуржуазной, монархической, капиталистической и т.д. Теоретическое решение основной задачи социализма определяется (зависит) широтой и глубиной знаний разносторонних проблем, а практическое внедрение зависит от политического влияния. При прочих равных условиях возможности реализации теоретических решений на практике определяются высотой занимаемой должности.

В России Коммунистическая партия была практически единственным связующим органом различных пролетарских масс: рабочего класса, крестьянства и солдат. Партия способствовала как внутреннему сплочению рабочих, крестьян и солдат, так и межклассовому соединению этих групп против классового противника — царя, помещиков, капиталистов и, наконец, против кулака. Во все времена проблема сохранения партии как коммунистической была первейшей задачей. Напомним, что до Великой Октябрьской революции основными факторами сохранения и поддержания чистоты партии были: а) признание диктатуры пролетариата в программе партии как цели и б) осуществление организации диктатуры пролетариата внутри класса рабочих, крестьян и солдат и между этими группами в действительности. Первый факт подтверждался тем, что партия открыто заявила миру, что ее ближайшая задача — это завоевание диктатуры пролетариата. Второй фактор подкреплялся уставом партии. В связи с этим особо следует отметить ленинскую формулировку первого параграфа устава

партии об обязательном участии члена партии в работе первичных партийных организаций. Именно это положение делало каждого члена партии ответственным перед рабочими, а всю партию — ответственной за судьбу рабочего класса. Эта ответственность, правда, осуществлялась весьма, быть может, странным образом, с помощью царских чиновников, аппарата насилия помещичьего государства, с помощью капиталистов. Члены партии, провозгласившей завоевание диктатуры пролетариата ближайшей целью, являются политическими врагами царизма, капитализма. Участие членов партии в первичных организациях партии, так или иначе, осуществляется в непосредственном контакте с рабочими, реально способствует созданию организации диктатуры пролетариата. Такая форма деятельности, разумеется, преследуется аппаратом правящего класса. С другой стороны, если член партии идет на такой риск (а без этого он не может быть членом партии), то это доказывает, что он поднялся над буржуазным способом существования, готов вступить в коммунистическое отношение. Это, конечно, еще не коммунистическое отношение по производству материальных благ. Но это — коммунистическое отношение по производству нового общественного строя. Риск жизненными интересами ради интересов других — вот начало коммунистического отношения во имя будущего общества. Вот такую суровую и необходимую школу отбора проходили большевики до Октябрьской революции.

После Октябрьской революции условие отбора коммунистов было значительно ослаблено. Если условие, которое способствовало сохранению чистоты партии, было ослаблено, то, напротив, появился новый фактор, который при сохранении буржуазных экономических отношений способствовал разложению партии изнутри. Это — завоеванное право управлять предприятиями, хозяйственной жизнью страны. Желание вступить в партию коммунистов появилось у тех, кто ничего общего не имел с коммунистами, кто, в силу своих мотивов, не поднялся до уровня большевиков. Такое желание было обусловлено возможностью занять тепленькое местечко. Появилась возможность формального выполнения уставных норм партии и реального искажения ее существа. Чтобы воспрепятствовать таким негативным явлениям, партия применила вновь учение марксизма-ленинизма для поддержания чистоты партии, учение о мостике перехода от капитализма к социализму. Конкретно это выразилось в двух мерах:

- партмаксимуме, в соответствии с которым заработная плата членов партии урезалась и
- чистке рядов партии от некоммунистических элементов на открытых партийных собраниях.

Эти две меры играли роль обратной связи между авангардом (партией) и рабочим классом. Партия несла реальную (моральную и материальную) ответственность перед тем классом, от имени которого она выступала, действовала, партия нашла в новых условиях новые средства для сохранения чистоты своих рядов. Эти меры действовали вплоть до XVII съезда партии, на котором было признано, что в СССР социализм построен в основном, что Великая задача социализма решена теоретически и практически в основном. Из этого вывода следовали соответствующие стратегия и тактика партии как в отношении к общественной реальности, так и в отношении к внутренним проблемам партии. Раз социализм построен в основном, то, следовательно, в основном уже отсутствуют те отрицательные факторы, которые разлагали партию и от которых следовало ее оберегать. Раз функционирует социализм в основном, то, следовательно, реализуется, прежде всего, принцип от каждого — по его способностям, каждому — по его труду. Никто, независимо от занимаемой должности, не может получать больше (меньше), чем заслуживает в соответствии с его реальным общественным вкладом. Поэтому нет никакого особого интереса вступать в партию лицам, которые еще не разделяют, в силу объективных причин, коммунистические взгляды, идеалы. Члены партии, независимо от того какие они занимают должности, не имеют, в соответствии с предположением о построении социализма, никаких преимуществ, за исключением того преимущества, которое означает: работать дополнительно и безвозмездно по укреплению социализма. Следовательно, нет никакой необходимости в драконовских приемах по поддержанию чистоты партии. На основании примерно таких рассуждений были отменены партмаксимум и чистка партии.

Партия, решая задачу по самосохранению, преследовала главную цель: преобразовывать капиталистическое общество в социалистическое. После победы Октябрьской революции партия решала задачи по защите социалистической республики от внешних и внутренних врагов. Без решения этой задачи нечего было думать о преобразовании общества. Затем, поскольку революция свершилась в стране, где индустрия была слабо развита, сельское хозяйство — полуфеодальное, полукапиталистическое, — приходилось доделывать кое-что за капитализм, но без капиталистов. Без индустриализации страны, без развития производительных сил до необходимого уровня не могло быть речи о преобразовании капиталистических (товарно-денежных) отношений в социалистические. Следующий необходимый шаг был связан с коллективизацией сельского хозяйства, с обобществлением

сельского хозяйства по капиталистически без капиталистов. Все эти шаги были объективно необходимы для начала штурма капиталистических отношений, перехода от политики их ограничения к политике коренного преобразования. Однако, для преобразования капиталистических производственных отношений в социалистические необходимы не только объективные условия, но и соответствующие субъективные: надо еще знать, в какое конкретно отношение преобразуется каждое капиталистическое отношение. Без этого знания строить новое общество невозможно. Но к XVII съезду партии основная задача социализма не была решена теоретически в основном. Следовательно, она не могла быть реализована и практически. И, тем не менее, вывод о построении социализма был сделан.

Чем можно объяснить такой факт? К XVII съезду партии развитие революции подошло к концу прямого движения — первого этапа; политика ограничения буржуазных отношений была доведена до логического конца: построен предварительный социализм, после которого должны были начаться преобразования самих буржуазных отношений, что составляет второй этап строительства социализма. Момент был критический. В таких случаях чрезвычайно трудно не ошибиться. Причин для того, чтобы ошибиться было много. Но основными были следующие три:

- все более возрастающие темпы экономического развития, что соответствовало установленным наукой критериям существования социализма;
- уничтожение эксплуататорских классов, что указывало на то, что рабочий класс и крестьянство завоевали полное право быть хозяевами;
- незнание того, что такое конкретно социалистические экономические отношения, что, безусловно, допускало смешение правовых отношений с экономическими, отождествление единства социалистического права и несоциалистических экономических отношений с единством социалистического права и социалистических экономических отношений.

Действительно, когда новое социалистическое общество недостаточно известно, и, вместе с тем, нам дано некое новое общество, которое не совпадает ни с одним из старых, то почему его не отождествить с социалистическим обществом, с искомым? Единство социалистического права и несоциалистического экономического базиса характерно для нового общества. Но это общество, которое имело место к XVII съезду партии и которое имеет место до сих пор, еще не социалистическое в полном смысле этого слова. В этом обществе каждое несоциалистическое отношение проявляется иначе, нежели при капитализме, феодализме, рабстве. Например, товарно-денежные отношения, не меняя свою сущность, проявляются иначе, чем при капитализме. Это новое явление некоторые ученые выдают за новое содержание товарно-денежных отношений. Новым является не содержание товарно-денежных отношений, а единство товарно-денежных отношений и политической надстройки социализма. Однако это новое еще далеко не социалистическое. Уяснить этот факт сегодня очень важно. Без такого понимания дальнейшее прогрессивное движение невозможно, а партии грозит новая опасность, предстоит новое испытание, которое она может не выдержать.

Первая опасность для партии состояла в том, что она сняла те ограничения на членов партии, которые существенно препятствовали проникновению некоммунистических элементов в партию или помогали избавляться от таковых, если они возникали внутри партии. Первая опасность связана с проникновением и зарождением внутри партии чужеродных, некоммунистических элементов. Так как экономические отношения еще не социалистические, то члены партии, в зависимости от занимаемой должности в хозяйственной жизни страны, отрасли, предприятия, цеха, бригады, находятся в условиях постоянного соблазна стать на некоммунистический путь. Этот соблазн морально поддерживается окружающей средой. В этих объективных условиях партия, сняв ограничения на членов партии в виде партмаксимума и чистки партии, способствовала своему разложению.

Вторая опасность партии грозила в области идеологии. Действительно, если реально вместо социализма имеет место лишь единство социалистического права и несоциалистического экономического базиса, то рано или поздно эта реальность даст о себе знать в виде явлений, свойственных всякому классовому обществу. А так как социализм, по предположению, построен, то объяснить эти явления будет нельзя, опираясь на материалистическое учение марксизма-ленинизма, на экономический базис социализма, не поставив под сомнение возвышенные, благородные представления о социализме, коммунизме. А с другой стороны, наша идеология — это марксизм-ленинизм. А это значит, что ни одно явление нельзя объяснить, не связав его с базисом общества.

Итак, если негативные явления, которые вскоре неизбежно дадут о себе знать, объяснять научно, опираясь на материалистическое учение, то получаем отрицание идей социализма, отрицание коммунизма как общества, которому свойственна внутренняя гармония, как общества без антагонизма, в котором всестороннее развитие личности становится целью и средством развития. Одним словом, появляется возможность поставить под сомнение учение о социализме. И эта опасность сегодня из

возможности постоянно переходит в действительность. Появляются «серьезные» публикации, в которых авторы во имя «научного» метода приносят в жертву идеи социализма.

Но, если, опасаясь такого поворота дела, не связывать негативные явления с базисом общества, то тогда ставится под сомнение материалистическое понимание общества, сердцевина марксизма-ленинизма. Такая опасность долгие годы реализовывалась и приносила свои плоды.

Вот в таком сложном положении оказалась самая великая партия, та партия, которая по уровню организованности, целеустремленности, бескомпромиссности не имела равных, которая успешно прошла школу суровых испытаний, обеспечила пролетариату победу над царизмом, капитализмом. И вот теперь эта великая партия проходит, пожалуй, самое опасное для ее существования испытание, которое длится около 50 лет. Партия находится в таких условиях, что, если она не осознает и не признает ошибочность вывода о построении социализма в основном в тридцатые годы, полного и развитого в 60-е годы, то любые ее шаги, независимо от мотивов побуждения (пусть самых благородных), будут приближать гибель дела Великого Октября. Реализм, восстановление всех выводов марксизма-ленинизма относительно критериев существования социализма без всяких оговорок — есть первейшее и необходимое условие того, что КПСС действительно возглавит и вновь направит пролетарское движение по единственному руслу, ведущему к коммунизму.

Возникает вполне закономерный вопрос. Как партия объясняла негативные моменты, боролась за дело коммунизма? В связи с этим рассмотрим кратко деятельность коммунистической партии в борьбе за самосохранение, за сохранение социалистической республики, за развитие производительных сил, за чистоту марксизма-ленинизма в условиях, когда партии были нанесены тяжелейшие удары.

Первый удар, который был нанесен по всей партии, заключался в отмене партмаксимума и чистки партии. Буржуазный способ существования, который реально сохранялся, и буржуазная психология, которую воспроизводил буржуазный способ существования, постепенно опутывали некоторых членов партии, заражавших, в свою очередь, других. Мелкобуржуазная психология вместе с ее базисом — товарно-денежными отношениями, — имеет тенденцию перерастать в психологию крупного буржуа, барина, вельможи и т.д., о реальном существовании которых люди знают не только на основании собственного опыта, но благодаря современным чекистам, честным и преданным делу коммунизма деятелям партии, рабочего движения. Новоявленные вельможи рано или поздно потребуют узаконить соответствующий экономический базис, снять с него все политические ограничения. А пока нет узаконенного экономического базиса, при котором можно было бы присваивать чужой труд открыто, скрытые буржуа, барины, вельможи с членскими билетами КПСС в кармане, действуют на свой страх и риск в соответствии с объективными законами экономики, позволяющими им вполне присваивать чужой труд, поощряют идеологов, отстаивающих полный хозрасчет на основе стоимостных отношений. Скрытый буржуа, если даже он не поднялся до понимания марксизма-ленинизма в целом, чувствует, какие просторы открываются для его скрытого капитала при полном хозрасчете на основе стоимостных отношений. Полный хозрасчет на основе стоимостных отношений есть полный капитализм. Скрытые буржуа, барины, вельможи, которые любят повторять общие истины, жонглировать демагогическими фразами, иногда исключаются из партии. Но это происходит, как правило, по инициативе внешних (вышестоящих) органов партии. Первичные партийные организации находятся в таких условиях, что они не в состоянии освободиться от давно переродившегося члена партии. И это не случайно!

Второй удар был нанесен в основном наиболее активным, принципиальным ее членам, руководителям партийных организаций. Внутривнутрипартийная борьба, обострившаяся после XVII съезда партии, унесла из ее рядов немало верных и принципиальных ее сыновей и дочерей. Эта борьба не могла не сказаться на дальнейшей судьбе партии, в особенности в области идеологии. Жестокая расправа, страх, унижение перед народом заставляли отказаться даже великих людей от разделяемых ими воззрений, результатов их научной деятельности. И, конечно, страх, жестокая расправа над коммунистами в совокупности с другими причинами обеспечили ту легкость, с которой Сталину от имени ЦК (или ЦК через Сталина) удалось преподнести промахи в теории за научный вклад в марксизм-ленинизм по вопросу о государстве.

Третий удар по партии был нанесен внешним врагом. Фашизм угрожал существованию первой социалистической республики. Однако фашизм нанес удар не только по коммунистической партии, а по всей стране. Смертельная опасность угрожала каждому в отдельности и всей стране. Но фашизм, нанося большой урон всей стране, уничтожая города и деревни, унося жизни миллионов советских людей, включая сотни тысяч коммунистов, тем самым, против желания, способствовал восстановлению чистоты партии. Фашистская пуля играла в деле поддержания чистоты коммунистической партии ту же роль, что царский чиновнический аппарат. В период Великой Отечественной войны партия не только потеряла многих достойных членов, но приняла в свои ряды еще больше не менее достойных звания

коммуниста членов. Случайные люди покидали партию или не вступали в партию. Третий удар по всей стране отвлек партию от вопросов коммунистического строительства на многие годы.

Четвертый открытый удар был нанесен по идеологии партии на XVIII съезде партии по основному вопросу марксизма-ленинизма — о государстве. Собственно, на этом съезде были все основания критически переосмыслить выводы, сделанные на предшествующем съезде партии о построении социализма в основном. Таким основанием служил один из существенных научных критериев существования социализма: социализм с необходимостью отрицает государственную власть. Вместо того, чтобы переосмыслить вывод о построении социализма, был снят критерий существования социализма. Необходимость сохранения государства при социализме выводилась из капиталистического окружения. Но этим самым был нанесен удар не только по критерию существования социализма, но и по сердцевине диалектического материализма, согласно которому основными, определяющими отношениями являются внутренние, а не внешние отношения. Напомним, что данный критерий существования социализма был закреплен законодательно в первой Конституции победившего пролетариата. Напоминание о важности этого критерия, составляющего вершину учения марксизма-ленинизма, было необходимым еще в 1924 году после смерти В.И.Ленина. Так, в Конституции СССР от 1924 года отсутствует формулировка основной задачи социализма. И последующие конституции также не включают основную задачу социализма. В последних двух конституциях от 1936 г. и 1977 г. утверждается, что социализм построен. И это делается несмотря на то, что анализ многих статей конституций показывает, что необходимость включения самих статей в конституцию есть доказательство отсутствия экономического базиса социализма. Игнорирование основной задачи социализма Конституцией СССР есть косвенный удар по идеологии, который компенсируется рядом замечательных статей, закрепляющих политические права граждан. Открытый же удар был нанесен, как было сказано, на XVIII съезде, на котором был поставлен вопрос: почему сохраняется государственная власть, необходимость в ней. Сам по себе этот вопрос, повторяю, мог послужить для партии сигналом (основанием) для критического переосмысления своей недолгой практики, углубленного усвоения изменившейся реальности. Однако в условиях, когда внутрипартийная прогрессирующая идейная борьба, достигшая кульминационной точки в конце 20-х и начале 30-х годов, перешла в расправу над идейными противниками, когда таким образом критическая мысль при желании могла быть истолкована как антипартийная, переосмыслить собственные выводы было чрезвычайно трудно. В этих условиях под сомнение было поставлено центральное место марксизма-ленинизма, его вершина — учение о государстве. Ошибки, высказанные Сталиным в отчетном докладе ЦК КПСС в связи с токованием формулы Энгельса, были преподнесены партии, всему миру как вклад в теорию марксизма-ленинизма. Произошло как бы всеобщее затемнение разума. Указанный вклад в науку не представлял ничего нового, так как подобное понимание государства высказывалось до Маркса.

Пятый удар был нанесен так же по идеологии партии. Это произошло на XXII съезде партии. На этом съезде было еще больше оснований для критического анализа пройденного пути к капитализму. На XX съезде был поднят очень важный вопрос о культе личности; было сказано, что культ личности несовместим с практикой и идеологией социализма, что природа социализма не рождает культ личности. Но культ личности имеет место, что было признано на съезде. Это очень важно. Отсюда следует логический вывод, экономический базис социализма еще не водворен. Но такой вывод логичен лишь при признании материалистического понимания истории, существа диалектического материализма. К сожалению, на XX съезде партии причина возникновения культа личности объяснялась не самым лучшим образом. В качестве объективной причины называлось враждебное окружение нашей страны. Но подобная позиция есть не что иное, как сущность «сталинизма». Сталин именно ссылкой на внешние условия попытался обосновать сохранение государства. «Сталинизм» придает активное начало внешним отношениям, но упускает из виду роль внутренних отношений. И получается, складывается впечатление, что внутренние отношения пассивны, а внешние — активны.

В качестве субъективной причины были названы личные качества Сталина. С таким же успехом можно было назвать личные качества всех окружающих Сталина. После XX съезда было опубликовано политическое завещание В.И.Ленина (его последние письма) ЦК и съезду партии, в которых поднимался вопрос о Сталине, его личных качествах. Однако В.И.Ленин упор делает на личные качества лишь при том условии, что Сталин занимает должность генсека. Главное здесь — занимаемая должность. В своем политическом завещании В.И.Ленин задумывается над тем, как практически осуществить отрицание государства. Он ставит две задачи: 1) найти такой способ выдвижения руководящих работников, который позволял бы распределять членов партии в соответствии с их личными качествами; 2) найти такие отношения, при которых концентрация политической власти вокруг любой должности была бы не больше, чем она необходима для решения конкретных задач. Из второй задачи следует третья —

обратная ей: 3) найти отношения, при которых концентрация власти вокруг любой должности не меньше, чем она необходима для решения практических задач наилучшим образом. Но эта содержательная сторона писем Ленина осталась неисследованной. Главный упор был сделан на то, что Ленин конкретно предлагал заменить Сталина на должности генсека другим, с более подходящими личными качествами, при прочих равных условиях. Такой «потребительский», сиюминутный подход к произведениям В.И.Ленина имеет место, к сожалению, до сих пор.

Удивительно, но факт. После XX съезда партии долгое время Сталина обвиняли во всех недостатках нашей практической и даже теоретической деятельности. Сталин выглядел как бы главным виновником всех недостатков. Тем самым Сталин признавался всемогущим, способным творить, по крайней мере, любое зло. А с другой стороны Сталину перестали ставить в заслугу какое-либо реальное достижение. Все достижения приписывались партии, ее ЦК. Это значит, что Сталин, будучи генсеком, был никем. То есть Сталин на должности генсека творил лишь одно зло и не был способен творить добро. Добро творила партия. Но партия, которая терпела Сталина, творящего зло на должности генсека, творила тем самым зло. Вот такая двойственная, логически противоречивая позиция по отношению к Сталину господствовала в течение долгих лет.

Надо прямо сказать, на XX съезде партии вопрос о культе личности был поставлен по-большевистски. Однако, вопрос не был до конца разрешен. Культ личности не был разоблачен. Был поставлен под сомнение авторитет Сталина. Это было много. Но это было слишком мало для прогрессивного развития. В результате нерешенности вопроса о культе личности вскоре вторично родился культ Сталина, как протест против культа Хрущева и Брежнева. Чем более старательно укрепляла официальная пресса культ новых генсеков, тем сильнее неофициальная пресса защищала культ Сталина. И в течение тридцати лет борьбы двух пресс верх брала неофициальная пресса в том смысле, что Сталина уважали и боготворили больше, чем Хрущева и Брежнева. И это не случайно. Согласно обеим прессам генсек — всемогущая сила. Все наши успехи и недостатки зависят от генсека, от руководства. И если мы сравним достижения во времена Сталина, темпы экономического развития с тем, что имело место в период деятельности последующих генсеков, то получится, что Сталин — великий генсек, а последующие все мельче и мельче. Легкомысленность двух пресс заключается в том, что недостатки в период Сталина приписываются Сталину, а не недостроенности социализма, в период Хрущева — Хрущеву, а не недостроенности социализма и промахам Сталина, в период Брежнева — Брежневу, а не недостроенности социализма и промахам в период Сталина и Хрущева. Этот способ мышления, который всячески избегает принципа историзма, в своей основе имеет психологию мелкого буржуа-товаропроизводителя.

Задолго до XXII съезда партии развернулась дискуссия по вопросу о товарно-денежных отношениях. Результатом дискуссии было усиление уклона от пути марксовой теории. Вместо того, чтобы усомниться в своей собственной деятельности, признать действительность такой, какая она есть — вместо этого основные положения марксизма-ленинизма о социализме стали ставить под сомнение. Относительно Маркса и Энгельса формально выдерживали такт, высказывали им внешнее уважение. Одни мягко упрекали Маркса и Энгельса в том, что они не предвидели необходимость сохранения товарно-денежных отношений при социализме, другие добавляли, что Маркс и Энгельс не могли в силу определенных условий предвидеть необходимость сохранения товарно-денежных отношений. Но в действительности Маркса и Энгельса, хотели того авторы дискуссии или нет, пытались представить далеко не в лучшем виде. Негласно им ставили в вину недооценку работ Прудона и Дюринга, чьи имена товарищи — сторонники Прудона и Дюринга старались не упоминать. И это тоже не случайно.

Одним словом, в результате дискуссий наука об обществе сделал шаг назад, немарксистские воззрения взяли верх. В ныне действующей Программе партии, принятой на XXII съезде партии, отразились все идеологические, научные промахи, ошибочные выводы, искажение марксизма-ленинизма. Данная Программа в особенности страдает технократизмом.

Если бы наша партия с самого ее зарождения стала на путь прудоновцев и дюринговцев, то она не только не привела бы рабочий класс к Великой Октябрьской революции, но погибла бы уже в 1905 году как партия.

Партия занималась, конечно, не только и не столько самоуничтожением, сколько укреплением своих рядов, решением ключевых экономических, политических, международных задач. Деятельность партии по самоуничтожению нельзя рассматривать так, как будто внутри партии образовалась фракция, поставившая своей целью уничтожение партии. Нет. Все члены партии без исключения, если они не осознают и не признают допущенные ошибки, не стремятся их устранить, — независимо от их воли и сознания, при любом шаге приближают партию к гибели. Одни (руководители) больше, другие (исполнители) меньше. И только. Партия боролась и борется до сих пор против самоуничтожения,

самороспуска. Эта деятельность опирается и осуществляется исключительно с помощью воли и сознания членов партии. Положительная деятельность партии опирается на наши завоевания в области политической надстройки: централизация средств производства, контроль со стороны партии всех хозяйственных и государственных органов. А отрицательная деятельность партии «осуществляется» сама по себе, стихийно, на основе несоциалистических экономических отношений.

Уже на XVIII съезде партии было заявлено, что мы встали на путь строительства коммунизма. И это было не лицемерное заявление. Сталин был глубоко уверен, что социализм построен, что путь к коммунизму открыт, что дело теперь главным образом в техническом прогрессе и т.д. Ошибки Сталина в связи с вопросом о государстве — это не результат злого умысла. Это — результат недостаточного понимания дела. Сталин в вопросах научного коммунизма не поднялся до той высоты, с которой возможно продолжение данной науки, до понимания того, что он не знает, как конкретно решить основную задачу социализма. Короче, Сталин не осознал, что он знает, а что не знает, не дошел до границы полученных знаний. Сталин, следовательно, не мог оперировать соответствующими знаниями с целью развития науки. Ему легче было отвергнуть какой-либо теоретический вывод, нежели использовать его для понимания реальности и преобразования ее. Сталин отверг положение марксизма о государстве. Но в то же время Сталин искренне верил в справедливость остальных выводов, поэтому защищал их. В особенности вопрос о производительности труда. Ставилась задача: в течение 15 — 20 лет догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны. Реалистична была данная задача? Да, но при условии, что социализм построен. Если же социализм не построен, то такая задача не реалистична, так как лучшая форма «использования» товара и государства по Марксу — есть капитализм. Данная задача вновь оживилась в ныне действующей Программе партии.

XX съезд партии сыграл огромную роль для критического осмысления действительности. Октябрьский (1964 г.) Пленум усилил этот подход, придав ему научное направление. Июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС и Апрельский (1985 г.) сделали попытку восстановить марксизм-ленинизм, вылечить партию от куриной слепоты. На Июньском (1983 г.) Пленуме Ю.В.Андропов по-большевистски признал, что мы не знаем, как следует, законы общества, в котором живем.

Особенностью социализма является то, что, если он построен, его экономический фундамент водворен, люди, живущие при нем, не могут не знать его. Социализм, если он существует, нельзя не знать (речь идет о научном знании, а не о приобретении знаний школьниками) хотя бы потому, что его нельзя построить, не зная его.

Если сравнить эту особенность социализма с признанием Ю.В.Андропова, то получается, что генеральный секретарь ЦК КПСС признал, что социализм в СССР еще не построен.

Итак, для дела коммунизма отрицательную роль играют соответствующие выводы XVII, XVIII, XXII съездов партии. И напротив, наиболее положительную роль в деле понимания реальности и восстановления выводов марксизма-ленинизма играют XX съезд партии, Октябрьский (1964), Июньский (1983), Апрельский (1985) Пленумы ЦК КПСС. Для полного восстановления положений марксизма-ленинизма, для достаточно полного осознания реальности и признания ее такой, какая она есть, потребуется, по меньшей мере, еще один специальный Пленум ЦК КПСС и специальный съезд партии. Вопросы идеологии партии, вопросы научного коммунизма — это великое достояние человеческой культуры. И они заслуживают того, чтобы им был посвящен съезд партии. С решением (правильным) этих вопросов связана возможность продолжения строительства коммунизма на деле, а не на словах.

На последнем XXVI съезде партии был поставлен вопрос о Новой редакции Программы КПСС. Такой вопрос, безусловно, закономерен. Однако речь должна идти не столько о Новой редакции ныне действующей Программы, сколько, в связи с нерешенностью основной задачи социализма, о возврате ко второй Программе партии. Наши социальные, экономические и прочие недостатки связаны с невыполнением второй Программы партии. Новая редакция должна отразить достаточно полно сущность основной задачи социализма и способа ее решения. Такая программа и только такая, если даже она будет содержать множество других недостатков, может быть названа Программой коммунистической партии. Программа должна быть избавлена от всех немарксистских взглядов относительно фундаментальных понятий о товаре и государстве и относительно их отношения к социализму.

Коммунистическая политика есть наука по выработке общих и конкретных целей и выяснению способа движения от теперешнего состояния к нашим целям. Коммунистическая политика без самого серьезного ущерба для себя не может не опираться на достижения фундаментальных наук естество- и обществензнания, не может не объединять их, не служить начальным условием их развития. Причину «малых» недостатков следует искать в отдельных областях хозяйственной жизни, знаний, а причину больших недостатков во всей хозяйственной жизни — в политике. Политика есть причина и следствие

общественного развития. Так, если коммунистическая политика рекомендует всемерное использование товарно-денежных отношений для строительства коммунизма, то она, тем самым, обрекает общество на всевозможные конкретные неурядицы в хозяйственной жизни, на бесконечные путаницы в общественных науках, в особенности, в политической экономии, делает невозможным решение задачи «нужное обществу сделать выгодным коллективу», отрицает коммунистическую политику в каждом конкретном случае.

Глава 7 Научный коммунизм.

Из самого названия в сочетании с действительностью следует, что научный коммунизм есть наука об обществе, которое приходит на смену капиталистическому обществу. Это наука о том, что есть, а затем о том, во что и как преобразуется существующее общество, это наука об общих и конкретных путях уничтожения капиталистического общества, его политического строя и базиса, введения нового политического строя, а затем водворения соответствующего экономического базиса. Эта наука должна, во-первых, вскрыть общую основу всякого рабства; во-вторых, доказать, что капитализм есть высшая и последняя форма рабства; в-третьих, обосновать, тем самым, необходимость уничтожения капитализма и замены его более прогрессивным обществом; в-четвертых, определить движущие силы общества (соответственно прогрессивные и регрессивные) и, в-пятых, к каждому периоду времени наука должна давать прогрессивным силам соответствующие рекомендации по преобразованию общества и одновременно критически осмысливать пройденный путь. Быть впереди общественной практики и беспристрастно обобщать исторический опыт, критически анализировать текущую политику — такова главная задача научного коммунизма в общих чертах. Научный коммунизм — это наука об условиях и путях освобождения трудящихся от рабства. Основоположниками научного коммунизма установлено, что разделение труда составляет общую основу всякого рабства. Следовательно, научный коммунизм есть наука об условиях преодоления разделения труда. Установлено, что буржуазное общество, для которого товар составляет элементарную экономическую клеточку, есть последнее антагонистическое общество, особым, отличительным законом которого, по сравнению с другими антагонистическими обществами, является закон прибавочной стоимости. Следовательно, уничтожение (теоретическое отрицание) товара, закона стоимости, закона прибавочной стоимости и вывод соответствующих категорий для зарождающегося общества есть задача научного коммунизма. Короче, теоретическое выведение законов политической экономии социализма есть задача научного коммунизма. Основоположники установили, что государственная власть (низшая, первичная централизация) есть необходимое условие и средство поддержания рабства в соответствующей форме. Отсюда следует, что теоретическое отрицание государственной власти (низшей формы управления) и выведение высшей формы управления (вторичной централизации), соответствующей новому способу производства, есть задача научного коммунизма. Установлено, что между капитализмом и коммунизмом необходим определенный исторический период. Отсюда следует требование принципа адекватности различных решений, предложений, рекомендаций. Нерешенность любой конкретной задачи в соответствующей форме может оказаться причиной задержки прогрессивного преобразования в целом.

Современная трактовка предмета научного коммунизма некоторыми авторами вроде бы и не отрицает, на первый взгляд, основную задачу научного коммунизма. Но в то же время делаются незаметные шаги по отрицанию основной задачи. Эти шаги первоначально кажутся вполне разумными, так как соответствуют духу разделения труда, в плену которого мы все, в той или иной степени, находимся. Упомянутые шаги сводятся к трактовке научного коммунизма в узком и широком смысле. Сам по себе такой подход ничего плохого не содержит. Он используется и в других науках. Все дело в том, как трактуются «широкий» и «узкий» смысл. При таком подходе содержится опасность выдать за широкий смысл то, что логично лишь в узком смысле, а за узкий смысл — отрицание предмета. В справочнике по научному коммунизму дается следующее определение научного коммунизма. Научный коммунизм это:

- «а) в широком смысле — марксизм-ленинизм в целом как всестороннее (философское, экономическое и социально-политическое) обоснование неизбежности гибели капитализма и победы коммунизма, научное выражение коренных интересов и задач борьбы рабочего класса;
- б) в более узком смысле — одна из трех составных частей марксизма-ленинизма, дающая наиболее прямое, непосредственное, социально-политическое обоснование исторической миссии рабочего класса, условий и путей ее осуществления, наука об общих социально-политических закономерностях, путях, формах и методах коммунистического преобразования общества» (Справочник по научному коммунизму, Политиздат, 1980 г., с.182).

В этом определении накладывается ограничение на широту развития научного коммунизма. Напомним, что трактовка в узком и широком смысле той или иной отрасли знания вполне уместна. Против такого подхода едва ли стоит возражать. Другое дело, какое содержание вкладывается конкретно в данные определения. От этого зависит тенденция развития науки. Определение науки в широком смысле указывает на возможные направления, стороны развития науки. Напротив, определение науки в узком смысле делает упор не только на то, чем она должна заниматься, но и на то, от чего она должна абстрагироваться.

Для всякой науки крайне важны исходные понятия, определения ее собственного предмета. Полнота исследования предмета зависит от полноты исходных определений. В связи с этим остановимся на приведенном выше определении научного коммунизма в широком и «в более узком смысле» и сделаем несколько замечаний в их адрес.

Первое замечание. Почему определение научного коммунизма «в более узком смысле» авторы связывают с социально-политическим движением? Дается ли такое определение научного коммунизма для всех времен или оно справедливо лишь для определенного исторического периода? Согласно определению научного коммунизма в широком смысле допустимы различные определения научного коммунизма «в более узком смысле». Действительно, если марксизм-ленинизм — это научный коммунизм в широком смысле, то любая составная часть марксизма-ленинизма — это научный коммунизм «в более узком смысле».

Второе замечание. Сравнивая два определения научного коммунизма, — в широком и узком смысле, — замечаем определенную непоследовательность в рассуждениях авторов, допускающих мысль, что неизбежность гибели капитализма и победы коммунизма можно обосновать отдельно философски, экономически и социально-политически. Правда, авторы напоминают, что все три составные части органически связаны, ссылаются на Энгельса, по словам которого социализм из утопии превратился в науку благодаря двум открытиям: закону соответствия и закону прибавочной стоимости. Более того, авторы утверждают, что

«становление марксизма-ленинизма явилось революционным переворотом в истории общественной мысли».

Однако, все эти их собственные положительные, совершенно правильные характеристики не смущают авторов, не вызывают у них каких либо беспокойств, когда они дают определение научного коммунизма «в более узком смысле», когда допускают мысль, что, разделяя составные части марксизма-ленинизма можно оставаться на позициях марксизма-ленинизма. Учение марксизма-ленинизма

«явилось революционным переворотом в истории общественной мысли».

потому, что оно преодолело узость буржуазного мышления, разорвало прежние рамки социализма, расширило понятие социализма. Теперь нам в качестве развития марксизма-ленинизма предлагают вновь сузить понятие социализм до социально-политических отношений. И называть все это наукой. Авторы оказались в плену духа разделения научного труда.

Величайшее творение — марксизм-ленинизм, заложивший основы научного коммунизма, не успел воплотиться в жизнь людей, как его стали делить на части, распределять по-буржуазному между специалистами. Дальнейшее развитие марксизма-ленинизма рассматривается не как синтез самых различных знаний, не как учение о преодолении разделения труда, и, прежде всего, в науке, а как разделение исходного материала на части, что ведет, конечно, к безответственности специалистов за судьбу науки в целом. А это есть не что иное, как сущность буржуазного общества. Это необходимо объяснить. Ведь прежде, чем изменять нечто, надо понять и объяснить это нечто. Однако, проследим, пока, за мыслями авторов, согласно которым научный коммунизм

«как самостоятельная наука имеет свои законы и категории. В них выражаются существенные стороны процесса революционной перестройки капиталистического общества в коммунистическое.

К числу законов, изучаемых научным коммунизмом, относятся, например, осуществление социалистической революции и установление диктатуры пролетариата при переходе от капитализма к социализму и др.» (там же, с.182-183).

То, что каждая наука имеет свои законы — очевидно. Наличие «своих» законов определяет самостоятельность (это слово авторам очень нравится) науки. Научный коммунизм не составляет в этом плане исключения. Он, действительно, имеет свои собственные законы. И удивление вызывает не это место, а то, где авторы перечисляют законы, которые рассматриваются научным коммунизмом. К числу законов авторы зачислили

«осуществление социалистической революции и установление диктатуры пролетариата».

Сюда входит, в частности,

«процесс ликвидации капиталистической собственности и установление общественной социалистической собственности на основные средства производства» (там же, с.217).

Но можно ли говорить научно об обосновании диктатуры пролетариата, ликвидации капиталистической собственности и создании социалистической собственности, не рассматривая политическую экономию как предмет (говоря языком политической экономии) потребления и как продукт производства научного коммунизма? Конечно, нет. Можно ли обосновать

«мостик перехода от коммунизма к социализму»

независимо от решения проблем политической экономии социализма? Конечно, нет. А можно ли поставить знак равенства между политической экономией и научным коммунизмом? Нет. Точно так же можно повторить упомянутые вопросы применительно к философии, той самой науки, которая, в отличие от политической экономии социализма (которой в основном еще предстоит родиться), давным-давно существует как «самостоятельная» наука, способствующая рождению новых наук и развивающаяся благодаря этому и вширь и вглубь. Авторы своеобразно трактуют проблемы перехода от одного общества к другому. Это, по их мнению, не общесоциологические и не экономические, а именно

«общие социально-политические по своей природе, ... наиболее рельефно выражающие специфику научного коммунизма».

Верно, что эти проблемы не общесоциологические и не экономические в старом смысле, точно так же они еще не являются общесоциологическими и экономическими в новом смысле. Тем не менее эти проблемы являются общесоциологическими и экономическими в старом и новом смысле одновременно. Это наиболее трудное место для понимания предмета научного коммунизма. Переход от капитализма к коммунизму связан с уничтожением первого и рождением второго, а потому с «уничтожением» («отрицанием») одних экономических, общесоциологических проблем и рождением других. Авторы, по существу, выражают первую часть перехода. И это тоже не случайно. Подобное поведение авторов имеет объективную, реальную основу. В СССР, как известно, средства производства превращены в государственную собственность. А государственная собственность есть первичное отрицание частной собственности, ограничивает буржуазные отношения, но, как указывает Энгельс, не разрешает противоречия буржуазного общества или, как остроумно замечает И.Мелентьев, не создает сама по себе производственных отношений социализма. («Правда», 2 августа 1985 г.). Вот эту реальность, хотели того или нет, выразили авторы, отождествили ее с осуществлением социализма (коммунизма), а научный коммунизм адекватно этой реальности ограничили. Авторы всячески стараются отделить научный коммунизм от тех его составных частей, без которых он перестает быть наукой. Предмет научного коммунизма все более и более сужают путем упрощения категорий научного коммунизма. И, тем не менее, упомянутые авторы пишут:

«Из всех составных частей марксизма-ленинизма научный коммунизм наиболее тесно связан с практикой революционной борьбы, с научным руководством строительством социализма и коммунизма» (там же, с.183).

Прежде чем говорить о связи с революционной борьбой пролетариата, надо сознать сущность этой революции — переход от известного в основном капиталистического общества к неизвестному в основном социалистическому обществу. Понять сущность исходного состояния. А эта сущность выражается наукой, называемой политической экономией капитализма. Затем необходимо понять сущность нового, еще не созданного общества. И только после этого можно будет понять сущность самого перехода. Но наши специалисты по научному коммунизму толкуют о переходе от капитализма к коммунизму (социализму) без рассмотрения сущности настоящего и будущего, не включая политическую экономию капитализма как продукт потребления (как сырье), а политическую экономию социализма — как продукт производства. А такое исключение двух крайних точек делает невозможным дальнейшее развитие научной мысли, порождает большую неопределенность. Специалисты по научному коммунизму «в более узком смысле» пришли к отрицанию революционного характера своего предмета, превратили научный коммунизм из науки о преобразовании — в науку о приспособлении.

Авторы пишут:

«В соответствии с основными этапами борьбы за социалистическое и коммунистическое преобразование общества научный коммунизм обобщает практику:

- а) мирового рабочего и всего освободительного движения в условиях борьбы за завоевание власти пролетариатом;
- б) строительства социализма в переходный период от капитализма к социализму;
- в) развития социалистического общества и его постепенного перерастания в коммунистическое» (там же, с.183).

Совершенно неясно, как научный коммунизм «в более узком смысле» собирается обобщать практику. Ведь для этого надо практику рассмотреть со всех сторон, включая развитие экономических отношений. А в

«в центре внимания научного коммунизма находятся не экономические, а социально-политические отношения социализма и коммунизма и закономерности их развития» (там же, с.182).

В связи с этим, возникает вопрос: какое содержание вкладывается в исходный термин «социально-политические отношения» вообще и при социализме в частности. По мнению специалистов по «более узкому смыслу» социально-политические отношения — это не экономические отношения, то есть не базисные отношения. Тогда какие это отношения? Может быть социально-политические отношения относятся к надстроечным, что следовало бы предположить по логике, раз они не относятся к базисным? Специалисты почему то уходят от объяснения бытия своего предмета.

Хотя специалисты по научному коммунизму «в более узком смысле» при определении своего предмета ограничиваются указаниями, что это

«не общесоциологические и не экономические, а именно общие социально-политические», мы должны понять, что такое «социально-политическое отношение», опираясь на те знания, которые пока есть, признают сами специалисты по научному коммунизму (см. там же, с.317-320). Термин «социально-политическое» состоит из двух частей. Различные научные источники дают нам по поводу этих составляющих частей следующие понятия: социальное — это нечто общественное; политика — это отношение между классами. Следовательно, социально-политические отношения — это общественно-классовые отношения, то есть это общество классов. При рассмотрении общества классов мы отвлекаемся (абстрагируемся) от внутриклассовых отношений, отношений между лицами, разумеется, от экономических, правовых и так далее.

Допустимо ли такое определение? Думается, да. Занимается ли научный коммунизм изучением таких отношений? Безусловно, да. Совпадают ли общественно-классовые отношения, то есть социально-политические отношения с экономическими отношениями? Нет. А тождественны ли социально-политические отношения надстроечным отношениям? Нет. Можно ли эти утверждения доказать? Да, причем на основе признанных научных материалов.

Итак, социально-политические отношения — это не базисные отношения, а надстроечные отношения. Но что это, в таком случае, за отношения? Можно ли понять социально-политические отношения без базисных отношений? Нет. А без надстроечных? Нет. Что собой представляют социально-политические отношения без экономических? Ничто. А без правовых? Ничто. Более того, находясь в рамках анализа исключительно классовых (социально-политических) отношений, нельзя понять, какое отношение — экономическое или правовое — является фундаментальным (базисным), нельзя эти два понятия отличить друг от друга.

Социально-политические отношения, то есть общественно-классовые отношения — это интегральные (интегрирование происходит внутри классов по экономическим и правовым отношениям) отношения между классами.

Итак, повторим свой вопрос. Должен ли научный коммунизм заниматься социально-политическими отношениями? Безусловно, должен, так как эти отношения господствуют в период создания рабочей партии, завоевания диктатуры пролетариата, построения необходимых предпосылок начала водворения экономического фундамента социализма. Но может ли научный коммунизм ограничиться анализом социально-политических отношений? Если бы такой вопрос задали защитникам капитализма, то они ответили бы так:

«Да, может, если хотите покончить с научным коммунизмом, со строительством социализма и коммунизма».

Мы же должны прямо сказать, что исключение экономических отношений из научного коммунизма делает невозможным понимание процесса образования определенных социально-политических отношений и необходимости их уничтожения. Итак, ограничение предмета научного коммунизма социально-политическими отношениями ограничивает возможность научного анализа этих отношений. Исключение экономических отношений из предмета научного коммунизма равнозначно уничтожению научного коммунизма в качестве предмета науки потому, что такой акт закрывает глаза не только специалистам по научному коммунизму «в более узком смысле», но и всем другим, в том числе, руководству партии, исключает возможность понимания протекающих процессов в реальной жизни, а следовательно, возможность ее революционного преобразования. Этим актом мы выбросили бы за борт учение Маркса, Энгельса и Ленина, героическую борьбу российского рабочего класса за социализм под руководством большевиков от I-го до XVII-го съезда. Этим актом доказали бы, что мы не поняли и тысячной доли марксизма-ленинизма, не усвоили, что всякая государственная власть есть концентрация

власти эксплуататоров, власть эксплуататоров — концентрация власти частных производителей друг над другом. А последняя форма власти лиц друг над другом уходит в экономические отношения и связи между лицами, изучать которые отказываются специалисты по научному коммунизму в узком смысле.

Так, власть купца есть концентрация (интеграция) власти покупателей и продавцов друг над другом. Купец интегрирует (суммирует) не только материальные блага производителей, но и их отношения. Купец выступает то как объединенный покупатель (и в таком качестве собирает продукты труда разъединенных производителей) и противостоит продавцам, а затем выступает в качестве объединенного продавца против разрозненных покупателей. Понять власть купца сначала над продавцами, а затем над покупателями вне экономических связей и отношений — бессмысленная затея. Да и вообще, понять власть рабовладельцев, феодалов, капиталистов над их рабами вне экономических отношений между самими рабами невозможно. Купец эксплуатирует каждого покупателя с помощью всех продавцов и других покупателей, а каждого продавца — с помощью всех покупателей и других продавцов. Точно так же рабовладелец, феодал, капиталист противостоят соответственно рабам, крепостным, рабочим (производителям и потребителям) как объединенные производители и потребители.

Социально-политические отношения нельзя противопоставлять экономическим, пытаться понять первые вне последних. Но, в то же время, эти две группы отношений нельзя отождествлять, ставить знак равенства между ними. Социально-политические отношения — это совокупность всех общественных отношений на различных уровнях их концентрации (интеграции). Например, на уровне классов, наций, государств. Политическая экономия изучает социально-политические отношения, но только по линии процесса интеграций лишь экономических отношений. А научный коммунизм изучает совокупность всех отношений, под которой понимается не только сочетание $C_n^n = 1$, а вся совокупность $\sum_{i=1}^n C_n^i = 2^{(n-1)}$.

Наивный коммунизм, то есть специалисты по научному коммунизму «в более узком смысле», по существу, всю совокупность всевозможных отношений $\sum_{i=1}^n C_n^i$ отождествляют с C_n^n . Нетрудно себе представить какую большую «ошибку» они совершают. И эта «ошибка» тоже не случайна. Ведь на уровне классовых (господствующих) отношений мы видим целостные, неразделимые отношения, не понимаем, как следует, внутриклассовые отношения, тем более, составные отношения экономической клетки буржуазного общества. На этом уровне мы мыслим крупномасштабными категориями.

Развитие познания в каждый момент времени связано с каким либо реальным объектом. Реальный мир многообразен. Внимание индивида в каждый момент времени концентрируется на одной из его сторон или на его общности. Но на какой бы конкретной стороне ни концентрировалось внимание индивида, какой бы конкретный объект ни был целью познания, процесс познания, решающим образом, зависит от трех факторов объективной реальности: от конкретного объекта, представляющего предмет исследования, способа существования человеческого общества, пространства и времени, в которых существуют и развиваются изучаемый объект, человеческое общество и индивиды. Этот своеобразный «треугольник» реального мира серьезным образом обуславливает течение мысли. Различные стороны «треугольника», составляющие основу процесса познания, играют различные роли в формировании мировоззрения, течения мысли индивидуумов.

Наиболее подвижными, наименее устойчивыми являются представления о конкретном объекте или об отдельной «самостоятельной» стороне объекта. Здесь представления индивида являются частью заимствованными предметом потребления, средством производства, частью — предметом, целью производства. Движущей силой познания является представление реального мира. Ускоренное движение определяется силой, а последняя — мерой познания окружающего мира. Потребность, интерес индивидуумов определяют направление движения путем выбора конкретных объектов для исследования. Каждый специалист, против воли и сознания, но с помощью воли и сознания, осуществляет расширенное воспроизводство представлений о конкретном объекте, творит. Средством производства индивидуальных знаний об объекте являются представления о трех сторонах «треугольника». Необходимость (потребность) преобразования объекта составляет причину развития познания. Непрерывное развитие представлений о конкретном объекте путем обратного влияния изменяет индивидуальные представления об общественном укладе.

Противоречие (несоответствие) представлений о конкретном объекте представлениям об обществе, пространстве и времени составляет причину развития индивидуального мировоззрения и общественного знания. Развитие представления специалиста о конкретном объекте, пришедшего в несоответствие с его представлениями об общественном укладе, оказывают воздействие на понимание общества. Хотя это

обратное воздействие является, как правило, весьма односторонним, тем не менее, под его влиянием могут совершенствоваться индивидуальные представления об обществе до тех пор, пока они ниже, чем общепринятые.

Познание начинается с наблюдения за «целыми» объектами в разных пространственных и временных координатах. По мере накопления таблицы фактов, наблюдение за «целыми» переходит в научный анализ этих объектов. Научный анализ абстрагируется от множества явлений и характерных сторон, объявляет их «несущественными», изучает поведение объекта в зависимости от изменения отдельных сторон, познается, что такое «хорошо», а что «плохо», затем изучаются направления возможных изменений, ведущих к «хорошо» или «плохо». Появляется реальная возможность воздействовать на объект в желательном направлении. Так постепенно возникает конкретная наука, посвященная изучению характерных связей и отношений реального объекта. По мере углубления в данном конкретном направлении, накопления знаний происходит отвлечение (абстрагирование) от самого реального объекта, во имя которого возникло данное конкретное научное направление. Целью (предметом) научного направления объявляются связи и отношения «сами по себе», а не анализ объекта в зависимости от изменения связей и отношений. В связи с этим отрывом теоретического познания от практики возникает необходимость устранения отрыва, разработки прикладных направлений. Начало науки, — ее причина, — становится ее приложением, следствием.

Возникновение научного познания с необходимостью связано с разделением научного труда. Так как реальный мир характеризуется не только одной существенной стороной, а множеством различных свойств, то развивается ряд конкретных научных направлений. Так возникли астрономия, механика, математика, физика, химия, геология, ботаника, биология и другие направления, изучающие существенные стороны реального мира — живого и неживого и переходы между ними. Каждое направление, по мере углубления знаний, расчленяется на соответствующие более узкие направления, а те, в свою очередь, на новые направления. Процесс расчленения знаний происходит непрерывно. Множество фундаментальных знаний «само по себе» растет. Однако, это множество знаний и его развитие нужны обществу для достижения желаемых практических результатов. По мере роста конкретных знаний растут возможности управления реальным миром.

Первичное научное познание реального мира происходит по закону сочетаний C_n^1 , где n , по мере расчленения, выделения новых свойств объекта, растет. Это значит, что общество овладело научно тайнами объекта по n различным частям и что число различных свойств продолжает расти. Разделение труда усиливает этот процесс познания, который в пределе стремится к полноте знания бесконечно узкого направления. Каждый специалист знает все больше о все меньшем. Все же знают ничтожно мало о многом.

Познание, как известно, преследует, главным образом, две цели: 1) удовлетворять непосредственно потребность людей в любознательности и 2) быть средством управления, преобразования объектов. В качестве первой функции познание неограниченно, может удовлетворить потребности самой «жадной» индивидуальности. В качестве второй функции требуется определенная мера полноты знаний целого. Какова эта мера? Требуется ли полная, всесторонняя и глубоко развитая личность для качественного управления объектами? И как понимать глубоко всестороннюю развитость личности? Какова должна быть глубина и ширина развитости? В каждый момент времени такие предельные мерки существуют: глубины определяются достижениями в различных направлениях, развитостью соответствующих специалистов, а ширина — количеством разработанных направлений. Нижняя граница развитости определяется тем, что каждый работник владеет наиболее глубокими знаниями в одном отдельно взятом направлении. Эта граница достижима благодаря существующим формам обучения. Верхняя предельная граница развитости — это когда каждый работник владеет всеми глубинами существующих частных знаний. Этого, по-видимому, достичь нельзя, но к нему стремиться целесообразно. Овладение суммой частных знаний, «тупое» заучивание отдельных формул «само по себе» ничего не дает. Правда, «тупое» заучивание формул, видимо, имеет предел. По мере овладения отдельными знаниями индивид рано или поздно, если читаемые книги талантливо, начинает поневоле преодолевать, по крайней мере, пытается преодолеть, границы частных знаний, находить общие свойства, делать свои маленькие открытия.

Итак, первичное научное знание связано с непрерывным расчленением изучаемых объектов, в пределе стремится к полноте знания о бесконечно малом. Первичное научное знание обуславливает разделение труда и им стимулируется.

Вторичное научное знание связано с интеграцией знаний, полученных при первичном научном процессе познания, диктует необходимость преодоления разделения труда. Донаучное знание мира воспринимается в соответствии с сочетанием C_n^0 . При этом объект рассматривается в целом, не

абстрагируясь конкретно ни от чего. Объект движется перед нашим взором со всеми его свойствами. Каждая «мелочь» при этом существенна. Это, так называемое, целостное или художественное восприятие мира.

Обогащение личности донаучным, художественным восприятием мира чрезвычайно важно для дальнейшего его развития в области научного знания. Донаучное (художественное) восприятие мира и легче и труднее, чем первичное научное знание. Для того, чтобы радоваться и наслаждаться произведениями великого художника, нет необходимости в знании его ремесла. Можно даже не понять всю глубину произведения художника, и тем не менее получать большое удовлетворение от знакомства с ним. Учением физика, химика нельзя насладиться, если главное окажется не понятым, если читатель не владеет языком ученого. Однако, между художественным восприятием и первичным научным анализом нет резкой, непроходимой границы. Уже при образном восприятии мира наблюдаются приемы первичного научного анализа, выделения характерных сторон, типизация. Донаучное восприятие и богаче в целом и беднее в конкретном, чем первичное научное познание.

Вторичное научное познание начинается с увязки различных уже известных знаний по закону C_n^2 . Первичный научный анализ составляет фундамент для вторичного. При вторичном научном анализе (начале синтеза) изучается не только объект в целом в зависимости от двух произвольно взятых существенных компонентов, что наиболее важно для неразвивающихся объектов, но и взаимозависимость, взаимообусловленность различных существенных компонентов (межпредметный, междисциплинарный или системный анализ), что наиболее важно для развивающихся объектов. За анализом сочетаний C_n^2 следует анализ C_n^3 и так далее. В пределе процесс вторичного познания стремится к полноте знания об объекте в целом и к возможности управлять им. При вторичном научном анализе первичный анализ не прекращается, а напротив, ускоряется. Междисциплинарный анализ открывает новые дисциплины, свойства реального мира. Однако при этом подход к научному анализу меняется. Преодоление разделения труда становится столь же необходимым, сколь было необходимо разделение труда при первичном научном анализе. Если же рассматривать вторичный научный анализ с позиции разделения труда, то возникает необходимость выделения лиц по каждой дисциплине. Но уже современный уровень развития науки и техники таков, что если выделять только по одному лицу для каждой дисциплины, то для этого не хватит людей Земного шара. Современный характер развития науки и техники таков, что при разрешении одних проблем рождается еще большее количество проблем.

В настоящее время, начиная со вторичного анализа, господствует, главным образом, донаучный подход. А если учесть, что донаучный подход осуществляют руководители, страдающие профессиональным уклоном, то нетрудно понять суть многих существенных промахов, о которых много говорят и пишут. Например, узкопрофессиональный подход был причиной того, что благородные намерения повысить плодородность пустынь Туркмении привели к уничтожению плодородия земли (см. «Правда», 19 августа 1985 г.). То, что вода повышает плодородие в засушливых районах, хорошо всем известно. Был учтен этот факт и упущены из виду особенности земель Туркмении. Вода при безмерных поливах проникает глубоко в почву, растворяет находящуюся там соль, поднимает ее на поверхность земли и создает солончаки.

Вторичный научный анализ, начиная с сочетания C_n^i , где $i > \frac{n}{2}$, разрешает проблемы, все меньше порождая их. На уровне высшей формы интеграции C_n^n научный анализ возвращается к своей предистории, к донаучной форме, опирающейся уже полностью на научный фундамент. На этом уровне наука все больше раскрывает тайны мышления, таланта, складывается окончательно коллективный мозг.

Для осуществления всеобщего движения по пути вторичного научного анализа необходимо преодолеть разделение труда. А что значит преодолеть разделение труда? Это значит теоретически и практически решить проблемы коммунизма. Научный коммунизм по своей сущности относится ко вторичному научному анализу, ставит цель выяснить и разработать условия преодоления разделения труда, изучает общественные отношения не сами по себе, а в зависимости от других отношений. Этот положительный факт отразился в коллективном пособии по научному коммунизму (см. Научный коммунизм, Москва, 1965 г., с. 5-7). Авторы пособия подчеркивают, что

«теория научного коммунизма рассматривает общественные отношения в их целостности, в их взаимосвязи. Любое общественное отношение она рассматривает не само по себе, а прежде всего под углом зрения взаимодействия с другими отношениями» (с.7).

Однако в этом положительном утверждении содержится и его негативная сторона. Авторы делают упор не на процесс движения к целостности, интеграции знаний, а на целостность как таковую, взятую в

готовом виде, упускают необходимость прохождений C_n^2 , C_n^3 , ..., C_n^{n-1} и совершают мысленный прыжок сразу в сочетание C_n^n . Такой «высочайший» подход к научному коммунизму на практике затеняет главную цель научного коммунизма — выведение новых (социалистических) отношений и законов, в особенности, экономических. Изучение реально господствующих отношений является промежуточной целью научного коммунизма. А стратегической целью научного коммунизма является выведение тех связей и отношений, которых нет сегодня на практике, но которые необходимо открыть и внедрить на практике, а это означает — строить социализм (коммунизм). Теория научного коммунизма предшествует практике коммунизма. Факт того, что авторы учебного пособия упускают главную цель научного коммунизма, проявился в следующем их категоричном высказывании:

«ни одно из ... общественных отношений, взятое в отдельности не является ни предметом, ни частью предмета научного коммунизма» (с.7).

Здесь отчетливо проявляется мировоззрение той философии, которая в основном объясняет мир, а не изменяет его. На самом же деле, все общественные отношения социализма как в отдельности (в той степени, в какой они еще не сформировались), так и в совокупности (в какой эти отношения реально функционируют) являются предметом научного коммунизма. Политическая экономия социализма, право и т.д. — все они выходят из одного источника — научного коммунизма. Но так как авторы предполагают, что социализм построен полностью, то нет никакой необходимости делать его отношения в отдельности предметом научного коммунизма. Согласно их позиции, нужно только достаточно адекватно описать существующую реальность и этого достаточно, чтобы получить политическую экономию социализма, социалистическое право и так далее. Упускается из виду, что политическая экономия социализма сама по себе не может родиться, специалисты по политической экономии социализма не могут возникнуть сами по себе, что научный коммунизм рождается не только и не столько как отражение существующей реальности, сколько как отражения соответствующего отрицания реальности.

Таким образом, научный коммунизм «в более узком смысле» упускает из виду необходимость анализа всевозможных сочетаний C_n^i , где $i = 1, 2, 3, \dots, n$ различных отраслей знаний и, тем самым, вместо того, чтобы решать действительные проблемы коммунизма (социализма), предполагает их решенными, не обучает конкретные научные направления способам их объединения с целью перехода на второй уровень научного анализа.

Научный коммунизм рождается не из описания реального объекта, а из описания отрицания реального объекта (капитализма). Это характерный признак возникновения научного коммунизма. Но если объект для позитивного описания един, то для отрицания он представляет собой множество возможных объектов. То есть данный объект (капитализм) можно отрицать многими различными возможными способами. Этот факт создает дополнительную трудность.

Например, прибыль есть классовое отношение. Научный коммунизм на этапе строительства социализма не может исключить прибыль из своего предмета. Задача политической экономии капитализма заключается в том, чтобы достаточно адекватно описать рождение прибыли из простейших первичных отношений буржуазного общества. Задача научного коммунизма состоит, напротив, в описании отрицания прибыли (т.е. капитализма), в нахождении соответствующего экономического отношения, занимающего место прибыли при новом обществе. А для этого необходимо, чтобы самый отсталый представитель научного коммунизма не уступал в понимании сущности прибыли самому развитому представителю политической экономии капитализма. Но такого нельзя добиться при исключении экономических отношений из предмета научного коммунизма. Что же касается задач политической экономии, они возникают на базе экономических отношений социализма, то есть после того, как научный коммунизм выводит их (социалистические экономические связи и отношения) из отрицания капиталистических. Политическая экономия капитализма изучает стоимость, товар, деньги, прибавочную стоимость, прибыль со стороны их производства и потребления, а научный коммунизм изучает эти же категории с позиции их отрицания, выкорчевывания и замены выражаемых ими производственных отношений отношениями, соответствующими общественному характеру производительных сил. На уровне классовых отношений научному коммунизму безразлично, как распределяется прибыль внутри господствующего класса и убыль внутри эксплуатируемого класса. Это предмет соответствующей политической экономии. Но понимание закономерности прибыли и убыли внутри соответствующих классов необходимо хотя бы для того, чтобы предостеречь завоевавший политическую власть пролетариат от разложения в будущем.

Научный коммунизм в отличие от политической экономии рассматривает всю совокупность надстроечных отношений. Эти отношения изучаются не обособлено, а в зависимости от экономических

отношений. Представитель научного коммунизма должен быть и экономистом, и юристом, и политиком, и идеологом, а не только философом, знающим общую закономерность, что различные общественные отношения взаимообусловлены. Представитель научного коммунизма должен уметь давать конкретные рекомендации партии по самым разнообразным вопросам и нести ответственность за любые их последствия. Он должен знать, как на основе существующих экономических отношений усилить права трудящихся и как эти права использовать наилучшим образом для завоевания политической власти, как под последнюю подвести адекватную ей экономическую основу и т.д.

Научный коммунизм, поскольку его главная цель — исследовать пути избавления общества от рабства, от причины рабства — разделения труда, — не может не рассматривать самые разнообразные отрасли знаний об обществе и его многообразные формы научного, художественного восприятия мира.

Так как материальное производство, производительные силы составляют основу человеческого общества и так как развитие производительных сил, средств производства зависит существенным образом от научно-технического прогресса, от состояния науки об окружающей среде, то, следовательно, преодоление разделения труда, прежде всего, в науке, есть одна из главных задач научного коммунизма. Научный коммунизм — специальная наука о преодолении специализации. В связи с этим, интересно вспомнить мысли Ш.Фурье о четырех движениях, который выдвигает идею совместного исследования материальных, органических, животных, социальных процессов. (Ш.Фурье, Теория четырех движений и всеобщих судеб, Госиздат, Москва, 1938 г., с. 33).

Научный коммунизм, безусловно, не устраняет и не умаляет достоинства ни одной отрасли конкретного знания, он лишь путем их объединения способствует ускоренному развитию каждой и рождению новых конкретных наук, поднимает их еще выше, способствует рождению новых научных направлений.

Тот факт, что научный коммунизм изучает взаимодействие систем, классов, наций, делает чрезвычайно необходимым разработку системного анализа, соответствующего математического аппарата. Не следует смешивать системный анализ с анализом систем. Анализом систем занимаются все конкретные науки. Соответствующий математический аппарат анализа систем разработан, и он продолжает совершенствоваться. В случае анализа системы в качестве объекта рассматривается отдельная система, исследуются связи и отношения между ее элементами. В случае системного анализа в качестве элементов выступают различные системы, а в качестве объекта — группа систем, изучаются возможные связи и отношения между ними, взаимные переходы. Анализ систем представляет в некоторой степени частный случай системного анализа. Эти два подхода не только имеют много общего, но и отличаются количественно и качественно. Анализ системы рассматривает объект как таковой, проникает во внутрь путем расчленения, исследует по частям, а затем, по мере возможности, синтезирует исследованные части. Системный анализ не ограничивается этим последним актом, а напротив, отталкивается от него. После анализа объекта вступает в силу системный анализ, который предполагает выход за рамки данного объекта, исследует его действительные и возможные связи и отношения с другими объектами. Однако все это возможно лишь при условии, что внутренние свойства рассматриваемых объектов исследованы в достаточной мере. Наиболее рельефно проявляется системный анализ в работах классиков марксизма-ленинизма.

Обычно метод Маркса рассматривают как восхождение от простейших экономических категорий к более сложным, что, якобы, соответствует поступательному развитию истории. Возможно, история (по крайней мере та, которая нам известна) развивается в среднем поступательно, хотя в отдельных случаях делает шаги назад. Но процесс познания, метод Маркса не ограничивается копированием истории, прослеживанием за ее развитием. Такой подход дал бы очень немного. Прежде чем исходить из простейших элементов для данного общества, надо понять, из каких частей состоят данные простейшие элементы. Методу восхождения предшествует метод углубления, то есть путь от сложного к простому. Чем глубже мы проникаем в понимание сущности объекта, тем лучше можем описать его восходящую линию, тем более точнее наши представления о будущем состоянии объекта. Так Маркс, прежде, чем вывести капитал из элементарной клеточки буржуазного общества, разложил данную клеточку не ее составные части, изучил их взаимодействие, логику их внутреннего развития и лишь после этого синтезировал более сложную категорию, открыл прибавочную стоимость, обосновал необходимость эксплуатации и необходимость уничтожения последней с ее основой — товарным производством.

Системный анализ составляет средство исследования вопросов научного коммунизма. Системный анализ впервые в зародышевой форме стал достоянием человеческой культуры как философия марксизма-ленинизма. Диалектический материализм появился на свет как соединение двух сравнительно различных учений о материализме и диалектике. Конечно, такое соединение двух сторон было бы невозможно осуществить без соответствующего развития каждой из них с учетом их взаимной

связи. Составными частями диалектического материализма являются диалектика и материализм. Но разве можно говорить о диалектическом материализме в узком смысле, приравняв его к одной из его составных частей? Наверное, нет. Крупным результатом (марксистского) системного анализа было также открытие исторического материализма. С этого момента стало вполне ясно, за что сначала следует браться, чтобы понять, как освободиться человечеству от рабства. Раз производство материальных благ составляет основу человеческого общества, то для понимания способа освобождения человеческого общества от рабства необходимо открыть закон развития данного способа производства. Решению этой задачи Маркс посвятил свой великий труд «Капитал». Обращение к материальному производству, к условиям его существования сделало необходимым критическое осмысливание различных экономических учений. Маркс соединил, синтезировал лучшие достижения в этой области в единую систему. Результатом критического анализа и синтеза предшествующих экономических учений было открытие двойственного характера труда, что позволило в дальнейшем возвести здание «Капитала». Закон прибавочной стоимости — условия его зарождения, существования составляют результат этого труда. Два открытия Маркса: исторический материализм и закон прибавочной стоимости позволили соединить учение экономистов и учение социалистов-утопистов в единую науку, в научный социализм (коммунизм). Конечно, такое объединение происходило не путем простого сложения одного учения с другим, а путем соответствующей переработки и развития каждой из сторон и установления связи между ними.

Маркс и Энгельс обобщили труды великих предшественников не только по отдельно взятым направлениям (философии, экономики, социализму), но и по их совокупности. Поняв, что разделение труда составляет причину всякого рабства и что та допустимая при этом общественная форма, которая возникает и представляет собой в зародышевой форме товар, достигает высшего расцвета при капитализме, Маркс и Энгельс призвали рабочий класс к политической борьбе, выдвинув лозунг:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

К крупным обобщениям относятся:

- диалектический материализм — в философии;
- двойственный характер труда — в политической экономии;
- роль рабочего класса как могильщика капитализма — в учении о социализме.

К крупным прикладным результатам обобщения относятся:

- в философии — исторический материализм;
- в экономике — марксова теория стоимости;
- в учении о социализме — диктатура пролетариата.

Наконец, великим обобщением по трем направлениям является соединение лучших результатов в философии, экономике и социальной политике в единую науку о социализме — научный коммунизм.

Первым крупным прикладным результатом этого обобщения является учение В.И.Ленина о партии.

Из всего сказанного следует предположить, что научный коммунизм в узком смысле есть марксизм-ленинизм. А в широком смысле научный коммунизм ничем не ограничен, за исключением его дальнейшей разработки. Маркс и Энгельс не случайно считаются основоположниками научного коммунизма. Они заложили самые необходимые основы, которые не по частям, а в совокупности, единстве представляют единую основу научного коммунизма. Эта основа неделима в том смысле, что если она будет разделена, то она перестанет представлять фундамент научного коммунизма. Отдельные составные части марксизма составляют элементы научного коммунизма, но не научный коммунизм. Если при создании основы научного коммунизма, то есть научного коммунизма в узком смысле, были обобщены достижения в таких областях как философия, экономика, социальная политика, соединены эти направления, открыты исторический материализм, закон капиталистического общества, то надо полагать, что при создании научного коммунизма в более широком смысле будут обобщены результаты в ряде смежных научных направлений, присоединены лучшие их достижения к основам научного коммунизма, разработаны новые научные направления, открыт закон развития нового общества. Следующие области знаний, благодаря присоединению которых к научному коммунизму научный коммунизм будет развиваться и вширь и вглубь — это математика и кибернетика. Благодаря такому присоединению математика и кибернетика будут развиваться в большем соответствии с общественной целесообразностью, а теперешние составные части научного коммунизма благодаря усилению количественного анализа станут вполне научными. Результатом такого соединения будет открытие закона социализма (коммунизма), создание политической экономии социализма. С того момента, когда экономический закон социализма будет реализован на практике, когда объективные связи и отношения будут стимулировать процесс объединения, научный коммунизм будет быстрыми темпами наращиваться, вовлекая в свою орбиту все более различные знания, создавать новые направления.

Научный коммунизм будет изучать те связи между предметами отдельных наук, совершенствование которых позволит каждому направлению воспользоваться наилучшим образом результатами других направлений. Каждая наука вооружится результатами других отраслей знаний, а все вместе, соединяясь в единую науку о природе, вооружат человека в его практической деятельности.

Для того, чтобы сделать развитие научного коммунизма ощутимым, реальным, необходимо отказаться от такого толкования научного коммунизма в широком смысле, которое накладывает ограничения на его развитие и от такого толкования в узком смысле, которое ведет к отрицанию научного коммунизма.

Идеи социализма, связанные с социально-политическими отношениями, находящимися на поверхности общественного бытия, наиболее доступны пониманию. На классовом уровне отношения и связи (экономические, правовые, идеологические и др.) так сплетены, что отличить, где экономические, а где правовые (нормативные) чрезвычайно трудно, а тем более понять, какие из них составляют базисные отношения, а какие — надстроечные. Ограничить научный коммунизм анализом социально-политических (классовых) отношений — это значит, уничтожить его как науку, составляющую цель выяснить, изучить и разработать пути к освобождению человечества от рабства. Для того, чтобы преодолеть классовые различия необходимо понять, как возникают классы. Но для этой цели социально-политического анализа явно недостаточно. Действительно, социально-политический анализ предполагает классы, а анализ возникновения классов предполагает отсутствие классовых отношений, анализ возникновения, развития классовых отношений, предполагает понимание бесклассовых отношений, которые рождаются из классовых отношений. Анализ неклассовых отношений должен привести нас к нахождению таких отношений, которые не порождают классовые отношения. Для объяснения возникновения классового отношения требуется понять то исходное отношение, которое еще не является классовым, но развитие которого неминуемо ведет к классовому отношению. Во-вторых, надо знать, что поддерживает и воспроизводит непрерывно классовые отношения. А для этого необходимо от классовых отношений перейти к анализу внутриклассовых отношений. Конечно, научный коммунизм не имеет цели увековечить внутриклассовые отношения — отношения, в которые вступают господа между собой и рабы между собой. Но эти отношения, их суть чрезвычайно важно понимать, хотя бы для того, чтобы в случае победы рабочего класса над своим классовым противником, в случае уничтожения всех эксплуататорских классов не проявить близорукость и не ввести в заблуждение рабочий класс, будто теперь он водворил социализм. А в дальнейшем, когда станет ясно, что внутриклассовых отношений рабочих, существовавших при капитализме вовсе недостаточно для хозяйствования, не пропагандировать оживление буржуазных (товарно-денежных) отношений и при этом не убеждать рабочий класс и его партию, будто данные товарно-денежные отношения не рожают более буржуев, не разлагают общество людей.

Недостаточно объявить пролетариат революционным классом — могильщиком капитализма. Надо еще понять те отношения, в которые рабочие вступают между собой и которые делают его революционным классом. Чтобы как следует понять межклассовые отношения, необходимо выяснить внутриклассовые отношения. Именно такой подход позволяет уяснить межклассовые отношения, причины существования эксплуатации человека человеком и найти способ выхода из этой системы. А для этого необходим, прежде всего, подробнейший анализ экономических отношений, который не ограничивается уровнем элементарной клеточки буржуазного общества. Необходимо проникнуть во внутрь этой клеточки, разложить ее на составные части. Прежде чем создавать новое общество, нужно изучить старое от начала до конца хотя бы для того, чтобы старое не выдать за новое. Расчленение и соединение (дифференцирование и интегрирование) должны идти как по группам (классам), нациям, государствам, так и по отношениям (экономическим, идеологическим, правовым и т.д.). Без этого мы не поймем ни почему товарные отношения рожают эксплуататоров и эксплуатируемых, ни почему социализм выводится из анализа товара как отрицания товара.

Наши заверения в преданности коммунизму, враждебности к буржуазным порядкам останутся пустыми фразами, если мы будем продолжать советовать рабочим вступать между собой даже на уровне предприятий в товарно-денежные отношения. Наши призывы относительно укрепления общественной собственности, порядка, дисциплины повиснут в воздухе, если рабочие между собой внутри предприятий будут вступать в те же отношения, что и при капитализме. Ведь рабочие внутри капиталистических предприятий вступают в отношения отрицания всякой собственности, в том числе и частной. Концентрация этого отрицания выражается в государственной собственности на основные средства производства. Государственная собственность есть всеобщее первичное отрицание частной собственности. Однако отрицание частной собственности не равнозначно утверждению общественной собственности, как отрицание отрицательного числа не равнозначно появлению положительного числа.

Упрощенческое понимание перехода от одной формы собственности к другой, связанное с отождествлением процесса отрицания частной собственности с процессом утверждения общественной собственности, проявляется в упрощенном представлении о путях построения социализма.

Научный коммунизм «в более узком смысле» не может не уйти от решения основной задачи социализма. При этом все заверения и доказательства сторонников научного коммунизма «в более узком смысле» относительно построения социализма в СССР не могут не повиснуть в воздухе. И это не случайно. Поскольку упомянутые специалисты рассматривают общественные отношения на очень высоком уровне концентрации, то им очень трудно понять, почему общественная собственность и товар несовместимы, товарно-денежные отношения создают иллюзорный коллективизм, государственная собственность (в политэкономическом смысле) есть лишь отрицание частной собственности, и только (!). Упомянутые специалисты отождествляют единство экономического отрицания частной собственности и правового утверждения общественной собственности (которое есть в действительности) с единством экономического и правового утверждения общественной собственности (которого реально нет) и желаемое, возможное выдают за действительность. Но тем самым они препятствуют превращению возможного в действительность. Оценка действительности, как известно, составляет базу для разработки стратегии и тактики дальнейшего развития. Сторонники научного коммунизма «в более узком смысле», хотя бы они того или нет, содействуют разработке нереалистической программы социальной политики, не говоря уже о том, что они не в состоянии помочь в разработке реалистической программы технического, экологического, экономического развития.

Итак:

Основная (Великая) программная задача преобразования известного капиталистического общества в неизвестное социалистическое (коммунистическое) общество была сформулирована классиками марксизма-ленинизма на основе открытого ими закона развития человеческого общества вообще, и закона капитализма, в частности. Искать окончательную в замкнутом, академическом виде формулировку основной задачи социализма в работах классиков нет смысла. Ее там нет и не может быть. Для этого ведь требуется не только понимание капитализма — точки опоры, но и подробное знание социализма. А этот последний известен нам лишь в самых общих чертах. И тем не менее основная задача социализма содержится практически во всех работах классиков марксизма-ленинизма. Ее формулировка непрерывно обогащается, дополняется. Основная задача излагается применительно к таким конкретным проблемам, как национальный вопрос, рабочая партия, государство, диктатура пролетариата, план, обмен, распределение, способ производства и т.д.

В работах классиков марксизма-ленинизма различаются три последовательных этапа решения основной задачи.

Первый этап — завоевание политической власти, установление диктатуры пролетариата, соответствующей реализации коммунистических целей в условиях буржуазных экономических отношений, ограничение, вытеснение активно действующих буржуазных элементов.

Второй этап — переход от буржуазных экономических отношений к социалистическим.

И, наконец, третий этап — становление социализма на «собственной основе», построение надстройки социализма, соответствующей его экономическому базису.

Первому этапу свойственно в основном отрицание «верхушек» буржуазного общества. Второй этап выкорчевывает базис буржуазного общества и водворяет экономический базис социализма. На третьем этапе происходит окончательное становление принципиально нового общества на своем фундаменте. На первом этапе остается необходимость «использования» (воспроизводства) буржуазных отношений и беспощадной борьбы с их последствиями, в особенности, внутри партии и государственного аппарата. На втором этапе мера необходимости воспроизводства буржуазных отношений определяется мерой внедрения социалистического базиса. Чем больше внедряется социалистический базис, тем меньше необходимости воспроизводства буржуазных отношений, следовательно, тем легче бороться с их последствиями. На третьем этапе необходимость воспроизводства буржуазных отношений, сущность которых выражается такими категориями как «товар» и «государство», полностью исчезает. Если товар — простейшее буржуазное экономическое отношение, то государство — это сложнейшее буржуазное отношение. Конечно, товар и государство изобретены не буржуазным обществом, не составляют какую-либо его особенность, они возникли с распадом первобытного коммунизма, существовали при рабстве и феодализме. Капитализм — высшая форма существования классового общества, и, следовательно, товарные и государственные отношения достигают вершины своего развития соответственно при капитализме.

Завершенность решения задачи на предшествующем этапе является необходимой предпосылкой для начала решения задачи на следующем этапе. Здесь недопустимо никакое волюнтаристское опережение

событий. Попытки опередить события, как правило, обусловлены переоценкой реальных достижений в решении (теоретическом и практическом) основной задачи. Переоценка же во многом определяется двумя факторами: методологической незрелостью познания действительности и «естественным» желанием приукрасить свое детище.

Основоположники марксизма-ленинизма установили принципиальную возможность решения основной задачи социализма, выдвинули общие и особые критерии решения задачи, разработали конкретный способ решения задачи для первого этапа. Для этого было необходимо понимание природы возникновения и развития капитализма. Решение этого вопроса, в свою очередь, содействовало разработке теории национального вопроса, партии, диктатуры пролетариата в условиях буржуазных отношений. Все эти теории имеют существенно общую часть, заключающуюся в отрицании буржуазных отношений в условиях господства этих отношений. В основе деления общества на классы лежит разделение труда, интересов. Теория марксизма-ленинизма на первом этапе в условиях господства буржуазных отношений занята поиском идеологических, организационных, политических способов соединения усилий пролетариата и других эксплуатируемых слоев населения для успешной борьбы с классовыми противниками. Теория пролетарского движения, как всякая научная теория, не только объясняет различные явления, факты существующей практики, но и содержит в себе возможные исходы будущей практики, не только следует за практикой, но и опережает ее. Так, успешная практическая борьба Российского пролетариата во главе с большевиками была бы невозможна без теоретического компаса марксизма. Но успешная борьба также невозможна без непрерывного совершенствования и доработок теории, ибо увидеть будущую практику в предшествующем и в сегодняшнем дне можно лишь в основном, но далеко не во всей ее конкретной содержательности. Теория второго этапа — перехода от общества, управляемого коммунистической (социалистической) политикой и опирающегося на буржуазные отношения, к социалистическому обществу, опирающегося на собственный фундамент и нуждающемуся теперь в соответствующей социалистической надстройке, должна быть создана в основном уже на первом этапе развития. При практической ее реализации она будет дополняться и совершенствоваться. Теория второго этапа должна ответить вполне конкретно на основные вопросы, указать способ преобразования основных противоречий капитализма, объяснить, чем и как конкретно заменяется каждое из них, во что преобразуется система экономических законов капитализма, каким законом каждый из них замещается, и какой закон впервые рождается при социализме. Революционный характер второго этапа решения основной задачи социализма определяется уничтожением одной системы экономических законов, созданием другой системы законов. На место каждого экономического закона буржуазного общества заступает соответствующий социалистический закон. Каждое противоречие не просто уничтожается как таковое, а заменяется новым противоречием. Задача теории состоит именно в том, чтобы выяснить досконально, как и во что преобразуются буржуазные законы, во что, например, переходит основное противоречие товарного производства, капитализма, закон стоимости, закон конкуренции, закон прибавочной стоимости. Одним словом, требуется знание не только теории капитала, но и теории антикапитала (т.е. теории социализма, теории отрицания капитализма).

Первый этап решения основной задачи социализма включает уничтожение политической системы капитализма, создание социалистического «государства», адекватного социалистическим целям и реальным буржуазным отношениям, нарушение, ограничение функционирования экономических законов буржуазного общества, то есть товарного производства. Второй этап охватывает уничтожение законов товарного производства, создание и водворение экономического фундамента социализма, уничтожение социалистического «государства» и возведение соответствующей социалистическому экономическому фундаменту формы управления. На третьем этапе социализм развивается «на собственной основе» и движется беспрепятственно к своей высшей форме — коммунизму. Первый этап революции воспроизводит товарные и государственные отношения, одновременно подавляет их следствия, но так, что подавление следствий идет большими темпами, нежели воспроизводство причин. Второй этап революции, воспроизводя товарные отношения, одновременно уничтожает их, заменяет новыми. Воспроизводство товара и государства протекает медленнее, нежели их уничтожение и замена. На третьем этапе товарные и государственные отношения не воспроизводятся более, наступает новая эра эволюции человеческого общества. Социализм из возможного окончательно переходит в действительность.

Общество при решении основной задачи социализма развивается следующим образом. Сначала движение идет по пути уничтожения капитализма от вершины до основ (параллельно, начиная от вершины, создается предварительный социализм), а затем созидание социализма от основ до вершины. Последний момент уничтожения классового общества, связанного с разделением труда, есть

одновременно начало строительства экономического фундамента социализма, составляет экстремальную критическую точку. Переход через критическую точку можно рассматривать как построение социализма в основном. Конец второго этапа соответствует полному, развитому социализму. Третий этап — это начало самосовершенствования развитого социализма, прямого движения к коммунизму, массового производства такой «идеологической» продукции как гуманизм.

Всем этапам решения основной задачи социализма соответствуют как качественные, так и количественные критерии (признаки). Качественные критерии, во-первых, связаны с самими отношениями между лицами, указывают на процесс отрицания буржуазных отношений и создания социалистических, служат наиболее фундаментальными ориентирами в борьбе за коммунизм. Такими фундаментальными критериями, отношение к которым определяет отношение к коммунизму по существу, являются товар и государство. Мера понимания товара и государства, отношение к ним, в конечном счете, определяют меру понимания классового общества вообще и капитализма, в частности, определяют меру понимания необходимости построения социализма, его экономического фундамента.

Другие качественные признаки выступают как характеристики поведения на производстве, в быту, в обществе. Например, такие противоположные отношения к труду как формальное и творческое являются характерными признаками общества. Однако по этим признакам можем судить об обществе в том случае, если известна массовость их проявления.

Наряду с качественными критериями имеют место существенные количественные признаки развития общества. К ним, прежде всего, относится производительность общественного труда. Производительность труда, анализ развития которой может многое рассказать о данном обществе, является характеристической функцией производительных сил и производственных отношений. Динамика развития производительности труда красноречиво говорит о характере развития революционных процессов в период решения основной задачи социализма. При нормальном ходе развития революционных процессов, т.е. без волюнтаристских перескоков через необходимые исторические преобразования, темпы роста производительности живого труда прогрессируют в течение всего периода решения основной задачи. Любые отклонения революционных процессов от «нормы» ведут к уменьшению темпов развития производительности труда. Так, на первом этапе политические завоевания трудящихся масс, представляя определенные свободы последним, создавая новые возможности за счет централизованного решения экономических задач, способствуя этим повышению производительности труда, ограничивают функциональные возможности системы капиталистических законов, негативно влияют на экономическое стимулирование индивидуального труда, уменьшают этим темпы развития производительности труда. При нормальном ходе развития на первом этапе позитивные последствия политических завоеваний превалируют над отрицательными. В совокупности развитие производительности общественного труда с темпами, превышающими капиталистические, является необходимым условием строительства социализма на первом этапе. И практика подтвердила это. На втором этапе строительства социализма отрицательные факторы в деле стимулирования индивидуального труда, вызванные политическими завоеваниями, устраняются, стимулирование индивидуального труда достигает максимума, не имеющего аналога при капитализме. Это немедленно сказывается на росте темпов развития производительности труда. Экономическое стимулирование индивидуального, а затем коллективного труда, опередив по своему содержанию прежние политические формы, требует совершенствования последних, уничтожения социалистического «государства». С окончанием решения этого вопроса антагонистические отношения переходят в полностью неантагонистические. Теперь стимулирование труда не имеет пределов. Свободное развитие каждого становится условием свободного развития всех.

Основная задача социализма очень трудна. Наиболее серьезные трудности суть методологические и политические. Казалось бы, следует объединить усилия теоретиков самых различных направлений для разрешения наиболее «ясных» и в то же время наиболее запутанных вопросов. На деле встречаем другую тенденцию — разьединение, разобщенность. Спрашивается, специалисты какой отрасли знания должны заниматься решением основной задачи социализма? По логике вещей — специалисты по научному коммунизму. Но представители последнего, введя понятие научного коммунизма в широком и узком смысле, ограничив круг рассматриваемых задач «узким смыслом», уходят от решения основной задачи социализма по существу. Некоторые авторы под научным коммунизмом в узком смысле понимают не марксизм-ленинизм в целом, а лишь составную часть марксизма, то есть по существу тот социализм, который был до марксизма. Как известно, марксизм заложил основы научного коммунизма. Это значит, научный коммунизм в узком смысле не может быть более узким, чем марксизм. Во-вторых, социализм стал наукой, благодаря открытиям в области экономических отношений. Следовательно, исключение экономических отношений из научного коммунизма переводит его из науки в утопию.

Казалось бы, центральная часть основной задачи социализма есть предмет политической экономии. Но политическая экономия, исключая производительные силы из своего предмета, уходит от решения основной задачи социализма.

Политическая экономия, исключив свой собственный фундамент, лишившись реальных, ощутимых ориентиров, в то же время, тратя огромные усилия на поиски так называемого исходного и основного отношения, в схоластических дискуссиях по поводу товарно-денежных отношений, не в состоянии прорвать буржуазную оболочку экономического мировоззрения. До сих пор в политической экономии отсутствует определение экономического отношения. В то же время анализ показывает, что понятие экономического отношения у многих ведущих экономистов, включая некоторых ярых антитоварников, совпадает с содержанием товара — простейшего буржуазного отношения.

А в то же время решение основной задачи социализма, в особенности на втором этапе, требует, чтобы элементарная экономическая клеточка буржуазного общества — товар — была разложена на составные части, выяснена роль каждой части в образовании общественного организма. Лишь после этого станет более или менее ясным вопрос о преобразовании буржуазного общества в социалистическое. Собственно, К.Маркс разложил товар на составные части — на потребительную стоимость и стоимость. Но политическая экономия, страдая определенной близорукостью, исключает потребительную стоимость из своего предмета, а стоимость отождествляет с содержанием товара.

Одновременно в философии до сих пор не дано четкое различие того, что такое антагонистическое отношение, а что — неантагонистическое. Этим можно объяснить близорукость некоторых экономистов, которые не видят в товарном отношении, как в таковом, антагонизма. Все дело, по их мнению, заключается в способе разрешения. И таким образом негласно повторяется старая песня: основа капитализма хороша, надо только подобрать соответствующий ключ к ее разрешению.

Социализм — это преодоление разделения труда, профессионализма. Но решение основной задачи социализма требует, чтобы лица, посвятившие себя служению идеалам коммунизма, избавились от «профессионального кретинизма» задолго до построения социализма в основном, объединили свои усилия, направили их в единое русло. Научный коммунизм в широком смысле есть объединение всех наук в одну науку.

Глава 8 Политическая экономия

Специалисты по научному коммунизму «в более узком смысле» не единственные представители обществензнания, которые тратят огромные умственные усилия на то, чтобы не решать основную задачу социализма, уклоняются от ответственности за судьбу социализма. Немалое количество специалистов по политической экономии играют ту же роль. Как им это удастся? Опять с помощью разделения труда, возведения громоздких ограждений вокруг своего «огорода», уклонения от рассмотрения объективных процессов, протекающих между «огородами» (предметами исследований).

Позиция разделения труда в области науки ведет всегда к поиску, выделению границы познания, за рамки которой запрещено переходить данным специалистам. Такой подход сталкивается с проблемой учета границы. Любая граница составляет предмет, по крайней мере, двух конкретных отраслей науки. Здесь, при попытке отгородиться, возникает ряд проблем. Есть два способа учета границы: исключить границу из предмета исследования или включить. В первом случае возникает опасность исключения из предмета пограничной зоны. Во втором случае возникает необходимость включения пограничной зоны соседствующего предмета знаний. При первом подходе исключается часть собственного предмета, что не может не препятствовать развитию познания вглубь, при втором подходе, напротив, возникает необходимость включения части «чужого» предмета, что предполагает дополнительные затраты умственной энергии. Понимание того уровня производительных сил, при которых осуществление второго подхода (преодоление разделения труда) становится экономически целесообразным, является чрезвычайно важным моментом в деле теоретического решения основной задачи социализма и практической реализации этого решения. Фундаментальная часть проблемы преодоления разделения труда связана непосредственно с задачами политической экономии социализма, необходимость рождения которой предсказали основоположники научного коммунизма.

Отношение экономистов к фундаментальной проблеме преодоления разделения труда проявляется в их трактовке предмета политической экономии, а возможности решать данную проблему, — связаны с пониманием экономистами собственного исходного теоретического инструмента — экономического отношения, экономической связи.

Для того, чтобы говорить с экономистами на их языке, вооружимся несколькими пособиями:

[1] – Политическая экономия, учебник, Москва, 1954 г.;

[2] – Политическая экономия социализма (под общей редакцией проф. А.Ф.Румянцева, проф.Е.Ф.Борисова, проф.Д.В.Валового и др.), изд.»Экономика», 1972 г.;

[3] – Курс политической экономии в двух томах, под ред. Н.А.Цаголова, Москва,1974 г.;

[4] –Политическая экономия социализма, Б.Минц, Москва, 1965 г.

Хотя совокупность точек зрения, излагаемых авторами данных пособий, не охватывает полностью всю совокупность точек зрения советских экономистов по различным вопросам политической экономии, тем не менее, содержание данных книг в достаточной мере исчерпывает мировоззрение большей части специалистов по политической экономии.

Вопросы политической экономии интересуют нас в связи с решением основной задачи социализма, в какой степени определение предмета политической экономии ограничивает ее цель, соответствует раскрытию содержания основной задачи социализма, в какой степени используемый политической экономией метод содействует достижению поставленной перед ней цели.

Авторы упомянутых выше пособий единодушны в первичном определении политической экономии. Все они считают, что политическая экономия изучает производственные (экономические) отношения, в которые люди вступают в процессе производства, обмена, распределения, потребления, которые составляют базис. Некоторые из них полагают, что, хотя «производительные силы не являются сами по себе предметом политической экономии» тем не менее «при дальнейшем, более полном определении предмета политической экономии социализма следует иметь в виду, что она рассматривает экономический базис, экономический строй во взаимодействии с производительными силами и с надстройкой социалистического общества» ([2], с.15,17-18). А пока политическая экономия должна функционировать «в более узком смысле». Авторы [1] считают, что

«политическая экономия изучает производственные отношения в их взаимодействии с производительными силами» (с.8).

Отсюда, правда, пока не следует, что производительные силы составляют предмет политической экономии. Такое неустойчивое отношение к проблеме включения или невключения производительных сил в предмет политической экономии обусловлено, по видимому, следующими обстоятельствами. С одной стороны, авторы хорошо знают открытый К.Марксом закон соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил, что ни необходимость изменения производственных отношений, ни характер такого изменения нельзя понять, не изучая подробно производительные силы. Диалектика между производительными силами и производственными отношениями диктует необходимость преодоления разделения труда. Отражение этой реальности, описанной основоположниками научного коммунизма, проявляется в попытках наших экономистов включить производительные силы в предмет политической экономии или, по крайней мере, в зависимости от них рассматривать производственные отношения. А с другой стороны, реально господствует разделение труда, что решающим образом определяет текущую политику, конкретное мировоззрение экономистов, чрезвычайно ограничивая диалектический подход. Одну руку экономисты поднимают за преодоление разделения труда, за диалектический подход, а другую руку за сохранение разделения труда, за метафизический подход.

Следующий важный вопрос, от глубины понимания которого зависят потенциальные способности нашей политэкономической мысли — это определение производственного (экономического) отношения. Все упомянутые выше пособия страдают крайней неопределенностью в отношении исходного теоретического инструмента — определения экономического отношения. На словах авторы упомянутых пособий не отрицают научную абстракцию в качестве метода познания, а в действительности им не удалось дать сколь-нибудь четкое определение экономическому отношению, то есть выделить совокупность экономических отношений из общей совокупности всех общественных отношений, а затем определить так экономическое отношение, чтобы его можно было применить к любому экономическому отношению. Этот факт накладывает определенный негативный отпечаток на экономические исследования.

Основное понятие производственного отношения сводится к трактовке, что это отношение между лицами в процессе производства, распределения, обмена, потребления. Но в процессе производства люди вступают и в правовые, и в идеологические отношения. А авторы [3] полагают, что люди вступают в процессе производства даже в технические отношения. Они подчеркивают, что

«во всей совокупности производственных отношений необходимо видеть две качественные различные стороны — техническую и экономическую. Технические и экономические стороны имеются в распределении труда и в кооперации, и в обмене деятельностью и в распределении. Под производственными отношениями подразумевают обычно одну их сторону — экономическую» ([3], т.1, с.58).

После таких уточнений возникают новые неясности. Действительно, разве люди могут вступать непосредственно в технические отношения? И что такое техническое отношение? Разве под техническими отношениями не принято подразумевать отношения между техническими элементами? Конечно, если людей рассматривать как материальные (неодушевленные объекты, то они, безусловно, вступают в отношения всемирного тяготения и во все другие отношения, в каких могут находиться вообще материальные объекты. Но ведь мы рассматриваем человека с позиции целесообразной трудовой деятельности, именно той формы существования материи, которая отличает человека не только от неживого мира, но и от животного. Однако авторы [3] в действительности имеют в виду вовсе не технические отношения, а отношения между лицами в процессе производства. Вот как поясняют свою точку зрения авторы:

«Технические отношения непосредственно связаны с технологией производства и организацией труда. Так, например, на крупном предприятии существует определенная расстановка людей по рабочим местам и цехам в соответствии с технологической схемой производства. Оперативное руководство их деятельностью осуществляют инженерно-технический персонал, мастера, бригадиры. В процессе производства все эти люди находятся в определенном соподчинении, диктуемом ходом самого процесса производства» (там же, с.58).

Это весьма серьезное, хотя косвенное уточнение того, что понимается (точнее не понимается) под экономическим отношением, какой класс отношений исключается из всей совокупности производственных отношений. Такое понимание производственных отношений свойственно и авторам [1], [2], [4]. Это выясняется следующим прямым уточнением:

«Производственные, или экономические отношения отличаются тем, что во всех своих звеньях они связаны с характером и формой присвоения средств производства и продуктов труда, или собственностью на средства производства и продукты труда» (там же, с.58).

Это, видимо, означает, что природа (сущность) производственных отношений определяется, по мнению авторов, характером присвоения средств производства, продуктов труда. Это уточнение понятия производственных отношений сближает авторов [3] с авторами [1] (см.с.7), с авторами [2] (см.с.43), с автором [4] (см.с.42) и другими, которые рассматривают отношения, вытекающие непосредственно из характера присвоения, собственности. Правда, Б.Минц колеблется при изложении своей точки зрения. С одной стороны, он полагает, что собственность составляет основание производственных отношений, составляет предмет политической экономии (с.42). А с другой стороны, Б.Минц считает, что производственные отношения в широком смысле, куда, естественно, входят и те отношения, которые, по мнению авторов [3], являются техническими, составляют предмет политической экономии (с.16-17).

Как бы то ни было, а из группы производственных отношений авторы исключают существенную часть под тем предлогом, что они непосредственно связаны с технологией производства и организацией труда. То есть исключаются те отношения, которые непосредственно связаны с производительными силами, с созидательной стороной производства. Остаются в качестве предмета политической экономии те отношения, которые непосредственно связаны с характером присвоения средств производства и результатов труда. Здесь, во-первых, остается неясной связь между двумя названными группами отношений, как они взаимодействуют. Ясно одно, это взаимодействие исключается из предмета политической экономии. Во-вторых, до сих пор, несмотря на вышеупомянутые уточнения, мы не знаем, что такое производственное отношение. Определение экономического отношения через форму присвоения требует четкого определения того, что такое присвоение. И, наконец, в-третьих, остается совершенно неясным вопрос, как политическая экономия выходит на практику, как она собирается помогать ей совершенствоваться. Если производственные отношения, непосредственно связанные с производительными силами, исключаются из предмета политической экономии, то прежде всего исключается не только весьма существенная часть из рассмотрения, но и связь между практикой и теорией. Это первое (весьма важное) следствие.

Для того, чтобы уточнить, как некоторые экономисты понимают экономические отношения, обратимся к следующей детали. Авторы [3] пишут:

«В натуральном хозяйстве... семья не вступает в производственные отношения с другими семьями, если она ведет замкнутое хозяйство» (т.1, с.49-50).

Из совокупности всех возможных экономических отношений исключаются отношения безразличия. Раньше мы видели, что упомянутые авторы исключают производственные отношения между лицами, диктуемые «ходом самого процесса производства», из предмета политической экономии. Теперь видим, что из предмета исключаются экономические отношения, выражающие отсутствие связи между семьями. Более того, видим, что, по мнению авторов, лица вольны вступать или не вступать в

производственные отношения вообще. Возникает вопрос, какие отношения остаются, и что такое производственное отношение вообще? Ясности, как видим, нет. Отсутствует четкое определение понятия экономического отношения. Это создает произвол при определении предмета политической экономии. Что, например, останется от современного математического анализа, если из него убрать определение функции?

При более внимательном рассмотрении вопроса выясняется, что экономисты исключают из предмета по существу наиболее фундаментальные связи и отношения, без которых нельзя понять ни необходимость возникновения частной собственности, классов, государства, ни необходимость их уничтожения. Во-первых, исключаются производственные отношения, не зависящие от характера присвоения средств производства, предметов труда. Но ведь это те отношения, которые в марксистской литературе называются такими часто встречающимися терминами как: «общественный характер производства», «общественный характер производительных сил», «потребительная стоимость», «всеобщая зависимость», «общественное разделение труда». Те производственные отношения, благодаря которым средства производства, само производство делается общественным, не зависят от характера собственности, присвоения. Более того, эти производственные отношения развиваются вопреки частному характеру присвоения частной собственности. Во-вторых, если бы все экономические отношения действительно зависели от характера собственности, например, частной, то тогда бы она, частная собственность на средства производства оставалась бы вечной формой производства. Чувствуя эту слабину, экономисты спасаются бегством в марксизм, напоминают, что отношения собственности должны изменяться в соответствии с развитием производительных сил. Но это бегство в марксизм не спасает их, так как накануне дверь в марксизм была крепко захлопнута путем исключения из предмета политической экономии производственных отношений, непосредственно зависящих от производительных сил и отношений безразличий, через которые можно понять связь между производительными силами и собственностью. Исключаются из предмета политической экономии те производственные отношения, анализ которых дает возможность понять необходимость и смысл предстоящих преобразований во всей совокупности производственных отношений. Исключаются те отношения, природу которых предстоит нам понять и признать и от которых следует отправляться в теоретическом отношении при выводе исходного отношения социализма. С другой стороны, исключаются отношения безразличия. А ведь безразличие есть составная часть товара, его характерное свойство. Собственно, товар есть единство всеобщей зависимости и полного безразличия.

Мы рассмотрели три уточнения (два косвенных и одно прямое) того, что специалисты по политической экономии понимают под экономическим отношением. Прямое уточнение понятия экономического отношения касается собственности, характера присвоения, то есть, что экономические отношения «во всех своих звеньях связаны с характером присвоения». Отсюда следует единственный вывод о том, что для понимания экономических отношений надо определить, что такое собственность. Авторы [3] в специальном параграфе по определению политической экономии как науки пишут:

«Каждый из элементов системы производственных отношений характеризует ту или иную сторону собственности. Одни из элементов раскрывают самую глубокую сущность собственности, другие менее глубокие или поверхностные формы ее проявления. Лишь совокупность всех отношений характеризует экономическое содержание собственности во всем ее богатстве определений, в единстве сущности и необходимых форм проявления в реальном процессе ее движения. Поэтому собственность изучается на протяжении всего курса политической экономии, а не в каком-то отдельном разделе или разделе» (т.1,с.63).

Против этого марксистского понятия собственности нет необходимости возражать. Однако авторы, трактуя, таким образом, собственность, делают бессмысленной свою попытку выделить экономические отношения из производственных, представить последние как технические и как экономические. Экономические отношения авторы, как мы видели выше, увязывали с понятием собственности. Действительно, по их признанию, мы не узнаем что такое собственность до тех пор, пока не исследуем всю совокупность экономических отношений. Следовательно, не можем с помощью ссылки на собственность выделить совокупность экономических отношений из всех производственных отношений. Попытка разделить всю совокупность производственных отношений на технические и экономические с помощью ссылки на собственность предполагает знание совокупности экономических отношений. Но если вам совокупность экономических отношений известна, то ее незачем выделять, а если неизвестна, то возможность выделить ее саму равна нулю. В результате представления об экономических отношениях повисают в воздухе. Ведь экономическое отношение авторы хотели оттенить с помощью понятия собственности, которая будет определена в курсе после того, как будет исчерпана вся совокупность экономических отношений. Но будет ли она исчерпана хотя бы

наполовину? Едва ли. Сама совокупность экономических отношений определена авторами весьма произвольно.

Прежде, чем говорить о различных экономических отношениях, формах собственности, надо дать определение экономическому отношению вообще. Так поступают во всякой отрасли научного знания. Например, для того, чтобы представить различные функции, классы функций в математике, надо иметь представление о функции, во-первых, и о классе — во-вторых. Для того, чтобы вести разговор о различиях внутри одного рода, надо определить этот род. Правда, для понимания какого-либо рода требуется знание различных элементов этого рода. Становление конкретной науки связано с собиранием исходного материала, различных факторов, элементов, которые имеют нечто общее. Возникновение науки определяется нахождением того общего, что есть в собранном материале. С такого абстрактного определения начинается развитие науки, постепенно, путем анализа раскрывается все то многообразие данного рода, которое нельзя обнаружить, исчерпать путем наблюдения.

Раз авторы [3] остановились на марксистском понимании собственности, то им следовало крайне осторожно отнестись к вопросу, что включить, а что исключить из предмета политической экономии, то есть из совокупности производственных отношений. Ведь не исключена возможность, что именно отброшенные отношения будут раскрывать самую глубокую тайну собственности, ее сущность, что именно их включение даст ключ к пониманию движения собственности. Поэтому до тех пор, пока не будет дано четкое определение того, что такое экономическое отношение между лицами, не следует отбрасывать ни одно подозрительное отношение из рассмотрения, спешить с выделением элементарного, простейшего отношения, исходного и основного отношения данной формации. Ведь здесь не исключена ошибка, а вслед за ней огромные в основном бесполезные умственные затраты. Нельзя определить ни что такое исходное отношение, ни что такое основное отношение, если мы не знаем, что такое экономическое отношение вообще.

Отсутствие определения экономического отношения весьма серьезно сказывается на формулировке экономических законов. Так, например, авторы [3], полагая, что планомерность есть исходная категория политической экономии, формулируют закон планомерности как

«закон, выражающий внутреннюю, существенную, необходимую связь между непосредственной обобщественностью средств производства и труда, с одной стороны, и общенародным хозяйствованием, централизованным плановым управлением народным хозяйством, с другой стороны. Этот закон планомерного развития общественного производства, или закон планомерности, указывает на то, что планмерно организованное производство невозможно без централизованного ведения народного хозяйства» (т.2,с.101).

Первая часть этой формулировки закона планомерности относится к закону как таковому с точки зрения философии. Поэтому она не вызывает никаких возражений. Всякий закон выражает именно внутреннюю, существенную, необходимую связь между чем-то и чем-то. И в этом смысле всякий закон отражает принцип притяжения, централизации. Поэтому закон планомерности не может представлять собой в этом плане исключение или противоположность, скажем, закону стоимости. Закон стоимости централизует общественное хозяйство против воли и сознания лиц, занимающихся независимо друг от друга своим хозяйством.

Вторая часть формулировки вызывает недоумение. Действительно, что такое

«связь между непосредственной обобщественностью средств производства и труда, с одной стороны, и общенародным хозяйством, централизованным планированием, с другой стороны?»

Планомерность определяется не как связь между лицами, непосредственными производителями (видимо, эта часть отношений относится, по мнению авторов, к техническим отношениям), а как связь между неопределенными понятиями. В самом деле, что такое «непосредственная обобщественность средств производства и труда» вне общенародного хозяйствования? И что такое общенародное хозяйствование вне непосредственной обобщественности? Разве общенародное хозяйствование является каким-либо самостоятельным звеном по отношению к непосредственной обобщественности средств производства и труда? Разве можно представить непосредственную обобщественность средств производства и труда вне общенародного хозяйствования, а общенародное хозяйствование без непосредственной обобщественности средств производства и труда? Конечно, нет. Первая сторона содержит в себе вторую, а вторая — первую. Поэтому говорить о связи первой стороны со второй — это все равно, что рассуждать о внутренних связях Иванова с Ивановым. Итак, наше понимание планомерности после такой формулировки не более ясно, чем до нее. Экономисты, забыв дать определение экономическому отношению, увлеклись описанием заоблачных отношений.

По самому исходному определению, политическая экономия изучает экономические отношения между лицами, группами, классами, государствами. Может быть авторы [3], определяя планомерность,

имели в виду отношения между рабочими, объединенных на предприятиях и прикрепленных там к средствам производства, и работниками центральных органов управления? Тогда надо было прямо об этом сказать. Но этого мало. Надо объяснить предварительно, каким образом труд рабочих непосредственно обобществлен и что это такое. Короче, надо объяснить, в какие отношения рабочие должны вступить между собой, чтобы их труд действительно был непосредственно обобществлен. И с другой стороны, надо объяснить, что собой представляет центральный аппарат, в какие экономические отношения лица вступают в нем. Однако обо всем этом ничего не сказано. Поэтому формулировка закона планомерности как закона, выражающего существенную, необходимую связь между неопределенными факторами, ничего не дает ни уму, ни сердцу, ни практике строительства нового общества.

Если раньше авторы [3] при определении экономических отношений прибегали к услугам собственности, а затем, спохватившись, напоминали, что сама собственность может быть понята лишь как совокупность всех производственных отношений и таким образом поставили под сомнение свой собственный способ выделения экономических отношений из совокупности производственных отношений, то теперь при раскрытии содержания планомерности как исходной категории политической экономии социализма авторы пользуются услугами вообще общества, которое к тому же обладает сознанием, способностью мыслить. Авторы [3] пишут:

«Планомерная организация общественного производства обуславливает специфический характер движения социалистического (коммунистического) способа производства и означает, что все экономические процессы осуществляются по заранее намеченным обществом планам, что имеет место согласованность и координация всех членов общества, всех производственных звеньев» (т.2,с.97).

Если бы это было написано специалистами по научному коммунизму «в более узком смысле», то это было бы понятно, так как они занимаются наиболее общим, социально-политическим анализом, уклоняясь от ответственности за техническую, экономическую, правовую политику в отдельности.

Исходная категория политической экономии социализма разыскивается не как выражение простейшей экономической связи и соответствующих отношений между непосредственными производителями, составляющих первопричину того, что данное объединение лиц действительно по внутренним мотивам заинтересовано и способно действовать согласовано, заранее обдумывать и создавать в «общественной голове» образ будущих реальных производственных действий, а когда надо, быстро вносить изменения в соответствующие планы (разумеется, такие изменения вносятся с целью увеличения эффективности производства), а констатируется факт, что общество функционирует по заранее намеченному плану.

Исходное экономическое отношение потому считается исходным, что оно выражает отношение между исходными живыми факторами производства, между непосредственными производителями материальных благ. Поиск исходной категории должен начинаться не с констатации факта, что общество функционирует планомерно, а с поиска тех отношений между производителями, которые дают возможность сделать шаг вперед в решении вопроса о планомерности. Что же касается предположения авторов, что общество функционирует по заранее обдуманному плану, оно равнозначно признанию, что социализм водворен полностью. Авторы разыскивают исходную категорию политической экономии, предполагая по существу либо реальное функционирование социализма в полном смысле этого слова, либо, что все категории политической экономии социализма известны, то есть политическая экономия уже создана. Остается лишь узнать, какое отношение составляет фундамент. Первое предположение о полном водворении социализма равнозначно тому, что социализм и теория о социализме возникают так же, как рабство, феодализм, капитализм — стихийно и описательно. Строй социализма водворяется и развивается стихийно, а теория создается как описание и раскрытие реальных процессов. Второе предположение о наличии всех категорий политической экономии равнозначно тому, что политическую экономию можно создать без понимания и выделения исходной категории, признанию, что конструктивная роль последней равна нулю. Но если это так, то тогда зачем «ломать копья»?

Социализм не возникает и не может возникнуть стихийно. Теория социализма не может опережать практику строительства социализма. Теория социализма создается не как описание и раскрытие реальных процессов, а как выделение из совокупности возможных разложений реальных капиталистических процессов того единственного разложения (уничтожения), которое равнозначно созиданию новых категорий, а реализация последних — строительству социализма.

Но наши экономисты любят «брать быка за рога» — разрешать все проблемы одним махом, предпочитают рассматривать концентрированные отношения на уровне мировых проблем, всячески избегая «межъядерные» отношения между непосредственными производителями. На таком «низком»

уровне некоторые экономисты, по видимому, не видят не только экономические отношения, но и «технические».

Другие экономисты, рассматривая такой высокий уровень концентрации общественных отношений, при котором трудно отличить экономические отношения от правовых, объявляют в качестве исходного отношения собственность на средства производства. А чаще всего общественная собственность на средства производства рассматривается в качестве исходного и основного отношения. Конструктивная роль такого подхода в деле разработки теории политической экономии социализма невысока. Роль требований общественной собственности (неважно, что при этом никто не знает, что она конкретно собой представляет) велика в период классовых битв. В этот период важно знать, что требования общественной собственности выступают как отрицание частной собственности на средства производства. После завоевания пролетариатом политического господства такого знания недостаточно. Теперь надо знать, как реализовать общественную собственность. Общественная собственность выступает как цель, которую надо достичь. А в качестве исходной и основной категории общественная собственность на средства производства имеет тот единственный смысл, что мы политическую экономию можем вывести лишь из отрицания классовых отношений, достигших своей высшей формы при капитализме, как отрицание товара (частной собственности) и государства (первичного или одностороннего отрицания частной собственности). Но, в любом случае, общественная собственность выступает не в качестве исходной и основной категории, а в качестве исходного требования для выведения исходного и основного отношения, составляющих необходимую и достаточную основу для планомерного развития общества в целом и в каждом конкретном случае.

Между «собственниками» и «плановиками» нет большой разницы. Ни общественную собственность нельзя понять без планомерности, ни планомерность невозможно представить без общественной собственности. Побуждения и стремления «собственников» и «плановиков» благородны. Но для достижения этих благородных целей необходимо засучить рукава и разуться, так как нам еще придется некоторое время топтать по болотам буржуазного мировоззрения, сочно питающегося реальными буржуазными (товарными и государственными) отношениями.

Анализ предполагает деление целого на его составные части и изучение их взаимодействия. А далее анализ и синтез составных частей, то есть деление составных частей, в свою очередь, на составные части, восстановление целого и так далее. Но при этом нельзя определять составные части как функцию через целое. Конечно, целое и составные части взаимодействуют, взаимообусловлены. Однако по изменению целого нельзя (точнее не всегда можно) судить об изменении составной части. Но зато по изменению составной части всегда можно судить об изменении целого. Так, например, о планомерности и общественной собственности можно судить по изменению конкретных производственных отношений, скажем, при переходе от капитализма к социализму. При этом выясняется, как преобразование (отрицание старых и создание новых) отношений и связей влияет на становление и развитие планомерности и собственности, как отрицание товара укрепляет первичную форму планомерности и обобществления и как отрицание государства вулканически действует на настроения, умы людей, делает дело каждого делом каждого. И, наконец, при сохранении товарных отношений замечаем, как постепенно реакционно отрицается первичное отрицание частной собственности под видом групповых форм собственности, как разламывается государственная собственность под тяжестью государственных отношений, рождающих махровый бюрократизм, крупных буржуа и в окружении товарных отношений рождающих непосредственную мелкую и среднюю буржуазию, спекулянтов.

Обратный ход рассуждений несостоятелен. По состоянию понимания планомерности, ее реализации или по состоянию общественной собственности нельзя судить об отдельных общественных отношениях, о необходимости развития тех или иных отношений сегодня или завтра. Мы знаем, что с нашим плановым хозяйством обстоит дело неблагоприятно. То же самое мы можем сказать относительно общественной собственности на средства производства. Знаем, что за 50 лет темпы развития в среднем снижаются. Однако чем объяснить эти общие результаты? Какая составная часть наиболее развита, а какая наименее развита? Все это мы не можем знать, исходя из общих положений о плановом хозяйстве и общественной собственности. Мы, исходя из общих положений, не можем сказать какие отношения: экономические, политические, правовые, идеологические, наиболее отсталые и нуждаются, поэтому, в неотложном внимании. В соответствии с этим мы не можем понять, как должны быть изменены, преобразованы остальные отношения.

Исходная экономическая категория социализма впервые выражает не реально функционирующее отношение, а отрицание исходного экономического отношения капитализма. И только после того, как социалистический экономический базис водворяется, исходная категория политической экономии выступает как отражение реальности. Трудности теоретического выведения исходного экономического

отношения объясняются во многом тем, что товарное производство можно отрицать разными способами и только лишь один из них соответствует социализму. Исходная категория политической экономии социализма должна выделить ту экономическую связь, те отношения между производителями, которые обуславливают заинтересованность в согласованности действий всюду и в любой момент, обуславливают заинтересованность в выработке будущих планов не только на «своем» участке производства, но и на любом другом участке производства, благодаря которым возникает возможность установления последовательности мер экономических ответственностей и прав для всех участников общественного производства за различные его части. Каждый участник производства имеет свою последовательность мер ответственности («затрат») за различные участки общественного производства. Наличие такой последовательности указывает существенным образом на то, что участник производства является не декларативно, а по существу, хозяином всего производства. Вторая существенная сторона общественной собственности заключается в том, что каждый участник имеет свою последовательность мер экономических прав («эффектов») на результаты всех участников общественного производства. Число элементов в этих последовательностях определяется числом разбиения общественного производства на участки. Элементы последовательности по величине различны. Обе последовательности монотонно убывающие. Главный (первый) элемент соответствует ответственности и правам работника за участок, где он непосредственно потребляет и производит. Если обнулить все элементы последовательностей за исключением главного (первого), то получим товарное производство, частную собственность. Если все элементы всех последовательностей приравнять одному числу, то получим уравнилельный коммунизм. Если все элементы последовательности экономической ответственности приравнять нулю, то получим государственную собственность на средства производства. Функционал от отношений двух последовательностей определяет меру вклада каждого работника в общественное производство.

Основная категория политической экономии социализма должна выделить основное экономическое отношение социализма, практическая реализация которого делает действительными наши замыслы, исключая всякое насилие, при котором насилие становится ненужным актом. Основная категория политической экономии социализма выступает как отрицание государства, а исходная — как отрицание товара.

Методологическая трудность политической экономии социализма обусловлена тем, что каждый ее самостоятельный позитивный шаг по становлению совершается не как прямое отражение объективной социалистической реальности, а как отражение отрицания реальности классового общества. Политическая экономия социализма, в отличие от политической экономии капитализма, открывает не объективную реальность, что само по себе необходимо для создания политической экономии социализма, а, опираясь на тенденции развития данной реальности, открывает будущую социалистическую экономическую реальность. Политическая экономия должна указать на то, как преобразуется данная реальность, как она переходит в социалистическую реальность, укрепляет ее. Это указание служит основанием для строительства социализма, его укрепления. Становление политической экономии социализма не может не опережать становление экономического фундамента социализма. И в этом надо отдать должное авторам [1], [2], [3], защищающим тезис, что социализм — продукт сознательной и волевой деятельности людей. А авторы [3] настолько заражены этим тезисом, что планомерность (читай: общественная сознательность) объявили исходной категорией политической экономии.

Однако, несмотря на то, что политическая экономия социализма должна возникнуть как отражение отрицания классового общества, наше мышление обусловлено объективной реальностью в целом, а не только необходимостью отрицания классового общества. Всякое классовое общество представляет собой единство двух противоположных тенденций — отрицания и утверждения устоев данной экономической формации. Наше общественное мышление, включая становление политической экономии социализма, не может не отражать обе тенденции. Поэтому нужно осознать и признать этот факт.

В среде экономистов дискуссии по самым разнообразным вопросам не так уж редки, имеет место критика. Однако, при этом отсутствует анализ подвергаемых критике взглядов в плане разъяснения причин их происхождения. Люди, в том числе экономисты, не могут не отражать две упомянутые тенденции в той или иной форме. Исследователи, не задумываясь над этим фактом, становятся, как правило, рабами самих тенденций, в разной мере сочетая революционную фразу с ее отрицанием.

Необходимым условием становления человека на позиции марксизма-ленинизма является осознание (а не простое признание) того факта, что наше мышление, сознание, обусловлено реальным общественным бытием. Осознание этого факта служит основанием для выработки сознательного

подхода к обеим объективным тенденциям классового общества по утверждению и отрицанию его, что позволяет разработать программу вывода общества из положения рабства. Обычно принято рассматривать за эталон правильности понимания классового общества следующую логическую схему: рабовладельцы, феодалы, капиталисты представляют сторону утверждения рабства, феодализма, капитализма, а рабы, крепостные, рабочие — сторону отрицания соответственно рабства, феодализма, капитализма. Эта схема вполне пригодна в качестве агитации, пропаганды за рабочее дело, но она, в силу ограниченности, не может служить средством научного анализа. Напротив, следует объяснить причины возникновения такой точки зрения. Она ведь тоже обусловлена общественным бытием. Да, рабы, крепостные, рабочие отрицают соответственно рабство, феодализм, капитализм, а рабовладельцы, феодалы, капиталисты соответственно утверждают рабство, феодализм, капитализм. Это все верно. Но рабство, феодализм и капитализм не просуществовали бы и одного дня, если бы рабы, крепостные, рабочие одновременно не утверждали соответственно рабство, феодализм, капитализм, не укрепляли бы систему эксплуатации. Понять природу взаимоотношений между рабом и господином — это значит, понять экономическое отношение, которое непосредственно обуславливает эксплуатацию. Это, конечно, важно. Но это не самая глубокая тайна эксплуататорского общества. Понимание природы этого отношения необходимо для выработки программы, завоевания рабочим классом политической власти, права быть хозяином, но не хозяином еще. Самая глубокая тайна экономического строя кроется во взаимоотношениях между «ядрами» общества — между рабами, между крепостными, между рабочими. Раскрытие этой тайны чрезвычайно важно для выработки программы уничтожения всякой формы рабства, построения социализма, превращения «ядер» общества в его хозяев, превращения права быть хозяином в хозяина.

С другой стороны, рабовладельцы, помещики, капиталисты не только утверждают соответственно рабство, феодализм, капитализм, но и отрицают их. Раскрытие этой тайны важно для понимания природы отрицания частной собственности, необходимости усиления централизованной власти, возникновения рабов, крепостных, пролетариев.

Природа каждого из противоборствующих классов определяется внутриклассовыми отношениями. Внутри каждого класса действуют две противоположные силы, тенденции. Равнодействующая сила выходит навстречу равнодействующей силе классового противника. Эти две равнодействующие силы действительно представляют противоположные тенденции. Равнодействующая сила рабов, крепостных, рабочих отрицает соответственно рабство, феодализм, капитализм, а равнодействующая сила рабовладельцев, феодалов, капиталистов утверждает, соответственно, рабство, феодализм, капитализм. Поэтому в известном смысле можно говорить, что рабочий класс — выразитель отрицания капитализма, а капиталисты суть выразители утверждения капитализма. Но надо помнить, что рабочий отрицает капитализм в среднем. Непонимание этого факта, во-первых, при господстве капиталистов затрудняет интегрирование (суммирование) сил пролетариата, увеличение его равнодействующей силы в борьбе с классовым противником. Во-вторых, уже при разрешении первой трудности, завоевании пролетариатом политической власти, непонимание природы пролетариата превращается в причину задержки социалистических преобразований, восстановления классовых элементов. Направление равнодействующей силы, которая ранее была направлена против капитала, эксплуатации, после уничтожения классового противника может мгновенно измениться и быть направленной от имени рабочих против рабочего дела, против социализма. Тому, кто не усвоил логику возникновения классов и классовой борьбы может показаться такой вывод абсурдом. Но абсурда нет. Почему сила рабочих против рабочих? Это, конечно, не безусловно. Это может произойти в том случае, если не будет усвоена действительная природа пролетариата и не будет, поэтому, данная сила (сила пролетариата), после уничтожения эксплуататорских классов, направлена на преобразование природы самого пролетариата, если положение «право стать хозяином» не будет использовано как рычаг в прямом смысле для строительства социализма, в котором каждый рабочий является хозяином всех средств производства не в юридическом, а в экономическом смысле.

Отсутствие четкого определения понятия экономического отношения отражается в немалой степени на трактовке основного экономического отношения. Выше мы видели, что экономисты исходное отношение социализма определяли как свойство сложившегося известного целого, а не как исходную основу, которая позволяет создать неизвестное конкретное целое. Основной недостаток определений исходного и основного отношений заключается в том, что они даются на основе неопределенных понятий. Авторы [3] пишут:

«Для социалистического способа производства специфичным является то, что здесь осуществляется планомерное соединение ассоциированных производителей с обобществленными

средствами производства. Этот способ соединения тружеников со средствами производства и составляет основное производственное отношение социализма» (т.2, с.118-119).

В этом определении характерно предположение о существовании ассоциированных производителей вне средств производства и обобществленных средств производства, вне производителей. Это принципиальный момент. Авторы вновь прибегают к тому способу аргументации, что был использован при формулировке закона плановости. Действительно, что такое ассоциация производителей вне средств производства. Слово «ассоциация» в переводе на русский язык означает «соединение». Следовательно, авторы предполагают некое соединение производителей вне средств производства. Точно так же они предполагают, что средства производства могут быть обобществлены вне производителей, т.е. вне производителей может произойти некое их соединение. Что означает все это?

Если авторы действительно признают диалектический материализм в качестве научного метода, то они должны исходить из того факта, что сущность ассоциации производителей вне средств производства и сущность общественных средств производства вне производителей определяются соответственно внутренними связями в данных областях. Эти две сущности и обуславливают единую сущность способа соединения ассоциации производителей и обобществленных средств производства. Следовательно, тайна (самая глубокая) кроется в самой ассоциации производителей и общественном характере производства. Это — во-первых. А во-вторых, разве соединение (ассоциация) производителей вне средств производства возможно? Если да, то разве оно выражает экономическую (производственную) связь и отношения? Соединение производителей предполагает наличие производителей. А производитель есть единство рабочих рук (рабочей головы!) и средств производства. Следовательно, ассоциация производителей предполагает единство, т.е. соединение средств производства и рабочих. Далее, разве можно говорить серьезно об обобществлении средств производства вне производителей? Вне производителей могут оказаться только такие «обобществленные» средства производства, которые никому не принадлежат, являются ничейной собственностью. Однако и ничейная собственность является результатом определенных экономических отношений между самими производителями.

Может быть, авторы имеют в виду рабочего, способного привести в движение средства производства, а не производителя, приводящего в движение средства производства? Возможно, так. Но между потенциальными производителями существуют возможные отношения, а не действительные. Следовательно, сама ассоциация потенциальных производителей есть не действительное соединение, а лишь возможное. Точно так же обобществление средств производства вне производителей является лишь возможным состоянием, а не действительным. Но раз ассоциация производителей и обобществление средств производства выступают как возможные состояния, то их соединение даст одно из возможных состояний, которое будет не обязательно социалистическим.

Авторы для укрепления своих позиций ссылаются на К.Маркса:

«Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но находясь в состоянии отделения друг от друга, и те, и другие являются факторами лишь в возможности... Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, отличает различные экономические эпохи общественного строя» (т.24, с.43-44).

Заметим, что на эту цитату из «Капитала» часто ссылаются и сторонники концепции, согласно которой собственность на средства производства составляет основное производственное отношение. Однако это предложение Маркса указывает только на то, что задача политической экономии социализма заключается в том, чтобы отыскать этот особый характер и способ соединения при социализме. Авторы [3] выдают и за характер, и за способ плановость, а авторы [1], [2], [4] — общественную собственность на средства производства. Основное отношение разыскивается не между определенными факторами — непосредственными производителями, а между неопределенной ассоциацией производителей и неопределенным обобществлением средств производства.

Из марксизма нам известно, что производственные отношения есть условие соединения средств производства и рабочей силы, представляют собой фактор развития средств производства и самих рабочих. С другой стороны, производительные силы, их изменение составляют условие для развития экономических отношений. Технический уровень развития производительных сил заставляет производителей вступать в определенные прямые связи и отношения, без которых производства не существует и которые не зависят от господствующей формы присвоения средств производства и продуктов труда. От формы присвоения зависит характер и темпы воспроизводства. Изменение технических связей в средствах производства обуславливает изменение производственных отношений между лицами. В свою очередь, производственные отношения и связи между лицами составляют условие взаимодействия разрозненных средств производства. Технические элементы производства сами

по себе не увязываются и не могут быть объединены раз и навсегда в единую систему автоматически функционирующую. Искать тайну общественного производства путем абстракции от производительных сил — это все равно, что пытаться понять функцию

$$F = f_1(t, f_2) \times f_2(t, f_1)$$

путем абстрагирования, скажем, от $f_2(t, f_1)$. Как только мы отвлекаемся от f_2 , так мы отвлекаемся от характера развития f_1 , от области ее определения, а, следовательно, исключаем возможность достижения поставленной цели. Точно так же нельзя понять производства, развитие производительных сил, если отвлекаться от производственных отношений (например, от функции f_1). В данном случае абстракция как научный метод допустима. Например, желая понять изменение функции F в зависимости от изменения отдельных ее составных частей f_1 или f_2 , мы отвлекаемся от одной из них не для того, чтобы забыть ее навсегда, а для того, чтобы изучить влияние составных частей на изменение целого. Так получается при определении дифференциала

$$dF = \frac{\partial F}{\partial f_1} df_1 + \frac{\partial F}{\partial f_2} df_2$$

Здесь слагаемые получаются путем поочередного «отвлечения» от f_1 и f_2 соответственно.

Но

$$df_1 = \frac{\partial f_1}{\partial t} dt + \frac{\partial f_1}{\partial f_2} df_2$$

$$df_2 = \frac{\partial f_2}{\partial t} dt + \frac{\partial f_2}{\partial f_1} df_1$$

В результате общий дифференциал имеет вид:

$$dF = \frac{\partial F}{\partial f_1} \frac{\partial f_1}{\partial t} dt + \frac{\partial F}{\partial f_1} \frac{\partial f_1}{\partial f_2} df_2 + \frac{\partial F}{\partial f_2} \frac{\partial f_2}{\partial t} dt + \frac{\partial F}{\partial f_2} \frac{\partial f_2}{\partial f_1} df_1$$

Отвлечение от одного из факторов: f_1 или f_2 — равнозначно игнорированию трех из четырех членов дифференциала. Если изучать производственные отношения и производительные силы врозь и на основе этого изучения делать определенные выводы относительно общественного производства, то упустим два из четырех слагаемых, указывающих на взаимодействие производительных сил и производственных отношений.

Рассматривать политическую экономию социализма как науку о производственных отношениях — это значит, рассматривать производительные силы как условие образования производственных отношений. Исключить производительные силы из предмета политической экономии — это значит фактически исключить ее фундамент, уничтожить политическую экономию социализма в качестве действенной науки. Для буржуазной политической экономии такое взаимное исключение обусловлено ее собственным бытием — разделением труда, что делает данную науку сравнительно произвольной, ненаучной, «способной» обосновать любую глупость, выдать истину за ложь, и, наоборот, ложь за истину.

Политическая экономия социализма есть, прежде всего, наука о познании тех производственных отношений, водворение которых позволяет преодолеть разделение труда. Поскольку этих отношений нет реально, постольку они должны быть выведены. Но откуда? Из характера развития производительных сил. Именно поэтому политическая экономия социализма без самого большого ущерба для себя не может исключить производительные силы из своего предмета. Это все равно, что изучать функции без анализа области, на которой они определены. Но такой подход, кроме упомянутого недостатка — произвольного обращения с предметом, с понятием экономического отношения, имеет тот недостаток, что при исключении производительных сил из предмета не могут быть рассмотрены все производственные отношения, т.е. вместе с производительными силами обязательно будет исключена часть производственных отношений из рассмотрения. Производительные силы и производственные отношения функционируют в единстве, взаимообуславливая и взаимоисключая друг друга. Между этими факторами производства нет расстояния, точнее оно равно нулю. Каждый из факторов является начальной границей для другого. Исключая граничную точку, нельзя не исключить вместе с ней определенную окрестность точек. Возникает разрыв между пониманием развития производительных сил и пониманием развития производственных отношений. Специалисты по политической экономии зачастую обнаруживают этот разрыв в той или иной форме в связи с тем или иным вопросом. Например, в последнее время все чаще говорят о существовании разрыва между политической экономией социализма и практикой, делают упор на необходимость усиления практической функции политической

экономии. Но при этом, как это ни странно, упускается из виду, что политическая экономия есть, прежде всего, наука о преодолении разделения между умственным и физическим трудом. В той степени, в какой политическая экономия оторвана от практики, ровно в той степени нет социализма в действительности. А в той степени, в какой действительность признается социалистической, нет политической экономии. Устранить разрыв между политической экономией и практикой, т.е. придать первой практическую функцию, а второй теоретическую — это значит, прежде всего, разработать политическую экономию социализма, водворить ее достижения в практику, реально строить социализм, его экономический фундамент.

Болезнь (теоретическая), которой страдает политическая экономия социализма сегодня, распространена в самых различных специальностях. Каждая сторона специальности имеет смежные области, соответствующие с ними границы. Каждая специальность, замыкаясь в самой себе, исключает свои границы путем фиксации определенных параметров, предполагая их неизменяемыми. Но поскольку все стороны исключают границы, то получается, что ряд точек у объекта как бы зафиксирован. Хотя при этом создается впечатление, что объект путем разделения может быть полностью исследован, что все точки (состояние параметров) рассматриваются. Рассматриваться — рассматриваются, но врозь! Выше рассматривали технические и экономические отношения в единстве, соответствующий им математический аналог, видели, что исключение производительных сил из предмета политической экономии обязательно ведет к исключению части собственного предмета, к произволу, неопределенности. А теперь рассмотрим пример чисто технического характера. Пусть анализом и синтезом достаточно сложного технического объекта занимаются самые разнообразные специалисты. Данный объект как таковой характеризуется техническими (физическими, химическими, ...) связями и отношениями. Сколько бы мы ни разглядывали его, не обнаружим в нем никаких общественных связей и отношений. И, тем не менее, развитие объекта определяется не только законами техники, но и общественными. Если мы станем на позиции ряда политэкономов, т.е. на позиции разделения, то мы будем вынуждены рассматривать технические вопросы так же порознь, с различных сторон. Кстати, политическая экономия, став на позиции исключения производительных сил из предмета политической экономии, уже не в состоянии системно излагать свои достижения.

Предположим, что состояние данного объекта характеризуется определенным количеством различных параметров N . Анализом данного объекта занимаются несколько специальностей, например, n . Каждая из специальностей изучает объект путем слежения за его поведением в зависимости от изменения некоторого числа параметров. Предположим наилучшее, все N параметров достаточно равномерно охвачены специалистами. $\sum K_i = N$, где K_i — число параметров объекта, за которыми следят специалисты i -го направления. Специализация характеризуется тем, что за поведением объекта следят в зависимости от изменения определенного количества параметров. Другие параметры полагаются неизменными. Такой подход позволяет понять объект как таковой всесторонне и достаточно быстро. Но главная цель познания состоит не только в том, чтобы познать объект как таковой, а в том, чтобы изменить его в нужном нам направлении. Конечно, вторая функция невозможна без первой. Для того, чтобы преобразовать объект, надо изменить его параметры. Предположим, что каждый параметр объекта имеет минимальное разнообразие, т.е. принимает два значения. Тогда каждая специальность в принципе в состоянии исследовать объект в 2^{K_i} случаях. Совокупность всех состояний объекта, которые могут быть исследованы всеми направлениями, равна $\sum_{i=1}^n 2^{K_i}$. А совокупность всех возможных

состояний объекта при этом определяется числом 2^N . Так как $2^N \gg \sum_{i=1}^n 2^{K_i}$, то нахождение наилучшего состояния объекта при разделении труда нельзя гарантировать.

Негативные стороны разделения труда проявляются не в процессе познания (анализа) данного объекта. Напротив, при этом проявляются его преимущества. Недостатки разделения труда проявляются при синтезе, при создании нового объекта на основе старого, при совершенствовании объекта. При этом совершенствование объекта с точки зрения одной специальности может привести на самом деле к ухудшению объекта в целом. Нечто аналогичное имеет место в медицине. Медики знают, что организм, различные болезни можно изучать по частям, но лечить организм надо совместными усилиями, иначе лечение от одной болезни может оказаться причиной возникновения других болезней.

Именно при синтезе, преобразовании объектов, лечении организма (в условиях разделения труда) возникают наибольшие сложности. В процессе познания действительности наши знания, стремления в этом направлении могут только совершенствоваться и способствовать совершенствованию самого

человека. А в процессе изменения окружающей среды наши знания, действия могут действовать в любом направлении, вплоть до гибели самого человечества.

Граница двух областей знаний принадлежит обеим областям. Разделение труда в науке, фиксируя намертво определенную часть объекта, существенно ограничивает применение диалектики как научного метода. Преодоление разделения труда вовсе не означает, что каждый занимается в каждый момент всем.

Нет. Это означает, что каждый в состоянии перейти, в случае необходимости, в смежную область для лучшего понимания своей собственной области. Речь идет, конечно, не о праве перехода, хотя это само по себе имеет немаловажное значение. Речь идет, прежде всего, об экономической необходимости (которая есть) и заинтересованности (которой пока нет), но рождение которой связано со строительством экономического фундамента социализма. Политическая экономия, исключая производительные силы из своего предмета, не использует и не может использовать закон соответствия производственных отношений производительным силам. А без этого закона диалектический материализм применительно к обществу есть пустой звук. То есть политическая экономия, исключив производительные силы из своего предмета, не может не исключить диалектический материализм в качестве научного метода. Но и естественные науки, которые, разумеется, исключают из рассмотрения общественные экономические отношения, не применяют данный закон соответствия. Возникает вопрос: «Какой научный раздел включает закон соответствия (производственных отношений производительным силам; идеологических, правовых отношений — экономическим...)?» Научный коммунизм «в более узком смысле», как мы видели, не применяет данный закон, так как исключил экономические отношения из своего предмета. Политическая экономия «в более узком смысле» так же не включает открытый Марксом закон в свой предмет, так как она исключает производительные силы. Может быть, исторический материализм включает данный закон? Возможно. Но в таком случае развитие марксизма ограничивается лишь этим предметом. А другие составные части, занимаясь сужением своего предмета, отрываются от марксизма, методологическая сущность которого есть преодоление разделения труда.

Для лучшего усвоения того, как экономисты понимают экономическое отношение, что они за него выдают, как его определяют, целесообразно обратиться к некоторым характерным высказываниям вокруг товара. Учение о товаре, как известно, чрезвычайно важно для понимания капиталистического общества, закона прибавочной стоимости, разложения первобытнообщинного строя и возникновения рабства. Особая важность учения о товаре состоит в том, что, не усвоив его, как следует, невозможно строить социализм. Вот несколько характерных высказываний:

1. Товар — исходное, простейшее экономическое отношение капитализма ([3], т.1, с.16).
2. При товарном производстве труд становится непосредственно общественным не в своей конкретной форме, а как абстрактный общественный труд ([3], т.1, с.25).
3. «Отношения между производителями устанавливаются после производства и обязательно через продукт» ([3], т.1, с.24).
4. Товар не представляет собой антагонистическое противоречие:
 - 4.1. «Противоречие между частным и общественным трудом в простом товарном производстве... не носит антагонистического характера. Форма присвоения товарного производства соответствует форма его производства» ([3], т.1, с.26).
 - 4.2. «Товарное отношение вообще, т.е. взятое в самом общем виде, непосредственно не включает в себе антагонистического противоречия. Но антагонизмы возникают обязательно на базе стихийного развития товарного производства... Планомерное развитие социалистического производства приводит, в конечном счете, к полной ликвидации товарных отношений. Планомерная организация социалистического производства и товарное производство — противоположности. Однако следует различать противоположности, которые не умещаются в рамках единой системы производственных отношений (такова противоположность социализма и капитализма) и противоположности, которые не разрушают единства системы производственных отношений (такова противоположность социалистического планомерного производства и товарного производства)» ([3], т.2, с.271).
5. «Социализм выступает не как антипод товарного производства вообще, а как антипод капитализма» ([3], т.2, с.273).
6. «При социализме роль и место товарных отношений определяется не их собственной природой, а природой социалистических отношений» ([3], т.2, с.27); (см. так же [2], с.161; [1], с.451).
7. «Оправдалось предвидение Маркса, Энгельса и Ленина о ликвидации товарного производства как системы» ([3], т.2, с.272).

8. «Почему не осуществилось предвидение Маркса и Энгельса о том, что общественная собственность будет означать уничтожение товарного производства?» ([4], с.88).
9. «Социалистическое производство не знает противоречий между частным и общественным трудом. Социалистический труд имеет непосредственно общественный характер» ([1], с.451).

Эти характерные высказывания позволяют уточнить круг отношений, включаемых рядом политэкономов в свой предмет, составить более ясное представление о том, что же, в конце концов, экономисты понимают под экономическим отношением, что для них служит мерилom (единицей измерения) экономических отношений, средством различия их. Из первого их высказывания следует, в частности, тождество исходного отношения и элементарной экономической клеточки общественно-экономической формации. По Марксу товар составляет элементарную экономическую клеточку буржуазного общества (капитализма). Следовательно, можно допустить, что они (цитируемые экономисты и ряд других) под исходным отношением и элементарной клеточкой подразумевают одно и то же. Заметим далее, что авторы [3], по-видимому, отождествляют исходное экономическое отношение формации с простейшим экономическим отношением вообще. Из пояснений авторов [3] следует, что

«без исходного отношения не может существовать основное отношение и не может развиваться ни одно из производных производственных отношений» ([3], т.1, с.14).

Из этого следует, что исходное отношение есть одновременно и простейшее для данной системы экономической формации. Это еще не доказывает ни то, что исходное отношение данной формации является одновременно простейшим экономическим отношением вообще, ни то, что авторы отождествляют их. Однако последующие два высказывания (пункты 2) и 3)) вполне достаточно убеждают, что, по мнению авторов [3] и многих других, исходное отношение капитализма одновременно есть и простейшее экономическое отношение вообще. Действительно, авторы [3] утверждают, что

«отношения между производителями устанавливаются после производства».

Выходит, что, по мнению авторов, в момент производства производители не вступают в производственные отношения. Этот вывод авторов значительно уточняет их понятие, дополняет ранее сделанные формулировки относительно изолированных крестьян и технических отношений между рабочими. Итак, те отношения, в которые товаропроизводители вступают в момент производства, не входят в круг экономических отношений. Отношение возникает, по мнению авторов, после производства, то есть в момент обмена. Но это и есть отношение, называемое товаром. Итак, получается, что всякое экономическое отношение в буржуазном обществе, которое не является производным от товара, не составляет, по мнению авторов, экономическое отношение. Это доказывает справедливость сделанного предположения относительно отождествления некоторыми авторами исходного отношения буржуазного общества с простейшим экономическим отношением вообще. Но, как известно, простейшее отношение составляет основу понимания различий в системе. Чем «мельче» простейшее отношение, тем больше разнообразий мы можем открыть с его помощью, тем более удачно дать определение экономическому отношению. Если простейшее отношение представляется качественно в единственном числе, то определение экономического отношения тождественно ему. Если имеются различные по качеству простейшие отношения, то определение экономического отношения должно схватить то общее, что в них есть. Речь идет в данном случае о простейшем экономическом отношении вообще, а о не простейшем (элементарной «клеточке») отношении определенной формации. Отождествление элементарной экономической клеточки буржуазного общества с простейшим экономическим отношением делает затруднительным в методологическом отношении, практически невозможным выход (теоретический) за рамки буржуазных экономических отношений. В этом случае вся совокупность экономических отношений вообще сводится к буржуазным, ко всевозможным их сочетаниям. Конечно, в таком случае социализм нельзя понять конкретно, как бы в обратном ни уверяли авторы, ни писали прекрасных слов о планомерности, общественной собственности, об отношениях взаимопомощи и сотрудничества, о настоящем коллективизме, так как все это будет, в конечном счете, рассматриваться через призму буржуазных отношений. Экономисты не осознают, почему государственная форма управления есть низшая форма и почему только она допустима при господстве товарных отношений. Товарные отношения неизбежно рожают государственную форму управления обществом. Государственная форма не может существовать без товарных отношений. Государство — это сложный товар. Экономисты, которые отождествляют исходное отношение буржуазного общества с простейшим экономическим отношением (для них понятие экономического отношения совпадает с товаром), а в силу этого, самое лучшее, за что они могут выдать социализм — это государственная собственность на средства производства, государственный план. В том, что многие экономисты понятие (определение) экономического отношения отождествляют с содержанием товара можно дополнительно

убедиться, обратившись к трактовке соответствующего места интересной статьи: «Плановые задания по объему реализации, чистой продукции или товарной продукции, могут выступать как административные или как экономические задания». И далее поясняют, что такое «административное», а что — «экономическое».

«Первое, — продолжают авторы, — имеет место тогда, когда нет взаимной материальной ответственности министерства, дающего задание, и предприятия, его получающего. В этом случае ответственность односторонняя... Что касается второго, то оно реализуется тогда, когда плановое задание выступает как плановый заказ покупателя поставщику, то есть, когда стороны связывает обоюдная материальная ответственность изготовить и поставить — принять и оплатить продукцию определенного объема, ассортимента по государственной цене и в обусловленные сроки.» (Н.Федоренко, В.Перламутров, Н.Петраков. «Взаимосвязь натуральных и стоимостных показателей в хозяйственном механизме», Коммунист, 1980 г., № 12, с.43).

Здесь, если отвлечься от требований «определенного объема, ассортимента по государственной цене и в обусловленные сроки», продиктованных логикой развития современных производительных сил, сформулировано содержание товара.

Итак, ряд экономистов под экономическим отношением подразумевают практически тот достаточно сложный клубок взаимоотношений, который одновременно составляет элементарную экономическую клеточку буржуазного общества и называется товаром. В товаре при реализации обнаруживается взаимовзаимная ответственность двух сторон, но так, что ответственность одной стороны количественно определяет право другой стороны. И, наоборот, право одной стороны количественно определяется величиной ответственности другой стороны. При этом исключаются все неравные отношения, нулевые права и нулевые ответственности, включая нулевую взаимовзаимную ответственность, что, например, имеет место у крестьянина, занимающегося хозяйством в полной изоляции.

Как бы отреагировали математики на предложение об исключении нуля из математики? Экономисты до такого уровня понимания нуля еще не поднялись.

Экономисты, отождествляющие понятие экономического отношения с товаром, лишают политическую экономию твердого научного фундамента, возможности стать величайшим рычагом преобразований общества, построения социализма, решения ленинской задачи о материальном стимулировании вне капиталистических отношений. Прежде всего, эти экономисты не знают и не желают знать, что такое товар от начала его возникновения до начала его реализации. Эти экономисты формально не отказываются от принципа историзма, но по существу его не признают. Так как товаропроизводители в момент производства не вступают, по мнению экономистов, в отношения, то, следовательно, нет никакой истории. Отношение устанавливается мгновенно. И столь же мгновенно оно исчезает. История как бы состоит из случайных связей. Что бы мы сказали о нашей медицине, которая отказалась бы изучать состояние женщины в период беременности, изучать условия развития плода в утробе матери на том основании, что плод в утробе матери — это еще не человек по определению?

Результатом исключения принципа историзма, как метода познания, является четвертый вывод экономистов о том, что товар не представляет собой антагонистическое противоречие. Чтобы понять противоречие, каково оно, надо проследить за его развитием во времени. В действительности товар от момента развития (когда производители, по мнению экономистов, еще не вступают в отношения) до момента реализации представляет собой клубок непримиримых (антагонистических) противоречий. В данном случае речь идет о простом товарном производстве, когда эксплуатацией еще не пахнет. Из четвертого вывода авторов логически следует пятый о том, что социализм не выступает как антипод товарного производства, пятый вывод вообще составляет кульминационную точку воззрений авторов. Этот вывод принципиально не нов. Прудон и Дюринг страдали той же болезнью — невозможностью понять социализм вне товарных отношений. По мнению авторов, получается, что социализм отрицает капитализм (выступает «как антипод капитализма»), но не основу капитализма — товар. Но если социализм мирится с основой капитализма, то почему, согласно цитируемым авторам, капитализм не может примириться с основой социализма, то есть с планомерностью или общественной собственностью?

Выводы 7) и 8) доказывают, насколько поверхностно и узко авторы анализируют реальные отношения и произведения Маркса, Энгельса и Ленина. Одни экономисты уверяют, что предвидения Маркса, Энгельса и Ленина оправдались, а другие утверждают обратное. В действительности обе стороны глубоко заблуждаются. Первые потому, что товарные отношения реально функционируют, а вторые потому, что их предпосылка о существовании общественной собственности ложна.

Вывод 9) подчеркивает всю наивность (методологическую) ряда экономистов, для которых социализм есть нечто такое, в котором нет противоречий, а между антагонизмом и противоречием по

существу ставится знак равенства (точнее, знак тождества). В последнее время экономисты все чаще стали поговаривать о противоречиях при социализме, о диалектическом их характере, о том, что противоречие не уничтожается, а разрешается, воспроизводясь, каждый раз вновь и вновь. И так далее. Ну а «воз и ныне там».

Для того, чтобы вытащить воз, необходимо глубже разобраться в буржуазном обществе, в его основе — товаре, разложить его так, чтобы выделить именно те экономические отношения, которые в отдельности не составляют особенности буржуазного общества, но без которых оно не существует и без анализа которых нельзя понять конструктивное отрицание товара (строительства экономического фундамента социализма), разработать теорию антикапитала.

По Марксу товар есть единство двух отношений: потребительной стоимости и стоимости. Каждое из этих отношений в отдельности (а такое представление для многих экономистов является камнем преткновения) не составляет какую-либо особенность буржуазного общества. Специалисты по политической экономии не могут не знать о том, что писал Маркс о единстве потребительной стоимости и стоимости. Но специалисты объявляют потребительную стоимость вне политэкономии. Тем самым специалисты полагают, что товар как общественное отношение тождествен стоимости. Целое отождествляют с составной частью, часть возносят до целого. И, тем не менее, многие ведущие экономисты признают следующие два условия существования товара:

«Первое — разделение труда и второе — определенные формы обособления производителей ... , производящих потребительные стоимости не для себя» ([2], с.159).

Нетрудно догадаться, что разделение труда предполагает или, точнее, равнозначно всеобщей зависимости производителей, каждый из которых держит в руках условия производства других. Эта всеобщая зависимость и обусловлена целесообразной деятельностью производителей по преобразованию материальных факторов, т.е. по производству предметов потребления. Такая всеобщая зависимость и соответствующие производственные отношения, называемые в марксистской литературе потребительной стоимостью, определяют непосредственную общественную природу частного труда каждого производителя. Вторая сторона — обособленность производителей, то есть безразличие производителей друг по отношению к другу. Каждому безразлично, как и каким образом, с какими затратами достигает другой производитель заданные результаты. Зависимость от заданных результатов, от качества потребляемых продуктов и независимость от их формы становления, производства. Отношение безразличия и есть по существу стоимость как общественное отношение лиц. Производители потребляют и производят, преобразуют не только материальные объекты, обладающие самыми различными физическими, химическими, геометрическими и другими свойствами, но и время, обладающее свойствами протяженности, следовательно, свойствами сжимаемости (растяжимости). Ни одно материальное или духовное благо не может быть произведено без затрат времени. Каждое производимое благо обуславливает необходимость потребления других видов благ. Но не обязательно всех. Но зато каждое производимое благо сопровождается потреблением рабочего времени, а следовательно, и производством рабочего времени. Время производства составляет необходимый фактор всякого производства, всех производимых благ независимо от условий производства. Стоимость — это отношение лиц по производству и затратам (потреблению) рабочего времени. Потребительная стоимость — это отношение лиц по производству и затратам (потреблению) всевозможных материальных и духовных благ, обладающих практически бесконечным количеством потребительных свойств. Каждый продукт производится определенным целесообразным видом деятельности. Но ни один продукт труда не производится без затрат времени. Один из продуктов труда — рабочее время — является обязательной предпосылкой и результатом всякого труда. Труд, как подчеркивал Маркс, представляет собой двойственную природу: конкретный и абстрактный труд. Полезность конкретного труда определяется (измеряется) эффектом от преобразования материальных объектов, потребительных стоимостей. Полезность абстрактного труда измеряется преобразованием (сокращением) рабочего времени, необходимого для производства конкретных потребительных стоимостей. Двойственный характер труда не зависит от общественных форм, т.е. он не обусловлен, как это принято трактовать его, товарными отношениями. Трактовка двойственности труда, как свойства товарного производства, лишает ее конструктивной (методологической) роли, обесценивает открытие Маркса для решения проблем социализма. Общественные отношения (общество) характеризуются теми фундаментальными, одновременно простейшими отношениями, в которые люди вступают по производству материальных объектов и времени, и которые в единстве представляют экономическую клеточку общества. Они в единстве определяют характер обмена, распределения, управления общественными делами.

Товарное производство характеризуется тем, что эти фундаментальные экономические отношения в течение производства не «соприкасаются», не представляют нечто целое. Но зато в момент обмена,

распределения, т.е. в момент установления связи между двумя производственными актами (между производством и воспроизводством) эти фундаментальные отношения настолько «сближаются», соединяются, что обнаружить их в отдельности не представляется возможным.

Авторы [3], пытаясь провести резкую границу между товарным производством и социализмом, подчеркивают, что в товарном производстве производители вступают в отношения после производства, а при социализме — до производства. Это, может быть, выглядит эффектно, но, к сожалению, такое противопоставление социализма товару указывает лишь на наивность взглядов некоторых экономистов. В действительности люди вступают в отношения (не могут не вступать) до производства, в течение производства, после производства как при товарном производстве, так и при социализме. Задача политической экономии заключается как раз в нахождении (обнаружении, открытии) этих отношений заблаговременно, то есть до производства реального социализма. Конечно, отдельные люди между собой случайно или сознательно могут вступить в социалистические (коммунистические) отношения. Но вступление большого количества лиц в социалистические отношения невозможно без предварительной разработки теории этих отношений, т.е. нельзя войти в социализм стихийно.

Трудности политической экономии во многом определяются сложностями образования товарного тела. Действительно, если товар — единство двух противоположных по качеству отношений, которые некоторые экономисты в момент производства не могут установить, а после производства не могут расчленить, то как это единство после производства обнаруживается и как вообще разнокачественные отношения сближаются? Потребительная стоимость непрерывно диктует необходимость установления непосредственной связи между производителями, а стоимость, напротив, отрицает такую необходимость. На чём эти два отношения сходятся, как производителям обменяться продуктами труда? Каждый продукт труда производится определенным, конкретным видом труда. Но ни один продукт не производится без труда вообще. Всякий труд имеет конкретную и абстрактную природу. Конкретный труд производит потребительные стоимости и индивидуально-частные затраты времени. Абстрактный труд, в силу его общественности для конкретных видов труда, представляет основу для общественно-необходимых затрат. Абстрактный труд представляет возможность для соизмерения труда частных лиц. Но абстрактный труд не является единственным фактором, обуславливающим общественный характер труда. Более того, абстрактный труд вообще не обуславливает, не диктует общественный характер труда. Абстрактный труд представляет лишь возможность для реализации общественного характера. Общественный характер труда кроется в потребительных стоимостях, в конкретном труде. Ф.Энгельс, указав, что вся мелкобуржуазная ограниченность мировоззрения Дюринга связана с непониманием сущности товара, разъясняет, что общественный характер продуктов частных производителей заключается, во-первых, в потребительной стоимости и, во-вторых, что эти продукты суть продукты «общечеловеческого труда». Причем, первое свойство является причиной движения продуктов труда, а второе — условием их сравнимости (Анти-Дюринг, с.311). Ряд экономистов упускает из виду явное логическое противоречие, содержащееся в рассуждениях. Действительно, если абстрактный труд, как они полагают, единственный выразитель общественного характера труда, и если между ним и стоимостью, по их мнению, существует прямая связь, то в соответствии с чем уничтожается выразитель, к тому же единственный, общественного характера труда? Если экономисты, так или иначе, признают необходимость отрицания стоимости, то они признают так же и необходимость отрицания абстрактного труда — выразителя общественного характера труда. В действительности, общественный характер труда обуславливает необходимость отрицания стоимости. Как из этой путаницы выходят экономисты? В чем они обнаруживают общественный характер труда? Как он при отсутствии стоимости, а следовательно, по их мнению, при отсутствии абстрактного труда, выражается? Ответ удивительно прост! Непосредственно общественным образом. С помощью такой фразы экономисты обходят основные трудности политической экономии. Термин «непосредственно общественный» введен К.Марксом как отношение, которое никак не сочетается с товаром, как полное отрицание товара. Но так как экономисты содержание экономического отношения отождествляют с товаром, то, конечно, и термин Маркса не в состоянии толковать вне товара.

Раз определение экономического отношения совпадает с содержанием товара, то, само собой разумеется, товар в рамках данного определения не может представлять антагонистическое отношение, так как в противном случае определение экономического отношения было бы логически противоречивым. С помощью определения экономического отношения, которое тождественно товару, нельзя понять, разъяснить ни сущность товара, ни то, что он в зародыше представляет антагонизм. А если товар все-таки признать антагонистическим отношением, то исходя из такого определения экономического отношения нельзя понять, что такое неантагонистическое отношение, следовательно, нельзя представить себе конкретно переход от капитализма к социализму, от товарной системы

производства к нетоварной. В самом деле, по определению экономического отношения, которое тождественно товару, нельзя выйти за рамки товара, капиталистических отношений. На основании данного определения экономического отношения и необходимости отрицания товарно-денежных отношений при социализме легко можно прийти к отрицанию необходимости политической экономии при социализме, так как уничтожение товарных отношений равнозначно уничтожению экономических отношений вообще. Такую точку зрения разделял, например, Бухарин. В книге Минца приводится соответствующая цитата Н.Бухарина:

«Теоретическая политэкономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве товаров, т.е. наука о неорганизованном социальном хозяйстве ... В самом деле, лишь только мы возьмем организованное общественное хозяйство, как исчезают все основные «проблемы» политической экономии ... Таким образом, конец капиталистически-товарного общества (?) будет концом политической экономии».

Некоторые экономисты уверяют, будто эта точка зрения устарела, преодолена ([4], с.29; [3], т.1, с.22). Но это далеко не так. Да, теперь никто не говорит об отсутствии производственных отношений при социализме, о ненужности политической экономии при социализме, никто не повторяет догму, что социализм не может быть предметом политической экономии. Однако это вовсе не означает, что теоретическое заблуждение, которое служит основанием для данного вывода (догмы) понято и преодолено. От ошибочного вывода Бухарина многие экономисты отошли в основном на словах. Заблуждение же осталось. И оно породило новые ошибочные выводы. Шаг вперед сопровождался и продолжает сопровождаться шагами назад. Заблуждение заключается в отождествлении определения экономического отношения вообще с содержанием товара. Шаг вперед состоит в отказе от догмы Бухарина, что социализм не есть предмет политической экономии. Первый шаг назад по отношению к Бухарину заключается в выводе, что социализм не может обойтись без товарно-денежных отношений. Многие экономисты не могут представить хозяйственный расчет вне товарно-денежных отношений. Нетрудно догадаться, что теоретическая значимость догмы Бухарина и догмы «товарников» примерно одна и та же. Обе догмы, несмотря на внешнее кардинальное различие этих догм, имеют одну методологическую основу и ведут к отказу от решения основной (Великой) задачи социализма. Второй шаг назад по отношению к Бухарину заключается в догме, согласно которой социализм (не строительство социализма, а построенный полностью социализм) не может обойтись без государства. Собственно данная догма является следствием догмы «товарников». Товарные отношения с необходимостью рожают государственную форму управления общественными делами. А так как отношения, неукладывающиеся в рамки определения экономического отношения «товарников», находятся вне внимания экономистов, то они не в состоянии понять ни то, почему государство возникло и непрерывно воспроизводится, ни то, почему уничтожение государства есть необходимое условие перехода к социализму. Короче, «товарники» и присоединившиеся к ним экономисты не осознают необходимость уничтожения государства потому, что они не знают необходимость его возникновения, не понимают и не могут понять, что такое государство с точки зрения политической экономии, с позиций производственных отношений. Государство находится вне политической экономии «товарников».

Некоторые экономисты потратили немало усилий на то, чтобы отмежеваться от концепции «товарников». К ним можно отнести авторов курса [3]. Для товарного производства, как подчеркивают авторы,

«ключевое значение имеет обособленность производителей в условиях общественного разделения труда, ибо из этой основы ... развиваются и такие признаки товарного производства, как противоречие между частным и общественным трудом, конкуренция, анархия, стихийность, диспропорции развития и т.д.» ([3], т.1, с.136).

Авторы сделали упор на обособленность, но не выделили ее как самостоятельное отношение.

«...обособленность производителей в условиях общественного разделения труда ...»

— вот что выделили авторы. Роль обособленности отдельно не рассматривается как особый отличительный признак товара. Авторы не расчлняют противоположности товара: обособленность и общественное разделение труда — всеобщую зависимость производителей, не исследуют эти стороны в отдельности, более того, не признают их порознь экономическими отношениями. Авторы [3], пытаясь понять характерные стороны товара, выделить их от возможных товарных отношений, делают упор на одну из сторон товара — на обособленность, принижая роль второй стороны — общественного разделения труда, т.е. зависимости производителей друг от друга. Этот подход авторов сказался на характере изложения развития товарных отношений: одни стороны рисуются выпукло, другие либо затеняются, либо вовсе исключаются. Авторы, провозглашая диалектический материализм основным

методом политической экономии, почему-то иногда уходят от его применения. В самом деле, если изменить вывод авторов относительно товара эквивалентным образом: «общественное разделение труда в условиях обособленности», то получим несколько другие следствия: противоречие между общественным и частным трудом, конкуренция, плановость, сознательность, пропорциональность развития и т.д. Так как эти формулы действительно эквивалентны, то надо писать соответствующим образом: товар — это единство обособленности (безразличия) и общественного разделения труда (всеобщей зависимости). Следствием развития товарных отношений являются также такие противоречия как противоречия между частным и общественным трудом, между анархией и плановостью, стихийностью и сознательностью, пропорциональностью и диспропорциональностью, между товаром и государством. Так как обособленность вне общественного разделения труда, по мнению авторов, не является экономическим отношением, то отрицание товара, то есть обособленность в условиях общественного разделения труда (всеобщей зависимости), не может быть ими понято вне отрицания одновременно общественного разделения труда (всеобщей зависимости). А уничтожение всеобщей зависимости (потребительной стоимости) возможно тогда и только тогда, когда современный уровень цивилизации будет уничтожен. И такая возможность уничтожения человеческого общества тоже содержится в зародышевой форме в товаре. Будет ли эта форма реализована или нет, зависит, в немалой степени, от того, как скоро наши экономисты осознают наше общественное бытие и как скоро будут сделаны определенные позитивные выводы по водворению экономического базиса социализма.

Но так как уничтожение всеобщей зависимости невозможно, пока существует современная цивилизация, пока она не погибла, то борьба авторов [3] и других «нетоварников» с «товарниками» оборачивается против самих себя, способствует утверждению ложного убеждения о необходимости сохранения товарно-денежных отношений при социализме, невозможности его построения. Марксистское положение о невозможности построения социализма на основе отношений товара некоторые экономисты поставили под сомнение, ничего не предложив взамен, кроме тех идей, которые известны со времени Прудона и Дюринга.

Что же касается самого вывода Бухарина, его разделяют многие специалисты, пишущие статьи и книги о социализме и коммунизме. Тезис Бухарина выдвигается не прямо по-большевистски, как это делал сам Бухарин, а косвенно, в завуалированном виде, и не относительно социализма, а относительно коммунизма. Ряд специалистов, пытаясь объяснить причину сохранения товара и его судьбу в будущем коммунистическом обществе, рассуждают примерно следующим образом: товарно-денежные отношения сохраняются в силу недостаточной развитости производительных сил (это самое «удачное», хотя и ошибочное утверждение), необходимости материального стимулирования, хозяйственного расчета. По мере развития производительных сил, накопления огромных богатств исчезает необходимость в материальном стимулировании, хозяйственном расчете, а следовательно, отомрут товарно-денежные отношения. Товарно-денежные отношения не будут преобразованы, а просто отомрут за ненадобностью, перестанут, следовательно, быть предметом политической экономии. А так как «товарники» и «государственники» знают лишь политическую экономию товара и государства, и так как другая политическая экономия для них не существует, то коммунизм, следовательно, перестает для них быть предметом политической экономии.

Авторы [3], как бы, испытывая недовольство тезисом

«социализм выступает не как антипод товарного производства»,

решили его «смягчить» другим тезисом:

«При социализме роль и место товарных отношений определяется не их собственной природой, а природой социалистических отношений».

Этим самым авторы признают, что товарные отношения имеют, во-первых, свою природу вообще, а во-вторых, не имеют они свою природу при социализме, т.е. социализм все-таки выступает как антипод товарных отношений. Эти объяснения по поводу роли товарно-денежных отношений можно было принять как отрицание предшествующего тезиса, если бы они были научно состоятельными. В самом деле, если нечто имеет место, то только благодаря своей природе. Роль нечто определяется его природой, сущностью. Если сущность нечто перестает определять нечто, то нечто переходит в ничто. Эти азбучные положения диалектического материализма экономисты игнорируют. Если товарные отношения существуют, то их роль не может не определяться их природой. В противном случае товарные отношения отсутствуют. Если придерживаться тезиса авторов [3], то придется признать, что роль курса [3] определяется не тем, что он содержит, а тем, кто его читает. Так можно легко впасть в субъективный идеализм. Безусловно, результат чтения, изучения курса [3] определяется как содержанием курса [3], так и тем, кто его читает. Но роль курса [3], как и конкретного читателя определяется тем, что и кто они есть, а не тем, с кем они взаимодействуют. С помощью такого тезиса ряд экономистов лишает товарное

производство собственного содержания. Так получается, что товарные отношения при рабстве имеют одну природу (рабскую), при феодализме товарные отношения подчиняются «указке» феодалов, при капитализме они имеют третью — капиталистическую природу, а при социализме — социалистическую или «особую» ([1], с.45). С помощью таких антинаучных тезисов некоторые экономисты стараются сгладить существование товарных отношений, проповедуя миротворческую политику по отношению к товару — основе всякого рабства, убеждают, вопреки действительности, что «использование» товарно-денежных отношений не может в наших условиях привести к расслоению общества, к обогащению одних лиц за счет других, к возникновению капиталистических элементов ([2], с.161).

Ряд авторов уходит от объяснения вопроса, как капитализм — антагонистическое отношение — возникает из товара, который, по их мнению, не «заключает антагонистических противоречий». Объяснения авторов [3] (т.2, с.271) крайне противоречивы, не соответствуют основному открытию Маркса о соответствии способа разрешения отношений их сущности. Авторы [3] полагают, что основная причина возникновения антагонистических отношений заключается не в исходном отношении капитализма, не в его элементарной клеточке, а в способе разрешения этой клеточки. Но ведь капитализм не только производится на основе товара, но и производит сам товар. Значит, капиталистическое общество обладает «чудесным» свойством: будучи само антагонистически противоречивым, рождается на основе неантагонистического отношения и рождает неантагонистическое отношение. Но если это возможно, а кроме того, товар и социализм, по мнению авторов совместимы, то почему капитализм не может заимствовать исходное отношение социализма и рождать социализм без всякой революции? Короче, почему социализм не есть капитализм, а капитализм не есть социализм? Почему элементарная клеточка капитализма может менять свою природу под действием социализма, а капитализм, являющийся сложным товаром, не может изменить свою природу при социализме, превратиться в «народный» капитализм? И почему эти рассуждения не могут быть положены в основу теории конвергенции капитализма и социализма? И почему наши экономисты объявляют открывателями теории конвергенции социализма и капитализма современных буржуазных теоретиков? Таковыми впервые выступили социалисты Прудон и Дюринг. Их линию затем продолжили наши «товарники» и «государственники».

И вообще, если по признанию самих экономистов, товар не заключает в себе антагонизма, а капитал — антагонистическое отношение, следовательно, антагонистическое отношение может возникать на основе неантагонистического отношения и воспроизводить его, то что остается от марксистско-ленинской теории социалистической революции? Ничего. Зачем революция, когда эволюционным путем можно перейти из антагонистических отношений в неантагонистические?

Некоторые экономисты, как было сказано выше, обеляя товарные отношения, упор делают на способ их разрешения. Так, авторы [3] пытаются убедить читателя в том, что

«антагонизмы возникают обязательно на базе стихийного развития товарного производства» (с.271). Если сознательно, планомерно использовать товарные отношения, то, якобы, все будет хорошо, не будет антагонизма. Антагонизм рождается как бы из-за способа развития, а не из-за сущности самих отношений. Этим самым экономисты ставят под сомнение базисную роль экономических отношений. Авторы не уточняют вопрос, о каком сознании идет речь, о сознании отдельных людей или об общественном сознании лиц. Первое применяется в любом обществе, не исключается товарным производством, а второе при товарно-денежных отношениях принципиально невозможно. Но видимо авторы, проникнутые духом государственности, под общественным сознанием понимают сознание государственных чиновников, поведение которых, по определению, должно обуславливать поведение (сознательность) подчиненных. Ряд авторов ставит под сомнение тот факт, что способ разрешения отношений всегда адекватен сущности самих отношений. Если же способ разрешения неадекватен сущности самих отношений, то либо данный способ разрешения погибает, либо данные отношения уничтожаются и заменяются новыми, адекватными способу разрешения. Поэтому можем сказать, что все дело заключается сегодня в способе разрешения отношения товара и государства. Речь идет о революционном способе разрешения со всеми его последствиями, в частности, по отношению к идеологии «товарников» и «государственников».

Нетрудно теперь догадаться, каково отношение экономистов, отождествляющих содержание экономического отношения с товаром, к основной задаче социализма. Данные экономисты, сколько бы они не уверяли себя и других в преданности делу коммунизма, задачу научного коммунизма не смогут решать до тех пор, пока они не прорвут мировоззренческую оболочку «товарников». Для того, чтобы экономисты приступили реально к решению основной задачи социализма, требуется, как минимум, уяснить, что такое

- 1) экономическое отношение вообще;

- 2) неантагонистическое отношение;
- 3) антагонистическое отношение

и все эти определения выразить средствами математики. Негативные стороны, обнаруживающиеся при исключении производительных сил из предмета политической экономии, проявляются так же при отказе экономистов проникнуть внутрь товара. В одном случае экономисты уклоняются от совместного рассмотрения производительных сил и производственных отношений, то есть от системного анализа, в результате чего не могут изучить ни роль каждой стороны в отдельности, ни их взаимовлияние, а в другом случае не находят нужным разложить товар на более простые отношения, вывести более мелкую «единицу измерения», рассмотреть взаимовлияние этих отношений и роль каждого из них в образовании товара, то есть опять пренебрегают системным анализом (диалектикой). Конечно, товар — элементарная клеточка буржуазного общества. Это значит, что составные части товара, взятые в отдельности, сами по себе не являются исключительно буржуазными отношениями. Эти составные части могут встречаться при любом другом строе, включая коммунизм. Но составные части товара, взятые в отдельности, представляют экономические отношения. Понять это крайне важно. Это дает возможность более полно определить экономическое отношение, с помощью которого можно «измерять» и сравнивать различные отношения.

Глава 9 Математика и экономика.

Выдающиеся умы разных эпох высоко ценили роль математики в поисках научной истины. Историческая практика показывает, что сфера приложения математических методов все более расширяется, проникает в самые различные области знания. В последние годы учёные всё чаще обращаются к средствам математики для анализа общественных проблем, в особенности, экономических. Написано немало книг и статей в защиту познавательных функций математических методов. Среди авторов известные советские учёные. И тем не менее, до сих пор встречаются взгляды, недооценивающие роль математики в развитии общественных наук, в частности, политической экономии. Большая масса экономистов «не испытывает» никаких неудобств от того, что не использует математический анализ в исследовании экономических процессов. Чем объяснить тот факт, что некоторые экономисты и философы зачастую недооценивают роль математики, пытаются доказать существование областей знаний, где приемлема математика, а где неприемлема? По существу такой вопрос ставит С.Капканизов в своей статье «Применение математики в политической экономии как инструмента реализации её практической функции» (Экономические науки, 1985 г., №1, с.13-16). По мнению автора, это объясняется следующими обстоятельствами:

- а) построенные нашими учёными экономические модели «в основном отражают лишь зависимости в производительных силах», не затрагивают экономические зависимости. Используется недопустимая абстракция, обособленное рассмотрение производительных сил и производственных отношений;
- б) допускается скептическое отношение со стороны «представителей политической экономии к познавательным возможностям математики». В настоящее время «представители экономической теории не владеют достаточными знаниями для применения исследовательского потенциала математики». В связи с чем, редко встречается научная критика существующих экономических моделей, теории оптимального функционирования экономики, которая бы способствовала выявлению «конкретных путей повышения степени адекватности данных моделей объективной действительности».

Но чем объяснить эти негативные стороны? Ограниченность возможностей математики применительно к исследованию экономических проблем, связанную с недостаточной развитостью математических дисциплин в соответствующем направлении, может быть, не надо объяснять, а рассматривать её как естественный факт. А вот вопрос, почему эта неизбежная ограниченность отождествляется с принципиальными возможностями математики, заслуживает особого внимания. В конечном счёте, в основе негативного отношения к математическим методам лежит недопонимание диалектического единства между качеством и количеством.

Несостоятельность негативного отношения к математическому методу, как к средству познания, достаточно полно обоснована с общих теоретических позиций в книге В.С.Дунаевой «Применение математического метода в политической экономии» (1969, с.6-45). И всё-таки на поставленный вопрос и в этой книге не находим ответа. Ответ на этот вопрос позволил бы понять лучше само общественное бытие, которое определяет наше сознание. Правда, процесс отражения общественного бытия тоже общественное бытие. Поэтому при анализе наших удач и неудач, достижений и промахов следует не только хвалить или ругать отдельных людей, групп, партию, но и объяснить, почему люди поступают,

думают именно так, а не иначе. В связи с этим, полагаю, что взгляды учёных, как тех, кто недооценивает роль математики в общественных науках, так и тех, кто в оценках роли конкретных математических моделей допускает излишества, часто граничащее с пустым бахвальством, заслуживают того, чтобы их тщательно изучали, анализировали.

Каждый в меру своих возможностей и интересов отражает субъективно объективную реальность. Через субъективные отражения прокладывает себе дорогу общественное познание. Возможности, стимулы, интересы определяются самой объективной реальностью. Любые субъективные отклонения при отражении объективной реальности имеют не только субъективную, но и объективную основу. Противоречивые взгляды часто могут служить взаимным дополнением, если не до целого, то, по крайней мере, до понимания какой-либо существенной стороны.

Рассмотрим противоположные высказывания двух советских экономистов, считающих себя марксистами. А.С.Кудрявцев, полагая, что роль экономическо-математических моделей незаслуженно превозносит, пишет:

«Так как в наше время подобным моделям стали придавать совершенно несоответствующее их сущности значение, утверждая при этом, что при посредстве их можно, якобы, решать какие-то действительно экономические проблемы, то мы остановимся кратко на этих моделях и покажем, что их природа является технологической, а не экономической. В самом деле, если последовательно исходить из марксистско-ленинского понимания предмета политической экономии, то всякие разговоры об «экономических» моделях не имеют под собой никакого смысла, так как в основе подобных моделей лежат отношения человека к природе или же отношение вещей к вещам» (А.С.Кудрявцев, Послесловие к книге Б.Минца «Политическая экономия социализма», с.569-570).

В.С.Дунаева, возражая А.С.Кудрявцеву, упрекает его:

«Аргументы в пользу такого заявления А.С.Кудрявцев не приводит. Модель может отражать различные процессы реальной действительности. Если моделированию подвергнут экономический процесс: процесс товарного обращения, расширенного воспроизводства и т.д., то и содержание модели экономическое, а не технологическое» (с.50, упомянутая выше книга автора).

Оба автора марксизм-ленинизм рассматривают как незыблемый научный источник и, ссылаясь на этот источник, делают прямо противоположные выводы относительно познавательных функций математики. Учитывая научную добросовестность и строгость обоих авторов, можно предположить, что либо один или оба они ошибаются, либо авторы делают упор на разные стороны математики, выдавая их за целое. Кроме этих двух точек зрения на математику есть ещё одна точка зрения, которую разделяют буржуазные экономисты и, согласно которой, учение К.Маркса несовместимо с математическим методом.

Итак, в отношении к математике и учению Маркса чётко выделяются три группы учёных. Первая группа учёных признаёт учение К.Маркса и не признаёт математику в качестве средства познания экономических явлений. Вторая группа учёных признаёт учение К.Маркса и рассматривает математику, как важнейшее средства познания объективной реальности. Третья группа учёных полагает, что учение Маркса, на которое опираются теоретические воззрения советских учёных, несовместимо с математическим методом, не признаёт марксизм, но признаёт математику в качестве метода познания объективной экономической реальности. Чем объяснить столь сильное расхождение взглядов учёных? Нет, конечно, ничего легче, как объявить точку зрения той или иной группы учёных необоснованной, а в пользу другой привести дополнительные аргументы. Как это ни странно может показаться на первый взгляд, но ни одна из этих точек зрения не лишена смысла в известной степени. Хотя В.С.Дунаева считает, что А.С.Кудрявцев не приводит аргументы в обосновании своей точки зрения, мы должны остановиться на тех его рассуждениях, которые он считает существенными аргументами. В основе рассуждений А.С.Кудрявцева лежат следующие положения:

«никакие модели невозможны, если между величинами, которые ими выражаются, нет функциональной зависимости, если эти величины не однокачественны и если они не могут быть измерены» (с.570).

А.С.Кудрявцев, по-видимому, не подозревает, что высказывает чрезвычайно «банальную» мысль, которую на обыденном языке можно сформулировать так: *если мы об объекте ничего не знаем или такого объекта нет вообще, то математическую модель движения такого объекта невозможно составить*. Это, безусловно, верно. В самом деле, если между величинами, факторами нет функциональной зависимости, то эти величины (факторы) не составляют единый объект, имеющий определённое качество. Точно так же, если мы не знаем функциональные зависимости между величинами или вообще не умеем определять величины, то мы принципиально не можем описать объект математически. Но это одна сторона диалектики познания. А другая сторона состоит в том, что для того,

чтобы познать сущность объекта, необходимо установить определённые зависимости между различными величинами, что предполагает умение измерять эти величины друг через друга, выражать их взаимодействие определённым образом. Ни одно качественное явление само по себе в отдельности не может быть понято. Много ли останется от наших знаний в области физики, механики, химии, если мысленно устранить математические формулировки законов. Останутся одни общие рассуждения по поводу всеобщей связи и взаимообусловленности. Возможно, что при этом найдутся учёные, которые будут отвергать даже эти общие рассуждения в конкретных случаях, ссылаясь на невозможность измерять параметры и т.д. Трудности познания для них будут служить «научным» аргументом для отрицания составной части диалектического метода.

А.С.Кудрявцев, изложив необходимые предпосылки создания математической модели экономики, продолжает:

«Так как общественный процесс производства есть единство процесса труда и процесса создания определённого производственного отношения, то, очевидно, можно говорить о создании трёх видов его моделей:

- 1) модель простого процесса труда, которая будет выражать отношения человека к природе и отношения вещей к вещам, если субъективных фактор (сам труд) рассматривать как вещественный;
- 2) модель исторически определённого производственного отношения, выражающая общественные отношения людей по производству, которые для данного способа являются однокачественными, и
- 3) модель общественного процесса производства, которая одновременно выражала бы отношения людей к природе и общественные отношения людей по производству» (с.570, там же).

А.С. Кудрявцев, по существу, изложил основные возможные этапы развития математических моделей:

- 1) природа – природа, природа – человек;
- 2) человек – человек;
- 3) человек – природа – человек.

А.С.Кудрявцев обосновывает свою точку зрения следующим образом:

«Нетрудно доказать, что из этих моделей можно построить лишь первую, то есть модель простого процесса труда, если, конечно, живой труд рассматривать как вещественный или овеществлённый труд — вчерашний живой, то при этих условиях все моменты простого процесса становятся как бы однокачественными и, следовательно, они могут находиться в определённой функциональной зависимости. Что касается второй и третьей моделей, то их создание теоретически кажется вполне возможным, но это только кажется, и особенно тем исследователям, которые или отождествляют, или смешивают простой процесс труда с общественным процессом производства, забывая при этом, что исторически—определённое производственное отношение может быть измерено лишь посредством адекватного ему общественного рабочего времени. Но как было показано, это общественное время качественно отлично от рабочего времени конкретных видов труда, приблизительная величина его, в отличие от последнего, становится известной лишь после завершения процесса общественного производства, а количественно эти два вида рабочего времени никогда не совпадают в реальной действительности» (с.570-571).

Если внимательно приглядеться к суждениям автора, то мы обнаружим, что он отрицает не только возможность двух последних моделей, но и возможность первой модели по существу, то есть признаёт её наполовину. Действительно, Кудрявцев оговаривается: «если живой труд рассматривать как вещественный или овеществлённый». То есть исключается отношение человека к природе (к вещам), остаются отношения вещей к вещам. Кудрявцев, по существу, утверждает, что между живым и овеществлённым трудом отсутствуют какие-либо функциональные зависимости. А так как экономические отношения людей между лицами без отношений этих лиц к вещам, средствам производства не устанавливаются, то математика неприемлема к проблемам экономики, точнее её применение бессмысленно. То есть, там, где возникает человек, исчезает возможность применения математики. Такое резкое противопоставление человека и вещей, ведущее к отрицанию функциональной зависимости между ними, а следовательно, как это ни странно, к отрицанию производства как целостного объекта, есть корень нигилизма, оно не может привести к каким-либо положительным результатам. Что касается острых критических замечаний Кудрявцева в адрес тех, кто выдаёт модели, выражающие отношение вещей к вещам за модели общественного процесса производства, они, безусловно, справедливы. Эти учёные верят в силу математики, не применяя эту силу реально к производственным отношениям, ограничиваясь лишь аналогиями. А.С.Кудрявцев, напротив,

не верит в силу познавательных возможностей математики, но, сам того не подозревая, пытается проникнуть в сущность сложнейших экономических проблем с помощью средств математики. Так как А.С.Кудрявцев добросовестно старается низложить роль математики в экономике, то он это не может сделать, не содействуя развитию математики применительно к экономике, не возвышая значения математики. И это потому, что теорема (утверждение) Кудрявцева ошибочна. Но так как доказательство нигилистической теоремы Кудрявцева, как и позитивной теоремы, связано с приложением математики к общественным отношениям, то любые аргументы в пользу той или иной теоремы лишь способствуют пониманию применения математики к общественным проблемам.

Основной довод А.С.Кудрявцева сводится к следующему утверждению: математика неприменима к познанию экономических проблем, так как общественное

«производственное отношение может быть измерено лишь посредством адекватного ему общественного рабочего времени. Но ... это общественное время качественно отличается от рабочего времени конкретных видов труда, приблизительная величина его в отличие от последнего становится известной лишь после завершения процесса общественного производства».

Вся сила и слабость этого утверждения заключается в одном и том же месте: неумение выражать величину общественного рабочего времени через величины конкретных видов труда. Утверждение, будто это нельзя делать на том основании, что общественное рабочее время качественно отличается от времени конкретных видов труда, равнозначно тому, что быть учёным в экономике нельзя. Если бы общественное рабочее время не отличалось качественно от рабочего времени конкретного вида труда, то зависимость между этими величинами установил бы студент средней квалификации. Однако, возникает вопрос, как высказывание Кудрявцева соотносится с тем, что есть, известно нам сегодня, в какой степени современная реальность в области моделирования подтверждает его мысли? Модель простого процесса труда, выражающая отношение человека к природе, несмотря на наличие большого количества подготовительного материала, не создана до сих пор. Имеются всевозможные игровые задачи. Но они лишь частично отражают суть простого процесса труда. Модель, выражающая отношения вещей к вещам, создана и совершенствуется. К ней относятся различные варианты модели оптимального плана общественного производства. Модели общественного отношения имеют место. К ним относятся все основные формулы К.Маркса. Наличию той незначительной общности, которая имеется между взглядами советских экономистов, мы обязаны математическим формулам К.Маркса из «Капитала». А там, где Маркс не успел выразить новые идеи с помощью математических средств, имеется чрезвычайно большое расхождение во взглядах экономистов. Математические модели Маркса по существу не анализируются, что чрезвычайно препятствует усвоению простых и, в то же время, великих истин, развитию математических методов в политической экономии и других общественных науках.

Модель общественного производства ещё не создана. И этому препятствует, в немалой степени, отсутствие определения экономического отношения. Чтобы применять математические методы в политической экономии, требуется, по крайней мере, чёткая формулировка исходного понятия своего предмета. Без этого математику бессмысленно применять. Исторически математические модели разрабатывались первоначально применительно к природе вещей, как к более простым формам движения материи. Затем модели стали применять к отношениям человека к природе. На этом втором этапе модели усложнялись, хотя главными определяющими в них являются отношения вещей к вещам. Человек в этих моделях представлен лишь частично, в виде цели. Цель задана в них волевым образом. В дальнейшем разрабатывались модели, выражающие отношения человека к человеку (например, теория игр). Это история. А логика в следующем. Нам известен установленный Марксом закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Это значит, что необходимые изменения в производственных отношениях определяются изменениями в производительных силах. Если нам каким-то образом удалось математически описать развитие производительных сил, то, тем самым, мы получаем описание закономерности развития производственных отношений. С принципиальной стороны математика является хорошим, идеальным средством познания не только материальных, но и экономических процессов. Математика в состоянии указать, какие преобразования необходимо провести и когда. Но с практической стороны наши достижения в области моделирования общественного производства слишком скромны.

В.С.Дунаева, ведя борьбу против нигилистического отношения к роли математики, опираясь на достижения К.Маркса, приводит веские практические аргументы по моделированию общественных отношений. К ним относятся математические модели:

непосредственного обмена

$$X_{\text{товара } A} = Y_{\text{товара } D} \quad (1)$$

основного капиталистического отношения

$$m' = \frac{m}{V} \quad (2)$$

и основного капиталистического закона

$$M = m'Vn \quad (3)$$

где M — масса прибавочной стоимости, n — количество рабочих.

Дунаева высказывает мысль, что экономико-математические модели оказали огромную помощь К.Марксу в понимании основного закона капитализма, что Маркс использовал математический метод как средство познания экономических проблем. Математические формулы, если они верны, служат, как бы, новой стартовой площадкой для развития мысли.

Приведённые выше формулы, конечно, хорошо известны А.С.Кудрявцеву и другим экономистам, недооценивающим математику в качестве средства исследования экономических проблем. И, тем не менее, всё это не убеждает их в том, что математика может служить методом исследования экономических вопросов. Почему так? Почему ряд экономистов не видит в формулах (1)...(3) общественные отношения лиц, а если видит, то почему отрицает математику в качестве средства познания? Это не праздный вопрос. Среди людей, недооценивающих математику в качестве метода познания, встречаются учёные, прекрасно владеющие диалектикой. Причин тут много. Но чем бы всё это не объяснялось, следует признать отсутствие всестороннего анализа полученных К.Марксом математических формул общественных отношений, что препятствует дальнейшему углублению в понимании сущности закономерностей капиталистического общества, необходимости конкретных социалистических преобразований в экономических отношениях. Политическая экономия ограничивается в этом плане лишь добрыми пожеланиями, но вынуждена в каждом конкретном случае прибегать к услугам политической экономии буржуазного общества.

Кто конкретно прав относительно формул (1)...(3): А.С.Кудрявцев или В.С.Дунаева? А может быть правы те экономисты, которые утверждают, что математика и марксизм несовместимы? В данном случае, как во многих других, правы Маркс и Энгельс. Именно у них можно найти объяснение, почему та или иная группа учёных мыслит так, а не иначе, почему ни одна из групп не может опровергнуть другие группы, не опровергая себя, не развивая науку о применении математических средств к общественному производству. А.С.Кудрявцев и другие не видят в формулах (1)...(3) общественные отношения лиц и не признают математику в качестве метода познания потому, что, во-первых, в упомянутых формулах представлены не отношения конкретных лиц, а отношения обобщённых лиц, групповые, классовые отношения. Во-вторых, если даже и видят в (1)...(3) общественные отношения — они знают, что эти формулы выведены в основном нематематическими средствами. Процесс выведения формул есть процесс познания. В.С.Дунаева и другие исследователи видят в (1)...(3) общественные отношения потому, что, во-первых, эти формулы представляют в интегральном виде сущность совокупности общественных отношений. Во-вторых, независимо, каким образом получены те или иные математические формулы (главное, чтобы они отражали объективную реальность), путём математического анализа данных формул можно углубиться в понимании экономических проблем, приоткрыть завесу на новые явления. В принципе формулы (1)...(3) можно вывести математически. Но для этого требуется общая модель общественного производства.

Хотя Маркс и Энгельс нигде не пишут о моделях, они последовательно разрабатывали и успешно применяли такую модель экономических отношений, которую можно назвать моделью двух лиц. В качестве лиц каждый раз выступают обобщённые лица. Это является существенным достижением не только по отношению к их предшественникам, но и по отношению к тем потомкам, которые с высокомерностью незнания отвергают те или иные основополагающие выводы марксизма. Эту модель успешно продолжал совершенствовать В.И.Ленин. Данная модель в политической литературе получила название «классовый подход».

Модель двух лиц Маркс использовал при анализе товарообмена и основного капиталистического отношения. Формулы (1) и (2) представляют собой отношения между двумя обобщёнными лицами. Наряду с моделью «двух лиц» Маркс вводит в исследование модель двойственности труда. Несмотря на элементарность этих моделей каждой в отдельности, они представляют в совокупности весьма непростую задачу. С помощью этих моделей можно достаточно адекватно отразить сущность экономической клеточки буржуазного общества. А для того, чтобы понять, как возникает капитализм из товарного производства, необходимо ввести в модель «двух лиц», по крайней мере, третье лицо, а в модель двойственности труда — третью сторону. Конечно, для того, чтобы капитализм вырос из товара, не требуется знание этих моделей. Но для того, чтобы перейти от буржуазной действительности к

социалистической (в полном смысле этого слова), от классовообразующих (товарно-денежных) отношений и от необходимости их «использования» к бесклассовым отношениям — всестороннее знание таких моделей необходимо.

Что представляет собой модель двойственности труда?

Каждый производитель участвует в производстве общественных потребительных стоимостей и общественно-необходимого времени для производства (воспроизводства) потребительных благ. Представим себе следующий мысленный эксперимент. Два лица, между которыми существует общественное разделение труда, договорились планировать совокупное производство. Предположим, что они знают, как составляются уравнения баланса, могут определить соответствующие пропорции между различными видами продуктов с целью достижения поставленной цели. До сих пор искомыми были величины различных видов продуктов, поведение лиц предполагалось заданным. Если мы теперь рассмотрим лицевую сторону производства, то в качестве искомых величин будут выступать экономические поведения лиц (эффективность). Для определения поведения лиц в процессе производства материальных благ составляем систему из двух уравнений и двумя неизвестными. Но рассматриваемые лица, кроме того, участвуют в системе производства общественно-необходимого времени. Составляются ещё два уравнения с прежними лицами. Таким образом, имеются четыре уравнения и только два неизвестных. Такого вида системы не пользуются особой популярностью в современной математике, хотя необходимость их изучения определяется не только общественными связями, но и техническими тоже. С точки зрения специалиста, ставшего рабом разделения труда, изучение таких систем представляет ненужное пустое развлечение ума. Для «строгих» математиков такие системы не имеют решения, а потому рассматриваются как некорректные. Действительно, вероятность того, что данная система при заданных коэффициентах имеет решение, равна нулю. Для узкого специалиста новое «лишнее» уравнение не несёт положительной информации. Новые связи играют роль лишних помех. Для такого специалиста уравнения служат лишь средством определения искомых величин. Эта функциональная деятельность доминирует над противоположной стороной, — целью искомых величин является удовлетворение равенствам. Субъективно-потребительский фактор настолько доминирует, что оттесняет необходимость объективного отражения реальности на второй план. Узкий специалист упускает из виду (осознано или неосознанно), что искомая переменная участвует не только в тех процессах, которые описываются рассматриваемыми им уравнениями, но и в других уравнениях, решением которых занимаются другие специалисты.

Введением модели двойственности труда К.Маркс, с одной стороны, разрешил труднейшие задачи, связанные с пониманием закона капиталистического общества и перехода от одной общественной формации к другой, а с другой стороны, поставил перед потомками сложнейшие задачи, связанные с различными сторонами общественного бытия и его преобразования. К.Маркс, хотя не описал математически систему общественного труда, но зато он обосновал решение этой системы, точнее, ядро решения. Формула (1) есть определённый способ разрешения переопределённой системы. По формуле (1) можно судить как о характере взаимодействия между системой производства общественных потребительных благ и системой производства общественно-необходимого рабочего времени, так и о характере взаимодействия лиц. Но для этого формулу (1) следует математически проанализировать. Без такого анализа сами формулы (1)...(3) не могут оказать сколь-нибудь серьёзную услугу в понимании капиталистической действительности, а, следовательно, революционного её преобразования.

Мы уже в основном ответили, почему ряд советских ученых, ссылаясь на Маркса, пытается доказать невозможность применения математики для исследования экономических проблем. Для адекватного отражения общественного производства требуется математический аппарат системного анализа, который в настоящее время, в лучшем случае, создаётся. Что же касается буржуазных учёных, пытающихся доказать, что математика несовместима с марксизмом, это объясняется отчасти их уклоном в сторону «идеализма»: они стараются подогнать действительность, которая наиболее ёмко отражена марксизмом-ленинизмом, под существующие модели математики, обнаруживая, естественно, несовместимость математики и марксизма. Маркс же, напротив, ставит вопрос о необходимости развития математического аппарата для адекватного отражения общественной действительности. Применение математики имеет непосредственный практический смысл тогда, когда между рассматриваемыми факторами существуют функциональные зависимости. Но экономическая клеточка буржуазного общества характеризуется тем, что при производстве потребительных стоимостей (материальных и идеальных полезностей) между лицами существуют функциональные зависимости (по крайней мере, односторонние), а при производстве общественно-необходимого рабочего времени царствует полное безразличие. Поэтому к одной составной части экономической клеточки есть смысл (практический) применять математику, а к другой нет непосредственного смысла. Сама буржуазная

действительность выступает против её математического отражения. В законе стоимости, в той его форме, в какой он представлен Марксом, лицевою, доминирующую роль играет вторая сторона экономической клеточки буржуазного общества — безразличие. А в законе конкуренции доминирует, напротив, первая сторона — потребительная стоимость. Единство закона стоимости и конкуренции (закона потребительной стоимости) разрешается в виде закона капиталистической эксплуатации (закона прибавочной стоимости).

Всеобщая зависимость лиц и полное безразличие их по отношению друг к другу составляют по Марксу основу буржуазного общества. А так как математику, на первый взгляд, целесообразно применять только там, где есть зависимости и бессмысленно её применение там, где царствует безразличие, то часть экономистов, уклоняющихся в сторону потребительной стоимости, делающих упор на неё, признают математику как необходимое средство познания; другая часть экономистов, делающих упор на вторую сторону экономической клеточки — безразличие, напротив, не видит необходимости применения математики в политической экономии. Маркс отражает экономическую действительность в целом, из чего, в частности, следует и «несовместимость» математики с марксизмом. Те экономисты, которые не признают потребительную стоимость в качестве экономической категории, не находят самым естественным образом место для математики в политической экономии. Но от этого хромает, прежде всего, сама политическая экономия, а вместе с ней, общественное знание в целом.

Проблема двойственности труда в методологическом смысле — великая проблема. В ней заключена тайна экономического развития общества, переходов от одной экономической формации к другой. К сожалению, ряд экономистов отрицает двойственность природы труда при социализме. Такая точка зрения, как бы её ни обосновывали экономисты, является выражением наивного способа разрешения капиталистических противоречий, представлением социализма беспроблемным. Согласно этой точке зрения негативное уничтожается, а позитивное остаётся. Например, помещики, капиталисты, кулаки, эксплуататорские слои, частная собственность на средства производства уничтожаются, а то, что осталось — рабочий класс, государственная собственность, колхозное крестьянство, кооперативная собственность на средства производства — выдаётся за социализм. Но экономисты обнаруживают, что на практике известная негативная сторона с необходимостью воспроизводится. При этом некоторые экономисты, спохватившись, вспоминают проблему диалектического противоречия и, ссылаясь на неё, пытаются обосновать негативные с позиции социализма явления как неизбежные.

Если марксово учение о двойственности труда и нуждается в отрицании, то разве что с целью рассмотрения тройственности общественного труда. Каждый производитель создаёт 1) потребительные стоимости, 2) общественно-необходимое рабочее время, 3) управление (информацию). При рассмотрении тройственности труда получаем уже систему не из $2n$ уравнений при n неизвестных, как в случае двойственности труда, а из $3n$ уравнений при n неизвестных. При этом учение Маркса о двойственности труда должно войти как составная часть в новую теорию.

Не менее важно понимание сущности модели «двух лиц». Эта модель, может быть, вполне достаточна для объяснения экономической природы классового общества, закона эквивалентного обмена, стоимости. Но она совершенно недостаточна для осознания необходимости отрицания эквивалентного обмена между отдельными производителями-предприятиями в социалистическом обществе. Дело в том, что если рассматривать экономическое целое как единство двух экономически нормальных частей, то эквивалентный обмен между этими частями должен выполняться как естественный закон. В качестве двух лиц могут выступать личность и общество, коллектив и общество, личность и коллектив, предприятие-изготовитель и предприятие-потребитель. Нарушение (устойчивое) эквивалентного обмена ведёт к уничтожению одной из составных частей, следовательно, — обмена вообще, к изменению качественного состояния. Находясь в рамках модели «двух лиц», невозможно понять, почему функционирование товарно-денежных отношений ведёт к возникновению и укреплению отношений эксплуатации и почему для уничтожения последних необходимо уничтожение первых. Это можно осознать лишь на моделях более высокого порядка, начиная с модели «трёх лиц».

В.С. Дунаева в упомянутой книге изложила наиболее существенные стороны применения математического метода в экономической теории:

- 1) разработка математической модели экономической реальности;
- 2) анализ функциональной зависимости;
- 3) получение новых экономических знаний (с.46-95).

Из этих трёх областей «наименее» математической является первая, т.е. разработка математической модели. Математическая модель служит фундаментом для последующего анализа и получения новых знаний. «Наиболее» математической является вторая часть, т.е. анализ функциональной зависимости. Заметим, что, если под математикой понимать лишь анализ количественных зависимостей, отношений,

полагая, что анализируемые связи и отношения находятся в рамках одного качества, упуская из виду, что функциональные зависимости и отношения — суть «провода», соединяющие разные качественные факторы, то, конечно, такая математика в «чистом» виде не может быть методом познания.

В период разработки математической модели реальной действительности творец (кем бы его ни считали официально: экономистом, философом, инженером, математиком, художником, химиком, физиком и т.д.) должен быть тем, кем требует сама действительность для ее более или менее адекватного отражения математическими средствами. Но в любом случае творец должен быть философом и математиком, а всеми остальными должен быть по мере необходимости. А если реальная действительность характеризуется буржуазными отношениями, то творец должен быть ещё коммунистом (большевиком) или, по крайней мере, героем своего времени, т.е. способным жертвовать, в случае необходимости, личными, групповыми интересами во имя истины, блага трудящихся. Истина всегда в интересах большинства.

Процесс познания объективной действительности не может осуществляться односторонне, но также не может ограничиться общими диалектическими рассуждениями, так как такое ограничение не позволяет углубиться в понимании конкретных явлений. Процесс познания в определённом конкретном направлении не может ограничиться методикой данного направления, так как всеобщая связь между конкретными явлениями вскоре скажется на движении мысли самым серьёзным образом, затормозив его. Процесс познания не может быть ограничен конкретным методом плюс общим диалектическим материализмом, так как при движении мысли вглубь обнаруживается, что изучаемое конкретное явление обусловлено не только данным конкретным предметом, но рядом других соседних. Чем больше будет вооружён процесс познания разнообразными методами, тем быстрее будет продвигаться наша мысль в тайны бытия. Мысль свободна тогда, когда она всесторонне вооружена. Разделение труда (закрепощение, всевозможные запреты, накладываемые на специалистов, в том числе на политэкономов) — враг свободы мысли, творчества. Отрицание разделения труда вовсе не означает, что человек должен заниматься одновременно всем. Это значит лишь снятие всех ограничений на развитие мысли, возможность свободно варьировать различными способами познания. Для этого, конечно, требуется непрерывное пополнение необходимыми знаниями. Математика, в силу специфичности её метода, обладает свойством всеобщности. Математика имеет дело, конечно, с количеством. Но всё дело в том, как понимать это количество. Если под количеством понимать лишь меру (подсчёт однокачественных объектов), то, конечно, такую математику знает не только каждый школьник, но даже каждый специалист. Если же под количеством понимать отношение таких количеств, каждое из которых есть мера определённого, но разного качества, та такую математику знает не каждый кандидат наук, и, даже, не каждый доктор наук. Количество служит мостиком между различными качествами, а следовательно, средством познания этих качеств. Для того, чтобы понять то или иное качественное явление, необходимо его сравнить с другими явлениями. При этом одинаково важно выяснить как то, что одно явление качественно отличается от другого, так и то, что общего между различными качественными факторами. При углублении в понимании сущности различных качеств приоткрывается завеса над совершенно ещё неизвестным новым явлением. И такой процесс движения мысли невозможен без функционального анализа, в основе которого лежит понятие количества.

Широкое, а не вспомогательное, или иллюстративное, применение математики в той или иной области начинается с математического моделирования исходных понятий данного предмета, т.е. с изложения фундаментальных понятий на языке математики. Затем моделированию подвергаются основные законы данной науки. И после этого можно ставить вопрос о моделировании процессов: физических, химических, механических, биологических, экономических и т.д. Математическая модель, описывающая определённый процесс, опирается на фундаментальные законы данного процесса. Она должна согласоваться с каждым законом. И в дальнейшем при математическом анализе модели желательно все выводы (наиболее серьёзные) интерпретировать на языке исходных законов. Отклонение выводов от положений законов является признаком, что модель недостаточно адекватна исходным законам, или система законов недостаточно корректна. Не только количественный анализ контролирует качественный анализ, способствует его развитию, но и качественный анализ берёт шефство над количественным. Единство качественного и количественного анализа и синтеза является первым и последним, и главным и второстепенным методом познания. Качественных методов много, а количественный — единый. Но для того, чтобы пользоваться различными качественными методами, необходимо знать не только их в отдельности, но и законы диалектического материализма, т.е. качественные методы в совокупности.

Применение математики в политической экономии подчиняется общим законам. Возможно моделирование экономических процессов более сложно, чем, скажем, моделирование механических

процессов. Но подход к моделированию и здесь и там общий. Моделирование начинается с азов, исходных определений. Без этого нельзя гарантировать относительную правильность анализа, выводов, т.е. математика в таком случае не может служить методом познания, может только играть роль фиксатора, иллюстратора достижений.

В связи с этим следует отметить, что часто математике приписывают, не вполне заслуженно, такое свойство, как объективное безразличие к качеству исследуемого объекта. Подобные утверждения используются как в благородных целях по предотвращению возможных ошибок, так и в неблагоприятных намерениях. Верно, что математика может абстрагироваться от многих факторов, описывать одной моделью различные явления. Но математика не безразлична к качеству охватываемого моделью предмета. Математика функционирует в рамках модели, она отвлекается от всего, что вне модели. Если модель ложна, не отражает объективную реальность, то все математические выкладки бессмысленны. Видимо, эту сторону хотела подчеркнуть В.С.Дунаева, когда она «обвинила» математику в безразличии «к качеству исследуемого предмета» (с.96). Но математика ответственна за исходные модели не больше, чем соответствующие разделы науки, изучающие преимущественно качество предмета. Математика не безразлична к внутреннему содержанию модели. В противном случае математика не могла бы играть роль метода познания. Математика раскрывает (это её основная задача) внутренне содержание модели путём всестороннего анализа. При анализе познаётся внутренний мир модели. По мере углубления в понимание её содержания познание выходит на границу модели, а вместе с выходом на границу модели появляется необходимость прорвать её, выйти за её пределы. Если модель явно ошибочна, то математический анализ приведёт к абсурдным выводам, не укладывающимся в исходные понятия. Это позволит усомниться в правильности модели, а, может быть, ещё в чём-то. Математика и в этом случае выступает ускорителем познания объективной реальности, прекрасным помощником.

Если модель достаточно точно отражает объективную реальность, то математический анализ по мере исчерпания внутренних «ресурсов» модели выводит на её границу, ставит задачу о совершенствовании модели или о её замене. Если модель явно ошибочна, то математический анализ, не дожидаясь, когда будет исчерпан набор нелепостей, содержащихся в ложной модели, даст знать об этом, поставит вопрос о пересмотре модели. Математика относительно (а не абсолютно) безразлична к качеству исследуемого предмета.

В.С.Дунаева справедливо утверждает, что теоретическое наследие К.Маркса составляет научную основу применения математического метода в исследованиях социалистической экономики. Было бы ещё более справедливо добавить сюда имена Ф.Энгельса и В.И.Ленина. Их работы, конечно, не загромождены математическими знаками. Но ведь речь идёт об основах применения математики, об основных сторонах создания математической модели общественного производства. И с этой точки зрения работы Энгельса и Ленина неисчерпаемо богаты. В них явно видна идея о моделях «трёх лиц» и тройственности общественного труда. Уже в «Капитале» Маркса при переходе от товарообмена к товарно-денежным отношениям, а от последних к капиталу обнаруживается идея тройственности труда и модель о «трёх лицах». Особенно богаты в этом отношении те работы классиков марксизма-ленинизма, в которых анализу подвергаются вопросы о государстве.

Дунаева совершенно правильно утверждает, что «в процессе применения математических методов не должен совершаться отход от основных принципиальных положений марксистско-ленинской теории» (с.97). Но это лишь благое пожелание. А для того, чтобы это положение реализовать на практике, необходимо чётко и ясно сформулировать эти самые принципиальные положения марксизма-ленинизма относительно капитализма и социализма и перевести их на язык математики, предъявить их экономистам-математикам в качестве исходных условий, выполнение которых обязательно. Тогда можно будет говорить о том, кладутся ли положения марксизма-ленинизма в основу исследований или марксизмом-ленинизмом пользуются лишь как флагом. Сегодня, к сожалению, кроме лозунгов о преданности марксизму-ленинизму нет никаких доказательств этой преданности. Напротив, имеется много фактов, доказывающих отход от марксизма-ленинизма. Этим отходом грешат многие экономисты и философы. Но почему-то на практике в таком отходе обвиняют, главным образом, тех, кто меньше всего в этом повинен. В отходе от марксизма, например, обвиняют советскую школу экономистов-математиков. Взгляды представителей этой школы по основным вопросам далеко не идентичны. И тем не менее у представителей этой школы есть много общего в методологическом плане.

Экономико-математическую школу обвиняют, *во-первых*, в отходе от марксистской теории трудовой стоимости. Это не совсем верно — есть такая тенденция. Но те, кто критикует экономистов-математиков за отход от марксовой теории трудовой стоимости, уклоняются именно по данному вопросу несколько не меньше, только в противоположную сторону. Данная школа делает упор в основном на целевую сторону труда, на производство потребительных благ, на эффект труда, на полезность его результатов, а

их противники, напротив, — на затраты труда. Проблема двойственности труда и теми и другими либо не признаётся, либо признаётся искажённо, по государственному. Уклонение экономистов-математиков от марксизма происходит влево, в сторону системы производства потребительной стоимости, а уклонение их противников вправо, в сторону производства общественно необходимых затрат рабочего времени. Но так как в условиях товарного производства вторая сторона отождествляется с товаром, то уклонение влево рассматривается как отрицание товарно-денежных отношений.

Итак, *во-вторых*, сторонников экономико-математической школы обвиняют иногда в отрицании товарно-денежных отношений при социализме. Что можно сказать по этому поводу? Да только то, что данная школа заслуживает великой похвалы в той степени, в какой предъявленное им обвинение справедливо. Это, по крайней мере, не отход от марксизма. Им может быть поставлено в заслугу то, что они непрерывно возбуждают общественное мнение вокруг категории «потребительная стоимость», предлагают её признать в качестве категории политической экономии. Что же касается отрицания товарно-денежных отношений данной школой, здесь надо поставить два знака: восклицательный и вопросительный. Поскольку теоретически упор делается на систему производства потребительных стоимостей, полезностей, постольку происходит отвлечение от системы производства общественного рабочего времени, и потому в рамках данной модели авторы не в состоянии осознать ни необходимость сохранения, ни необходимость отрицания товарно-денежных отношений при социализме. Внутренняя природа системы производства потребительных стоимостей для различных экономических формаций, включая рабство, феодализм, капитализм, социализм (коммунизм) — одна и та же. Внутренняя природа системы производства общественного рабочего времени для различных формаций различна. Но поскольку две системы функционируют в единстве, то, очевидно, на функционирование системы потребительных стоимостей накладывает отпечаток вторая система. Поэтому внешние проявления системы потребительных стоимостей при рабстве, феодализме, капитализме, социализме — различны. Эти различия, повторяем, обусловлены второй системой, т.е. системой производства общественно-необходимого рабочего времени. Ясно, что внешние проявления системы производства потребительных благ при социализме будут совсем другие, чем при капитализме, что здесь будут функционировать планомерность. Однако, необходимость этих различий нельзя понять в рамках системы потребительных стоимостей, так как она не функционирует без второй стороны — системы производства общественного рабочего времени. Для понимания упомянутых различий необходимо выяснить природу второй системы. От отношения экономистов к сущности второй системы зависит признание или непризнание товарно-денежных отношений.

Понимание реальных способов отрицаний товарно-денежных отношений невозможно в рамках упомянутых двух систем — системы производства потребительных благ и системы производства общественного рабочего времени. Для этого необходимо привлечь ещё одну — третью систему, а именно, систему производства информации (управления), а именно, — вопрос о власти. Проблема отрицания товарно-денежных отношений неразрешима в замкнутом виде, т.е. вне проблемы отрицания государства. Точно так же вопрос об отрицании государства нельзя корректно сформулировать вне отрицания товарно-денежных отношений. Поэтому, чтобы выяснить действительное отношение учёных к проблеме товарно-денежных отношений, т.е. к проблеме строительства социализма, надо понять их отношение к двум последним системам: к системе производства общественного рабочего времени и информации. Товар — единство первых двух систем, а государство — единство трёх систем.

Анархическое (наивное) отрицание последних двух систем при коммунизме очень дорого обходится для научного познания действительности и для дела коммунистического строительства. Наивность заключается в том, что двойственность труда отрицается при социализме, увязывается непосредственно с товарно-денежными отношениями, а централизованное управление — с государством. По существу, подобные воззрения ведут к пустой болтовне о коммунизме, к тому, что реальные, насущные и сложнейшие теоретические и практические задачи «разрешаются» путём их игнорирования, исключения из повестки дня. И подобная позиция в теории иногда оправдывается ссылками на объективные закономерности, которые, мол, Маркс и Энгельс не предвидели — сохранение товарно-денежных и государственных отношений при социализме. Но в будущем настанет время, когда не будет необходимости в стоимости и в государственной власти. То есть, само по себе нечто превратиться в ничто, т.е. нечто будет самоуничтожено, а не заменено. Здесь допускаются два грубейших промаха. Первый, — нечто уничтожается само по себе. Это противоречит уже законам естествознания. Второй промах — полагается, что развитие после капитализма идёт не по восходящей линии в целом (по пути строительства нового), а по нисходящей (по пути разложения, уничтожения, отмирания, превращения нечто в ничто) и только. Во всяком случае, уже долгие годы ничто — теория товарников и государственников о социализме — выдаётся за нечто.

В целом, экономико-математическая школа так же, как её противники, не затрагивает природу товарно-денежных отношений, не отрицает их. А критикуют данную школу за её предложение ценообразования. Поскольку данная школа исходит из максимума эффекта (полезности) труда, то упор делается на управляемую конкуренцию. Её противники исходят из принципа трудовых затрат, а потому упор делается на закон стоимости в овеществлённом (прошедшем) виде.

Экономико-математическую школу упрекают ещё в том, что она признаёт возможность вывода ряда категорий политической экономии математически, т.е. в том, что она математику рассматривает как средство познания. Это обвинение справедливо. Школа не могла бы называться экономико-математической, если бы она не признавала математику в качестве средства познания. За такую позицию данная школа заслуживает большую похвалу.

Итак, для приложения математики к политической экономии и к другим общественным наукам требуется перевести на язык математики, прежде всего, исходные фундаментальные понятия этих наук.

Первым, наиболее фундаментальным понятием в политической экономии является определение производственного (экономического) отношения и производственной связи между лицами. Переведено ли это положение на язык математики? Нет. Да и как его перевести на язык математики, когда до сих пор у политэкономов это понятие не определилось даже на удобном для них языке.

Вторым существенным понятием являются качественно различные (антагонистические и неантагонистические) отношения. Переведены ли эти понятия на язык математики? Нет.

Третьим фундаментальным понятием является экономическая клеточка общества. Переведено ли это понятие на язык математики? Нет.

Четвёртым фундаментальным понятием является определение исходного и основного экономического отношения. Заметим, что некоторые экономисты ставят знак тождества между этими понятиями, другие указывают на их различия. Переведены ли эти понятия на язык математики? Нет.

Пятым фундаментальным понятием является собственность на средства производства, которая многими экономистами рассматривается как исходное и основное отношение. Собственность на средства производства зафиксирована в документах партии и государства как основное экономическое отношение. Переведено ли это понятие на язык математики? Нет.

Шестым фундаментальным понятием являются качественно различные (частная и общественная) формы собственности. Переведены ли эти понятия на язык математики? Нет.

Седьмым фундаментальным понятием являются производительные силы и производственные отношения. Переведены ли они на язык математики? Нет.

Восьмое. Законы экономики, система законов. Разработана ли экономическая модель общественного производства, которая бы выражала суть системы существующих законов, а следовательно, дала бы возможность выявить новые закономерности? Нет.

Тогда спрашивается, как же математика может служить методом познания экономических проблем? Известно, что для того, чтобы начать мыслить на том или ином языке, требуется знание определённого количества слов (понятий). Математика в этом плане не составляет исключение.

Чем объяснить тот факт, что число лиц, принимающих участие в разговорах о возможности или невозможности использования математики в качестве метода познания, значительно превышает число лиц, применяющих математику в политической экономии. В.С.Дунаева этот факт объясняет тем, что качественная природа социализма выяснена недостаточно (с.95). И далее автор делает вывод:

«Применение математического метода ставит перед экономической наукой задачи дальнейшей глубокой разработки важнейших вопросов экономической теории» (с.95).

Этот вывод невольно выходит за рамки (отрицает) концепции автора о том, что математический метод является необходимым средством познания. Ведь из данного положения автора невольно напрашивается вывод: сначала познай сущность достаточно, а потом применяй математику. Диалектические противоположности кладутся в последовательный ряд: качественный анализ (достаточно полный), а затем количественный анализ. То есть отрицается роль математики в качестве метода познания сущности. Отрицание роли математического метода познания приводит, в конечном счёте, к отрицанию диалектического метода. Действительно, сначала без математики хотят добраться до сути, а затем всё дело поручить математическому анализу без вмешательства со стороны качества. Но это есть не диалектический, а метафизический подход. Диалектический же метод предполагает развитие качественного анализа в сопровождении количественного и развитие количественного в сопровождении качественного. В любой момент времени мы должны быть вооружены и тем, и другим. За качественный анализ несёт ответственность количественный анализ, а за количественный анализ несёт ответственность качественный. Поэтому можно сказать, что тот факт, что качественная природа социалистических законов недостаточно выяснена, объясняется не в малой степени пренебрежительным

отношением экономистов к математическому методу познания. Математика в деле познания играет ту же роль, что пехота на войне.

Другой экономист, Б.Минц, с одной стороны, признаёт математику в качестве метода исследования экономических проблем, а с другой стороны, ещё более решительно отрицает такую роль математики. Минц пишет:

«Для выяснения сущности явления... в принципе подходит словесно-логическая форма и не подходит математическая. Например, при помощи математической формы нельзя выяснить понятий и тем более сущности собственности на средства производства, заработной платы, прибыли и т.п.»

(Б.Минц, Политическая экономия социализма, Москва, 1965, с.37).

И действительно, автор принципиально отказывается прибегнуть к услугам математики при попытке понять социалистическую общенародную собственность. По мнению Минца, общенародная собственность есть «способ присвоения, совершающийся в пользу всего общества (государства)» (с.43). Заметим, что у Минца понятие собственности кладётся в основу понятий производственных отношений между лицами (с.16). Но можно ли в действительности понять сущность собственности, в частности общественной, вне математики? Нет, нельзя. Во-первых, в кратком определении Минца есть ряд неопределённых терминов, разрешить которые вне математики невозможно. Это — «общество» и «польза». Что такое общество? То ли это отношение между лицами, то ли это математическая сумма лиц, то ли это целое, единичное, нераздельное? Если под обществом понимается совокупность отношений между лицами, то говорить о пользе по отношению к совокупности нелогично. Если общество — сумма лиц, то тогда надо ещё выяснить, как распределяется данная полезность, по какому закону (одному — 1000, другому 0,001 или по какому-то другому)? А если общество рассматривается как нечто нераздельное, единичное, к тому же, отождествляется с государством, то тогда нельзя понять различие между частной и общественной собственностью. При таком крайне неопределённом подходе к проблеме собственности легко можно объявить переход от первобытно-общинного строя к рабству переходом к общественной собственности, так как он был в пользу общества в целом, но не каждого члена в отдельности. Применяв термин «всё общество», уже используем математический аппарат, правда, в целом, безграмотно. Далее, сам термин «польза» не имеет смысла, если он количественно не определяется и не указывается, кому это польза и относительно кого. Ведь речь — об обществе. Рассматривается ли каждое лицо относительно каждого или рассматривается общество в целом относительно своего прошлого? Такое «качественное» проникновение в сущность общественной собственности на деле не в состоянии отличить одно качество от другого, сваливает всё в одну кучу, превращает науку в словесную трескотню. На основе такого «качественного» определения общественной собственности товарные отношения становятся выражением общественной собственности. Действительно, каждый из вступающих в товарное отношение, получает потребительную стоимость, пользу. Товарообмен, следовательно, на пользу общества. Нетрудно доказать, что такое «качественное» определение общественной собственности не исключает и основное капиталистическое отношение. Действительно, если исключить капиталистическое отношение, то рабочий пойдёт просить милостыню, а средства производства капиталиста будут лежать мёртвым грузом, без движения, ржаветь, портиться, — одним словом не будут приносить пользу. То есть, вступление в капиталистическое отношение идёт на пользу, как рабочему, так и капиталисту. Следовательно, по Минцу, и капиталистическое отношение выражает сущность общественной собственности. Стоит ли после этого удивляться тому, что экономисты типа Б.Минца, то есть «товарники», ставят такой вопрос: «Почему не осуществилось предвидение Маркса и Энгельса, что общественная собственность будет означать уничтожение товарного производства?» (с.88).

Экономисты, уверяющие нас, что экономический базис социализма водворён, а из такого предположения исходит и Б.Минц, не разобрались ни в сущности собственности, ни в учении Маркса и Энгельса. По крайней мере, Маркс и Энгельс никогда и нигде не ставили знак равенства между общественной собственностью и собственностью государства, как это делают Минц и другие экономисты. По Марксу и Энгельсу, критерием движения к социализму является уничтожение буржуазных отношений, каковыми являются товар и государство. Согласно марксизму, буржуазные отношения являются последней формой антагонистических отношений. Товар и государство при капитализме достигают своей высшей формы развития. Отсюда, в частности, следует, что на основе использования товарных и государственных отношений при наличии политической надстройки социализма не только нельзя обогнать наиболее развитые капиталистические страны, но и нельзя даже их догнать в экономическом развитии.

А теперь попробуем с помощью К.Маркса, его метода — диалектического материализма и математического анализа разобраться в сущности некоторых экономических вопросов. Для этой цели рассмотрим формулы (1)...(3).

Формулу

$$X_{\text{товара } A} = Y_{\text{товара } B} \text{ (или } X_{\text{товара } A} = Y_{\text{товара } D}) \quad (1)$$

перепишем для краткости в следующем виде:

$$X(A) = Y(B) \text{ или } X = Y \quad (1')$$

Какое отношение товаровладельцев выражает эта связь? Для выяснения этого вопроса рассмотрим интересы товаровладельцев (продавцов и покупателей). Сначала проанализируем процесс обмена. Интересы первого товаровладельца заключаются в том, чтобы за единицу A получить как можно больше единиц товара B (или D — денег), что можно выразить линейной функцией относительно Y и нелинейной относительно X . Пусть интересы первого товаропроизводителя описываются функцией $f_x = f_1$ — назовём её *функцией интересов* данного производителя. Тогда

$$f_x = f_1 = \frac{Y}{X}$$

Интересы второго товаровладельца (его функция интересов f_2) прямо противоположны

$$f_2 = \frac{X}{Y} = \frac{1}{f_1} \text{ или } f_1 = \frac{1}{f_2}$$

Так как цены по различным причинам колеблются вокруг стоимости, которая сама выступает как переменная величина, то величины X и Y можно рассматривать как произвольно варьируемые, по крайней мере в небольших пределах:

$$x^\circ - \alpha \leq X \leq x^\circ + \alpha$$

$$y^\circ - \beta \leq Y \leq y^\circ + \beta$$

Тогда соответствующие приращения (дифференциалы) функций f_1 и f_2 будут иметь вид:

$$df_1 = \frac{1}{X} \left(dY - \frac{Y}{X} dX \right)$$

$$df_2 = \frac{1}{Y} \left(dX - \frac{X}{Y} dY \right)$$

Пусть $dX=0$, т.е. X не меняется, тогда

$$df_1 = \frac{dY}{X}, \quad df_2 = -\frac{X}{Y^2} dY$$

Рассмотрим отношение двух разностей

$$\frac{df_1}{df_2} \text{ или } \frac{df_2}{df_1}$$

$$\frac{df_1}{df_2} = -\frac{Y^2}{X^2} = -f_1^2 < 0 \text{ или } \frac{df_2}{df_1} = -f_2^2 < 0 \quad (4)$$

Пусть теперь $dY=0$, тогда

$$df_1 = -\frac{Y}{X^2} dX, \quad df_2 = \frac{dX}{Y},$$

$$\frac{df_1}{df_2} = -\frac{Y^2}{X^2} = -f_1^2 < 0, \quad \frac{df_2}{df_1} = -f_2^2 < 0 \quad (4')$$

Это же условие получается, если рассмотреть f_1 как функцию от f_2 и наоборот.

$$f_1 = \frac{1}{f_2}$$

откуда

$$df_1 = -\frac{1}{f_2^2} df_2 \quad \text{или}$$

$$\frac{df_1}{df_2} = -\frac{1}{f_2^2} = -f_1^2 < 0 \quad (4'')$$

Отношения (4)...(4'') одностипны, всегда отрицательны (антагонистичны). Это качественная сторона товарообмена. Количественная сторона этого отношения заключается в том, что враждебное отношение первого товаровладельца ко второму прямо пропорционально квадрату экономических интересов первого. Так как материальные интересы не зависят от нашего сознания, то отношения (4)...(4'') не меняют свою суть в зависимости от того, как мы их будем называть.

К.Марксом установлено, что величина стоимости и цены товара не зависят от индивидуальных затрат конкретного производителя, то есть от себестоимости данного продукта. Пусть S_1 и S_2 соответственно определяют величину себестоимости продуктов A и B . Соотношение (1') не зависит от величин S_1 и

S_2 . Так как отношение $\frac{Y}{X} = f_1$ не зависит от S_2 , то, следовательно, интересы первого товаровладельца f_1 не зависят от S_2 . Но интересы первого производителя зависят от S_1 , причём обратно пропорционально. Интересы производителя сводятся к тому, чтобы на единицу затрат произвести как можно больше продукции данного вида. Тогда, при прочих равных условиях, он приобретёт за свой труд больше количества продуктов чужого труда. Функция интересов первого производителя через себестоимость его продукции будет выражаться как отношение

$$f_1 = \frac{1}{\bar{S}_1}$$

где $\bar{S}_1 = \frac{S_1}{X}$, S_1 — суммарные затраты, X — количество продуктов вида A .

$$f_1 = \frac{1}{\bar{S}_1} = \frac{X}{S_1} \quad (5)$$

Функция f_1 из (5) выражает интересы производителя как производство максимума продуктов вида A при минимуме затрат. Функция f_1 не зависит от S_2 . Для второго производителя имеем

$$f_2 = \frac{Y}{S_2} \quad (6)$$

Определим частные производные от f_1 и f_2 по S_1 и S_2

$$\frac{\partial f_1}{\partial S_1} = -\frac{X}{S_1^2} < 0, \quad \frac{\partial f_1}{\partial S_2} = 0 \quad (\text{т.к. } f_1 \text{ не зависит от } S_2)$$

$$\frac{\partial f_2}{\partial S_1} = 0 \quad (\text{т.к. } f_2 \text{ не зависит от } S_1), \quad \frac{\partial f_2}{\partial S_2} = -\frac{Y}{S_2^2} < 0$$

Отношение производителя к собственным затратам «враждебно», антагонистично, а к затратам других производителей — безразлично. Каждый производитель стремится увеличить эффект производства за счёт уменьшения затрат.

$$df_1 = -\frac{X}{S_1^2} dS_1, \quad df_2 = -\frac{Y}{S_2^2} dS_2,$$

где $df_1 > 0$, если $dS_1 < 0$ и $df_2 > 0$, если $dS_2 < 0$.

Вышесказанное можно объединить системой условий:

$$\begin{cases} \frac{df_i}{dS_j} < 0, \text{ если } i = j \\ \frac{df_i}{dS_j} = 0, \text{ если } i \neq j \end{cases} \quad (7)$$

Условия (7) — это характерные формы связи системы товарного производства общественно-необходимого труда. Производители производят общественно-необходимые затраты таким образом, что последние не зависят от затрат индивидуальных. Общественно-необходимые затраты формируются за спиной отдельных товаропроизводителей. И тем не менее, в формировании общественно необходимых затрат участвуют все товаропроизводители.

Итак, в процессе производства интересы производителей по поводу затрат не зависят от затрат других производителей. Но в процессе производства каждый производитель осваивает, потребляет продукты производства других производителей. Качество этих продуктов обусловлено не только естественно-природными условиями, но и человеческим трудом, трудом конкретных лиц. Труд, преобразуя природу, создаёт потребительные блага, свойства которых у разных производителей могут быть различны. Следовательно, качество продукции (потребительная полезность) не зависит от величины затрат рабочего времени. Это значит, что одно и то же качество может быть создано при различных затратах времени. Математическая свобода, независимость качества от затрат рабочего времени не означает, что сколь угодно высококачественная продукция может быть создана за мгновение. Для производства любой продукции, конечно, требуется время. Однако продолжительность производства заданного качества для различных работников различна (и в этом проявляется независимость качества от затрат). Эти рассуждения приводятся здесь для того лишь, чтобы напомнить, что о качестве производимых продуктов нельзя судить по затратам рабочего времени тех или иных специалистов. Итак, качество продукции функционирует (создаётся, потребляется) относительно независимо от конкретных возможных затрат времени, но во времени. Развитие потребительных качеств продуктов составляет (является) результат трудовых способностей, навыков производителей. Изменения, происходящие в потребительных качествах производимых продуктов, с железной необходимостью преобразовывают производственные функции потребления. Это значит, что в системе производства потребительных благ трудовые функции потребителя зависят от трудовых функций производителя. Характер потребительных связей между производителем и потребителем не зависит от способа перехода продуктов труда от первого ко второму (в соответствии ли с законом стоимости, или насильственным образом, или в соответствии с социалистическим законом). Но характер развития потребительных связей между производителями зависит от способа перехода продукта труда. Природа зависимости производителей в системе производства потребительных стоимостей качественно одна и та же для различных времён, эпох. И тем не менее она обуславливает для различных эпох различные формы обмена, распределения, потребления, от которых зависит характер её развития. Эти различия в форме обмена, распределения, потребления зависят от уровня развития связей производителей в системе производства потребительных стоимостей. Природа связей между производителями в системе производства потребительных благ в различные эпохи качественно одна, а количественно различна. Количественные различия, накапливаясь во времени, ведут к качественным изменениям в системе производства необходимого рабочего времени и управления, т.е. обмена, распределения, потребления, управления. Потому переходы от одних форм обмена, распределения, управления невозможно представить без количественного анализа.

Согласно К.Марксу, совокупность всех производственных связей и отношений по производству потребительных благ, общественно-необходимого рабочего времени, управления составляет базис общества. Для установления законов функционирующей общественно-экономической формации вполне достаточно описать непротиворечивым образом внешние явления в системе. Но для того, чтобы понять необходимость преобразований самой реальной системы, преобразовать её, надо проникнуть внутрь системы, увидеть в однокачественных отношениях данной системы различные качества другого порядка. Природа связей и отношений между товаропроизводителями в системе производства потребительных стоимостей не совпадает с природой связей и отношений в системе производства общественно-необходимого рабочего времени и управления. Так как в основе изменений производства общественно-необходимого рабочего времени и управления (обмена, распределения, потребления) лежат изменения, протекающие в системе производства потребительных благ, и так как природа связей качественно одна и та же, то всё дело определяется количественными изменениями, протекающими в

ней. Целесообразность, момент времени перехода можно определить математическими средствами. Это значит, что общая политическая экономия не может быть создана без самого серьёзного применения математического аппарата. Целью общей политической экономии является создание политической экономии коммунизма (социализма).

Представителей политической экономии, не признающих математику в качестве метода познания, может быть, не следует особо упрекать. Ведь этим самым политэкономы обезоруживают себя лишь частично. Куда более отрицательным фактом является то, что до сих пор политическая экономия не осознала потребительную стоимость в качестве общественного экономического отношения между лицами и не признала соответственно предметом политической экономии. Этим самым соответствующие представители политэкономии доказывают лишь, что они не проникли во внутрь товара, двойственности труда. Формально политическая экономия повторяет положение Маркса о двойственности труда, о единстве потребительной стоимости и стоимости, но по существу она признаёт в качестве предмета исследования одну из сторон (стоимость). Но и эта сторона признаётся не сама по себе в отдельном виде. Нет. Этой стороне (стоимости) приписывается свойство целостности, то есть свойство товара. Такой подход не позволяет понять ни научное отрицание товарных отношений при строительстве социализма, ни то, почему их существование исключает движение к коммунизму, содействует воспроизводству буржуазного общества.

Качественное описание характера связей между производителями в системе производства потребительных благ составляет постоянную теоретическую основу применения математики в политической экономии. Как бы экономисты ни относились к системе производства потребительных стоимостей, независимо от того, признают они потребительную стоимость в качестве предмета политической экономии или нет, — производители вступают между собой по поводу производства потребительских благ в весьма определённые связи и отношения. Мы до сих пор не знаем, как оценить продукты труда со стороны их потребительских свойств, полезности. Хотя такая оценка на уровне интуиции и индивидуальных (а иногда групповых и общественных) интересов осуществляется ежедневно. Есть различные попытки разработать оценочную систему продуктов труда (независимо от затрат рабочего времени). Недостатки существующих попыток обусловлены в основном духом разделения труда. Желание отразить объективную реальность и разделение труда ведут к тому, что объективную действительность пытаются отразить с помощью излюбленных (в целом хороших, но недостаточных) схем, представлений. Однако тот факт, что мы пока не знаем, как определить полезность труда количественно, не исключает возможность анализа качества связей и отношений между производителями и перевода их на язык математики. Целесообразная деятельность производителей направлена на производство потребительных благ известного качества или производство благ с новым качеством. Предположим, что мы отвлеклись от всех сторон общественного производства, кроме системы производства потребительных стоимостей. Рассмотрим связь производителей лишь по производству потребительных стоимостей. Конечно, такое отвлечение от других сторон общественного производства превращает производителей в наших глазах в промышленных роботов. И тем не менее, такая абстракция требуется для анализа составной части общественного производства. Изменения, внесённые производителем в продукты производства, сказываются на производстве потребителя данных продуктов, причем положительные изменения влияют положительно, а отрицательные — отрицательно. Если качество производимого продукта не изменяется и производится в том же количестве, что прежде, то производство потребителя относительно данного производителя остаётся неизменным. Это указывает на то обстоятельство, что между производством производителя и потребителя устанавливается связь вполне определённого качества. Но так как интересы производителей зависят от их производства прямо пропорциональным образом, то их интересы связаны так же, как их производства. А именно, отношение приращения функции интересов потребителя к приращению функции интересов производителя всегда положительно.

$$\frac{\Delta f_{nomp}}{\Delta f_{npouz}} > 0 \quad (8)$$

Обозначим $f_{nomp} = f_2$, $f_{npouz} = f_1$. Предположим, что качество продукта в определённых пределах можно непрерывно совершенствовать. Тогда

$$\frac{df_2}{df_1} > 0 \quad (8')$$

Можно ли условия (8) и (8') рассматривать в обратном направлении? Да, если продукты второго производителя потребляются первым. Тогда будет иметь место отношение

$$\frac{\Delta f_1}{\Delta f_2} > 0$$

Заметим, что выше предположили негласно, что между интересами производителя и производимыми им материальными благами существует прямая положительная зависимость. То есть положительные изменения в развитии производства потребительных благ вызывают положительные изменения в интересах производителя. И наоборот. Пусть φ — описывает развитие потребительной стоимости. Тогда, по предположению, $f = a\varphi$, где $a > 0$. Отсюда следует, что

$$\frac{\partial f}{\partial \varphi} = a > 0$$

Эти предположения суть условия целесообразной, нормальной деятельности. Противоположные условия, например,

$$\frac{\partial f}{\partial \varphi} = 0 \quad (8'')$$

$$\frac{\partial f}{\partial \varphi} < 0 \quad (8''')$$

выражают нецелесообразную деятельность. Последние условия (8'') и (8'''), т.е. когда между интересами производителя и его продуктами труда господствует обратно пропорциональная зависимость, выражает «безумство»: чем лучше работает производитель, тем хуже удовлетворяются его материальные интересы. Условие (8'') указывает на то, что улучшение или ухудшение качества результатов работы на интересы производителя никак не влияют. С позиции целесообразности условия (8'') и (8''') не должны иметь место. Эти условия не выражают сущность системы производства потребительных благ. Более того, условия (8'') и (8''') отрицают систему производства потребительных стоимостей. И тем не менее, условия (8'') и (8''') не бессмысленны, они могут возникнуть как следствие функционирования других связей и отношений, т.е. как следствие внешних факторов.

В системе общественного производства потребительных благ господствуют отношения (8) и (8'). Именно эти отношения выражают целесообразность всякого производства вообще. При капитализме отношения (8) более наглядны, чем при рабстве и феодализме.

В системе производства общественного производственного времени в случае товарного производства господствуют отношения (7). Итак, отношения

$$\frac{\partial f_i}{\partial f_j} > 0 \quad (9)$$

в системе производства потребительных стоимостей и

$$\frac{\partial f_i}{\partial S_j} = 0 \quad i \neq j \quad (10)$$

в системе производства общественного рабочего времени составляют базис товарного производства вообще (т.е. простого товарного производства). Всеобщая зависимость производителей — условие (9) и полное безразличие — условие (10) — есть фундамент товарного производства или частной собственности вообще. Единство взаимоисключающих условий находит своё разрешение в антагонистическом отношении (4), проявляющемся при обмене продуктами, в товарных отношениях.

Для лучшего понимания общественного характера производства целесообразно уже на уровне анализа товарных отношений ввести понятие тройственности труда. Труд производит не только потребительные блага, общественное рабочее время, но и общественное управление (информацию), благодаря чему каждый производитель в состоянии внести существенные возмущения в общую систему производства. Производство информации отдельными индивидами столь же трудно и ограничено, как производство потребительных благ и общественного рабочего времени. Но потребление информации ни в какое сравнение не идёт с потреблением материальных благ и рабочего времени. Один работник может потреблять информацию, производимую сотнями и тысячами работников. Отсюда, в частности, следует, что в области управления общественные связи и отношения могут достигать большей

сложности, чем в исходных базисных отношениях. Нас в данном случае интересуют весьма простые вопросы, а именно, в какие отношения вступают потребители информации. Очевидно, что каждый товаропроизводитель исходит из условий (9), (10), (1) и (4). Если условие (10) достаточно прозрачно, то условие (9) требует дополнительных сведений. Система условий (9), (10), (1) и (4) определяет поведение товаропроизводителей. Условие (9) указывает на прямую положительную зависимость, допускает, более того, делает необходимым контакт производителей. Условие (10) указывает на экономическую «самостоятельность», независимость по затратам. Каждый производитель учитывает лишь весьма ограниченный круг собственных затрат. Условие (1) — эквивалентный обмен в совокупности с условием (10) позволяет взвешивать эффекты и затраты. Для этого не требуется больших математических знаний. Условие (4) указывает на антагонизм между товаропроизводителями. Условие (4) заинтересовывает товаропроизводителей не только в том, чтобы они независимо подготавливали будущий производственный цикл, но в том, чтобы скрыть своё действительное отношение к результатам производства других производителей, в дезинформации. Каждый товаропроизводитель выбирает (оптимизирует) будущий вариант своего производства независимо от других будущих партнёров своего производства, от которых будет зависеть. Каждый товаропроизводитель выбирает потребительные стоимости, исходя из условий (9) и (4), пытается выяснить, от каких производителей и в течение какого срока он будет зависеть. В течение процесса созидания потребительных благ общественный характер производства определяется исключительно условием (9). Потребительная стоимость — это единственное экономическое отношение, указывающее на общественный характер производства в течение созидания материальных благ. За тот же период частный характер производства определяется исключительно условием (10). Что же касается антагонизма общественных отношений между противоречивыми условиями (9) и (10), он проявляется в период обмена в виде (4). Оперативная (управленческая) деятельность товаропроизводителя не зависит от управлений других в настоящий (текущий) момент. Управление товаропроизводителей зависит от управлений других товаропроизводителей лишь в силу условия (9), а следовательно, зависит от прошлых управлений, действий, от овеществлённых управлений. Но каждый товаропроизводитель в силу условия (9) стремится организовать своё производство, управление так, чтобы максимально сократить промежуток времени между прошлыми управлениями и настоящими, хочет знать уже сегодня, что производят другие товаропроизводители и что запланировали на завтра. В силу условия (4) товаропроизводители заинтересованы в утаивании информации. А так как условие (4) есть результат разрешения системы условий (9) и (10), то основную роль в утаивании информации играет условие (10). В силу условия (9) товаропроизводители стремятся устранить разделение труда, сделать труд непосредственно общественным, то есть исторически-последовательный общественный труд дополнить параллельным общественным трудом, а в силу условий (10), напротив, всячески содействуют сохранению разделения труда и его усилению. Управленческие функции различных производителей связаны между собой через систему потребительных стоимостей и через систему производства общественно необходимых затрат. Управление каждого товаропроизводителя есть функция от потребляемых материальных благ, стоимостей (1) и индивидуальных затрат. Каждый товаропроизводитель стремится максимизировать функцию управления. Но при этом в системе управления или производства информации между производителями возникают отношения следующего характера. Пусть W — функция управления; x_i, y_i, S_i — соответственно потребительная стоимость, стоимость, затраты i -го производителя. Тогда функция управления $W_i = W(x_i, y_i, S_i)$ будет характеризоваться следующими свойствами:

$$\frac{\partial W_i}{\partial x_j} \geq 0, \quad (11)$$

$$\frac{\partial W_i}{\partial y_j} < 0, \text{ если } i \neq j \quad (12)$$

$$\frac{\partial W_i}{\partial S_i} < 0 \quad (13)$$

$$\frac{\partial W_i}{\partial S_j} = 0, \text{ если } i \neq j \quad (14)$$

Каждый товаропроизводитель функцию управления максимизирует по потребительной стоимости и себестоимости в процессе производства, а по цене (стоимости) в процессе обмена.

При анализе товарного производства экономисты выделяют, главным образом, два закона: закон стоимости и закон конкуренции. Ясно, что каждый из этих законов, как бы исследователи их ни толковали, выступает дополнением другого закона, и в совокупности выражают товарно-денежные отношения (отвлечение происходит здесь от закона эксплуатации). У Маркса при выяснении сущности закона стоимости главным, определяющим элементом выступает система производства общественно-необходимого рабочего времени, стоимости. Система производства потребительных стоимостей выступает как условие, тело, вокруг которого возникают стоимостные отношения. При рассмотрении закона стоимости главным определяющим условием является условие (10). При рассмотрении закона конкуренции определяющим выступает условие (9). Оба условия проявляются в цене продукта труда.

На основе единства условий (9) и (10) возможны, как показывает история, различные общественно-экономические формы эксплуатации (рабство, феодализм, капитализм). Эти три классические формы эксплуатации могут выступать одновременно в разных сочетаниях.

Существование товарного производства (или частной собственности) с необходимостью ведёт и не может не вести к возникновению социальных слоёв, классов, эксплуатации одних слоёв, классов, другими слоями, классами. Конечно, товарные отношения в «чистом» виде не составляют общественную формацию, да и нигде в таком виде не встречается в истории человеческого общества. Но тем не менее, товарные отношения не только можно, но и нужно рассматривать отдельно, абстрагируясь от форм эксплуатации. Важно другое: не забыть, что в основе всякой эксплуатации, социального неравенства лежит товарное производство, элементы товара, т.е. условия (9) и (10). Далее необходимо помнить, что при товарном производстве единственная допустимая форма регулирования общественных отношений — это государственная форма. Но, абстрагируясь от необходимых следствий товарного производства для более глубокого его понимания, не следует впадать в другую крайность: будто социальное неравенство можно уничтожить без уничтожения товарных отношений. Эта крайность вредна возможностью появления в науке и политике следующего наивного убеждения:

«товарно-денежные отношения можно использовать при социализме, не опасаясь, что они приведут нас к капитализму. Ведь товарно-денежные отношения использовались при рабстве и феодализме и они не привели к капитализму».

Анализ самих товарных отношений, взятых вне их открыто классовых форм, показывает, что логика их развития такова, что многократное повторение (разрешение) товарных отношений ведёт к образованию противоположных классов, делению общества на эксплуататоров и эксплуатируемых. Здесь особую роль играют особенности системы производства потребительных стоимостей. *Одна из особенностей* связана с необходимостью определённой пропорциональности развития различных частей производства. Например, нехватка сравнительно небольшого количества потребительных стоимостей одного вида может заморозить производство различных потребительных стоимостей большого масштаба. А так как каждый производитель независимо от других планирует своё производство, то возникновение дефицита не является исключением, случайным фактором. Такой дефицит может привести к разорению отдельных частных хозяйств. *Другая особенность*, связанная как с системой производства материальных благ, так и с системой производства общественно необходимого рабочего времени, не исключает возможность большого разрыва между общественно необходимыми затратами рабочего времени и индивидуальными затратами, что также может способствовать разорению одних хозяйств и обогащению других, возникновению имущих и неимущих. А это, в свою очередь, диктует необходимость образования новых экономических отношений, зависимостей, законов. Наш учёный-политэконом, стоящий на позициях необходимости товарно-денежных отношений при социализме, сказал бы коротко:

«Отсутствие планомерности ведёт к разорению отдельных товаропроизводителей и обогащению других». И добавил бы: «Введите планомерность, — и всё будет в порядке».

Но так как учёный-политэконом знает, если не теоретически, то, по крайней мере, практически, что такое товарно-денежные отношения, то он как товаропроизводитель производит и выбрасывает на общественный рынок ту теоретическую продукцию, которую легче всего можно реализовать, и которая хорошо оплачивается. Если высоко ценится идейный опиум (в форме теории планомерного использования товарно-денежных отношений при господстве общественной собственности), то политэконом — как товаропроизводитель — планомерно будет выпускать идейный опиум для партии и народа и развивать в себе качества лицемерия.

Для уяснения сущности немарксистских течений в науке важно понять всевозможные исходы на основе рассмотрения товарно-денежных отношений. Надо выяснить те отношения, которые могут

возникнуть в принципе из развития товарно-денежных отношений. Для этого достаточно обратиться к строго обоснованному К.Марксом основному отношению капитализма, возникающему между собственником средств производства, средств существования и лишённым таковых, возможным (потенциальным) производителем в условиях свободного товарного производства.

Основное отношение капитализма определяется формулой (2)

$$m' = \frac{m}{v} \quad (2)$$

Здесь m — доля капиталиста, а v — доля рабочего. Что общего между (1) и (2)? На первый взгляд, (2) есть отрицание (1). И это действительно так. В случае (1) имеет место обмен продуктами собственного труда, а здесь — отрицание части продуктов собственного труда. Но тогда почему сохраняются товарно-денежные отношения? Видимо, потому, что отношение (2) есть результат многократного разрешения (1). Следовательно, отношение (2) не только не может исключить (1), но, напротив, исключение его должно всемерно способствовать его развитию. Сумма $m + v$ — это общественно-необходимые затраты, совершённые рабочим. Почему эти затраты не принадлежат рабочему? Процесс производства не может совершаться без единства средств производства и рабочей силы. Средства производства — в руках одного товаропроизводителя, а рабочая сила — в распоряжении другого. Возникновение такого положения является закономерным следствием разрешения товарно-денежных отношений. Для продления производства необходимо соединить две необходимые противоположности. Но для этого в условиях товарного производства необходимо произвести куплю-продажу. Потенциальный рабочий не может купить средства производства и средства существования. Он может продать только свою способность производить материальные блага, стоимости, информацию. Более того, потенциальный рабочий (пролетариат), лишённый средств существования, не может не продавать себя как рабочего. Имуций средств производства и средств существования может купить рабочую силу, но может и продать часть своих средств производства и средств существования. У имущего, как и у всякого товаропроизводителя, есть выбор (свобода), у неимущего нет такого выбора. Производство собственника средств производства без дополнительной рабочей силы не может капитализироваться, но может функционировать как производство простого товаропроизводителя. Тогда как пролетарий не только лишён возможности продолжить своё производство, но и его существование находится под угрозой. Это обстоятельство обуславливает возникновение новых экономических связей и отношений. И в возникновении этого нового отношения неимущий проявляет большую инициативу, нежели имущий. Неимущий зависит от имущего по такому параметру, как средства существования, продления жизни. Речь в данном случае идёт не о зависимости конкретного неимущего от конкретного имущего (это свойство рабской и феодальной зависимости), а о зависимости одних слоёв, классов, от других; класса пролетариев от класса собственников средств производства. Во-вторых, потенциальный рабочий зависит от собственника средств производства, как производитель будущих материальных благ. То есть, неимущий зависит от имущего по двум факторам: средствам существования и средствам производства. Хозяин средств производства не зависит от воли рабочего по такому параметру, как средства существования, но зависит от него в качестве будущего (потенциального) капиталиста. Рабочий, производя потребительные блага, так или иначе определяет производственное поведение капиталиста.

Пусть W_c — функция интересов собственника средств производства и средств существования и W_n функция интересов пролетария. Эти функции связаны между собой через средства производства, средства существования и рабочую силу. Первые два фактора находятся в распоряжении собственника средств производства, а третий фактор — в распоряжении пролетария. Функции экономических интересов каждого зависят прямо пропорциональным образом от его функции управления, распоряжения, воли. Но те или иные управленческие акты обусловлены самими интересами. Поэтому, когда говорим о материальных интересах, имеется в виду, что одновременно функционируют и волевые отношения. Обозначим через $W_{1,c}$, $W_{1,n}$ — функции средств существования собственника и пролетария, $W_{2,c}$, $W_{2,n}$ — функции производственных интересов собственника и пролетария. Тогда, в соответствии с изложенным выше, имеем следующие отношения:

$$\frac{\Delta W_{1,n}}{\Delta W_{1,c}} < 0 \quad (15)$$

$$\frac{\Delta W_{1,c}}{\Delta W_{1,n}} = 0 \quad (16)$$

$$\frac{\Delta W_{2,n}}{\Delta W_{2,c}} > 0 \quad (17)$$

$$\frac{\Delta W_{2,c}}{\Delta W_{2,n}} > 0 \quad (18)$$

Условие (15) означает, что положительное приращение средств существования для пролетария является отрицательным для имущего. Собственник не может выделить часть средств существования, не уменьшив свои запасы. Отношений (15) — антагонистическое. Условие (16) выражает тот факт, что как бы пролетарий не пытался распорядиться своими скудными средствами существования — это никак не может повлиять на средства существования собственника. Собственно, понятие свободной вариации здесь применяется формально. В действительности пролетарий не может распоряжаться средствами существования иначе, как потребить их самому. Пролетарий превращается в невольника. Условия (15) и (16) — это производственное отношение по поводу обмена. Условия (17) и (18) — это непосредственные производственные отношения по поводу создания материальных благ. Эти условия означают, что чем лучше капиталист обеспечивает рабочего средствами производства, тем лучше проявляется мастерство рабочего, рабочий создаёт больше материальных благ. И, напротив, чем хуже капиталист обслуживает рабочего, тем хуже конечные результаты. Отношение (18) — обратное отношению (17). Чем больше проявляет рабочий свои созидательные способности, тем лучше удовлетворяются его производственные интересы и наоборот. Отношения (17) и (18) — неантагонистические отношения, позволяют собственнику и пролетарию управлять друг другом, как бы уравнивают их шансы на производственный успех, создают видимость гармонии между капиталистом и рабочим. Однако эта видимость не лишена смысла. Отношения (17) и (18) действительно являются гармоническими. Но поведение рабочего и капиталиста определяются не только отношениями (17) и (18). Более того, из отношений (17) и (18) нельзя понять, почему рабочий заинтересован создавать всё более качественную продукцию, а капиталист должен обслуживать рабочего всё лучше и лучше. Целесообразность (хозяйственный подход) рабочего обеспечиваются условиями (15) и (16). Если рабочий будет работать неэффективно, не будет минимизировать затраты и максимизировать эффект потребительных благ, то условия (15) и (16) будут угрожать увольнением с работы. Совокупность условий (15)...(18) не только заставляет работать рабочего эффективно, но соглашаться на принятие закона эксплуатации (2), закона прибавочной стоимости. Рабочий производит стоимость $V + m$ и часть этой стоимости «добровольно» уступает капиталисту. Точнее $V + m$ составляет собственность капиталиста с самого начала, так как она произведена рабочим за то время, когда он принадлежит капиталисту. Условия (15)...(18) стимулируют рабочего в признании закона прибавочной стоимости, капиталистического отношения (2). А что стимулирует капиталиста в этом направлении? Таким стимулятором являются товарно-денежные отношения с другими капиталистами. Условия товарного производства и (15)...(18) составляют базис капитализма. Разрешение этих условий выражается в законе прибавочной стоимости. Отношения (15)...(18) порождены товарным производством, являются следствием товарно-денежных отношений. Функционирование отношений (15)...(18) делает неизбежным отношение (2). Но отношение (2) не может быть реализовано вне товарно-денежных отношений. Отношения (15)...(18) являются непосредственной причиной эксплуатации, т.е. отношения (2). Причиной же существования условий эксплуатации являются товарные отношения. Но товарное производство одновременно является условием реализации отношений (2). Реализация отношений (2) усиливает разложение товарного производства, товаропроизводителей на имущих и неимущих, что, в свою очередь, укрепляет функционирование закона эксплуатации. Усиление закона эксплуатации активизирует условия своего бытия — товарное производство. Расширение товарного производства вновь усиливает его разложение (ограничение). Всеобщее развитие товарного производства и всеобщее его ограничение есть не только закон капиталистического производства в целом, но и всякой, общественно-антагонистической системы производства. Переход от условий товарного производства к

системе отношений (15)...(18) сопровождается ограничением товарного производства, а переход от системы отношений (15)...(18) к системе товарного производства — расширением последнего. Рабочие внутри капиталистических предприятий между собой в целом не вступают в товарные отношения. То есть из отношений между рабочими исключаются антагонистические отношения (4). Уволенные рабочие вновь попадают на рынок труда. Но над каждым рабочим висит возможность увольнения, как дамоклов меч. Поэтому рабочие, хотя между собой не вступают в антагонистические отношения (4), участвуют в конкуренции. Отношения конкуренции между рабочими здесь не рассматриваются, как не рассматриваются многие другие возможные рыночные отношения. Заметим только, что рабочие (пролетарии) не только проявляют большую инициативу капиталистической связи, но и отрицают, правда, частично, товарные отношения в большей степени, чем капиталисты.

Система условий (15) и (16) представляет непосредственную причину власти одних лиц над другими, эксплуатации, существования низшей (государственной) формы управления. Эти условия используются. Капиталисты применяют условия (15) и (16) для оказания давления на профсоюзные комитеты, отдельных активистов. Рабочие, напротив, прибегают для оказания давления на капиталистов к условиям (17) и (18) путём забастовок. Капиталисты используют в борьбе против рабочих антагонистические, антигуманные отношения, а рабочие применяют в борьбе с капиталистами гармоничные (гуманные) отношения, т.е. неантагонистические отношения. Пролетарское движение по своей сути не может не быть гуманным. Оно не может пользоваться системой условий (15) и (16). Отсюда, в частности, по способу действия лиц, объявляющих себя сторонниками пролетарского движения, можно судить об их действительном отношении к данному движению. Одним словом, «гений и злодейство — две вещи несовместны».

Сравним теперь отношения (1) и (2), т.е. товарообмен и основное капиталистическое отношение. В отношении

$$m' = \frac{m}{v}$$

увязаны интересы капиталиста и рабочего. Первый стремится максимизировать величину m' , а второй всячески старается её минимизировать. Единство этих двух стремлений выступает в виде закона прибавочной стоимости для капиталиста и закон убыточной стоимости для рабочего. Интересы капиталиста прямо пропорциональны величине m' . А интересы рабочего обратно пропорциональны. Функцию интересов капиталиста можно выразить отношением

$$f_k = m' = \frac{m}{v},$$

а функцию интересов рабочего f_p — отношением

$$f_p = \frac{1}{m'} = \frac{v}{m} = \frac{1}{f_k}$$

Нетрудно теперь догадаться, что основное отношение между капиталистом и рабочим идентично с основным отношением товарного производства по своей сущности.

$$\begin{cases} \frac{df_k}{df_p} = -\frac{1}{f_p^2} < 0 \\ \frac{df_p}{df_k} = -\frac{1}{f_k^2} < 0 \end{cases} \quad (19)$$

Маркс и Энгельс неоднократно подчёркивали, что товарное отношение есть капиталистическое в зародышевой форме. И этот зародыш проявляется в виде антагонистического отношения (19), которое тождественно (4). В одном случае антагонизм проявляется между равноправными (собственниками средств производства) товаропроизводителями, а в другом случае между неравноправными — между собственниками средств производства и пролетарием (неимущими). Отсюда следует, в частности, что в антагонистические отношения типа (19) или (4) вступают капиталисты между собой. Между рабочими внутри капиталистических предприятий отношения типа (4) и (19) не проявляются. Базисные отношения товарного производства (9) и (10) имеют место между рабочими как бы в «разнесённом» друг от друга виде, т.е. в отдельности. Рабочие не являются хозяевами функционирующего благодаря их деятельности производства. Наличие условий (9) и (10) и отсутствие условия (4) есть отрицание

владения средствами производства, производимыми продуктами труда, т.е. признак того, что данные лица—производители не являются собственниками средств производства, хозяевами производства.

Объективная реальность, выражаемая отношениями (9) и (10) при отсутствии (4) между рабочими, отразилась на идейных позициях некоторых представителей пролетарского движения, включая экономистов. Прямое влияние буржуазной действительности на мировоззрение экономистов проявилось в том, что под экономическим отношением ряд экономистов понимают содержание экономической клеточки буржуазного общества, в связи с чем, они находятся в плену всевозможных теоретических концепций буржуазного толка. Всякое экономическое отношение, которое не тождественно товару, рассматривается как неэкономическое отношение. Исходя из такого понимания экономического отношения, выражения (9) и (10) не являются ни врозь, ни в совокупности без (4) экономическими отношениями. Из такого понимания экономического отношения в период низвержения царского самодержавия, власти капиталистов и помещиков, когда лица, считавшие себя марксистами, открыто ещё не выступили против марксизма, делались два практических вывода. Первый вывод: так как социализм есть уничтожение товарного отношения, и так как вне товара нет экономического отношения, то строительство социализма сопровождается снятием (уничтожением, исчезновением) проблем политической экономии, т.е. социализм не является предметом политической экономии. Второй вывод: так как отношения (9) и (10) без (4) внутри капиталистического предприятия представляют уничтожение товарного хозяйства, то построение социализма сводится к весьма теоретически несложной проблеме — уничтожению капиталистов, помещиков, кулаков; централизации основных средств производства в рамках государства, установлению власти Советов — представителей рабочих, колхозных крестьян, интеллигенции. Подобные наивные взгляды на строительство социализма до сих пор живучи, правда, они меняют свою одежду. До сих пор многие политэкономы упускают из виду, что основные проблемы политической экономии социализма и строительства социализма ещё впереди. И это чувствуют и понимают ведущие наши учёные—обществоведы. Да и не могут они сегодня этого не понимать. Другое дело, как строить, разрабатывать политическую экономию и общую теорию общества, которого нет сегодня, но которое будет завтра, и которое нельзя построить без теории, т.е. без опережающего развития теории. Это можно сделать только на основе анализа развития производительных сил, то есть системы производства потребительных благ. Здесь мы не ставим задачу изложить вопросы политической экономии на языке математики, главное, на что хотелось бы обратить внимание — это на то, что без математического метода нельзя исчерпать всю глубину исследуемого предмета, в особенности, проблем политической экономии социализма, невозможно развернуть силу диалектического материализма вширь и вглубь. Например, условия (4), (9) и (10) качественно различны. Однако, знание каждого качества в отдельности не гарантирует знания целого. Для того, чтобы понять, усвоить, как следует, функционирование условий в целом, необходимо знать, как они взаимодействуют, как одно условие переходит в другое. А этого не может понять политэконом без количественного анализа. С другой стороны, усвоенное представление о системе в целом не гарантирует знание этой системы, её составных частей, функционирование которых составляет причину существования данного целого. И такое расчленение, опять-таки, затруднено без количественного анализа. То есть нельзя проводить полноценный научный анализ и синтез без математического метода. Собственно, самые рьяные противники математики в качестве метода познания не могут сделать сколь-нибудь положительный шаг без математического метода. Правда, при этом математика используется, конечно, не всегда самым лучшим образом. Но это уже другой вопрос. Такие учёные из обществознания, которые презрительно рассматривают математику, напоминают некоторых представителей естествознания, недооценивающих диалектический метод, отождествляют философию с пустословием. Хотя при этом представители естествознания не могут сделать ни одного положительного шага в науке без использования в той или иной форме метода диалектического материализма.

Производственное (экономическое) отношение между лицами — это производная от функции интересов (целевой функции) одного лица по функции интересов другого.

Функции интересов различных лиц могут быть увязаны через множество независимых, несводимых друг к другу факторов. Тогда экономическое отношение определяется как частная производная. Интересы одного производителя могут быть зависимы от производственной деятельности многих лиц. Тогда экономическое отношение будет определяться тоже как частная производная от функции интересов данного производителя по функции интересов других. При этом производственная деятельность производителя рассматривается как аргумент, а производственная деятельность потребителя — как функция. Если экономические интересы производителей никак не связаны между собой, то соответствующие частные производные равны нулю, то есть имеет место отношение безразличия. Отсутствие экономических связей между лицами не означает вообще отсутствие

экономических отношений. Нельзя исключать отношения безразличия из совокупности экономических отношений. Это равнозначно исключению нуля из математики. Знак производной определяет характер (антагонистический, неантагонистический) отношения. Неантагонистические отношения характеризуются положительным знаком соответствующих производных, а антагонистические отношения — отрицательным знаком производных. Отношения безразличия составляют границу между антагонистическими и неантагонистическими отношениями. Исключение отношений безразличия из предмета политической экономии затрудняет понимание переходов от антагонистических отношений к неантагонистическим, как, в частности, в условиях товарного производства, так, в целом, при переходе от товарно-денежных к социалистическим отношениям, делает невозможным разработку политической экономии социализма, его строительства.

В работах классиков марксизма-ленинизма имеется немало крылатых фраз, кратко определяющих сущность учения о коммунизме. Одно из таких высказываний в виде лозунга: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», известно каждому, но часто ли мы задумываемся над содержанием этого призыва, сравниваем ли его с другими менее известными, но не менее существенными научными выводами, связанными с преобразованием буржуазной действительности в социалистическую? Учёным-обществоведам хорошо известны такие фундаментальные выводы марксизма-ленинизма, как отрицание товара и государства при строительстве социализма, уничтожение классового антагонизма, эксплуатации человека человеком, частной собственности. Спрашивается, что общего между великим призывом о соединении пролетариев всех стран и положением об отрицании товара, государства, частной собственности? Все эти выводы с различных сторон отражают сущность намеченных целей коммунистов, которые, по словам Маркса и Энгельса

«могут быть достигнуты лишь путём насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя» (К.Маркс, Ф.Энгельс, СС, т.4, с.459).

Если соединение выражает сущность намеченных целей коммунистов, то, стало быть, сущность буржуазного общества выражается разъединением. С другой стороны, знаем, что сущность буржуазного общества определяется такими отношениями как товар и государство. Если товар, по словам Маркса, есть экономическая клеточка буржуазного общества, то государство представляет собой политическую клеточку буржуазного общества. Государство в узком смысле — это общественные отношения между лицами вне сферы непосредственного производства — надстройка. Эти общественные отношения в условиях равновесного состояния (взаимного соответствия базиса и надстройки) тождественны по качеству производственным отношениям. Под государством иногда понимают всю совокупность общественных отношений, ставя знак равенства между государством и обществом. В этом широком смысле понятия государства и собственности близки. Товар составляет ядро частной собственности. Но товарные отношения не могут существовать, функционировать, не производя ежедневно, ежедневно отношения государства (рабство, феодализм, капитализм), т.е. не совершая первичное самоотрицание. Частная собственность не может существовать без того, чтобы она не отрицалась для части общества, без того, чтобы не создавались отношения господства и подчинения (15) и (16). Единственной адекватной формой управления общественными вопросами при господстве частной собственности было, есть и будет низшая (государственная) форма управления общественными отношениями людей. Отношения (15) и (16) являются характерным признаком низшей формы управления.

Невольно напрашивается вопрос, чем объяснить существование сравнительно большого количества марксистов, *придерживающихся*, относительно лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», положения, что социализм (коммунизм) есть уничтожение частной собственности и сравнительно небольшого количества марксистов, придерживающихся относительно того же утверждения *положения*, что строительство социализма есть уничтожение (отрицание) товара и государства? Почему укоренилось в сознании некоторых исследователей, считающих себя марксистами, концепция отрицания частной собственности без отрицания её отношений товара и государства, концепция сочетания общественной собственности с товаром и государством, отождествление государственной собственности с общественной, концепция, согласно которой развитый социализм не может обойтись без товара и государства? Одним словом, чем объяснить существование большого количества именно тех «разнообразных» концепций, разносимых и превозносимых сравнительно большим количеством авторов посредством практически всех наших общественно-научных и политических изданий, сущность которых, согласно марксизму-ленинизму, есть величайшая бессмыслица? Ссылка на великие авторитеты, сама по себе, не может дать конкретного ответа на наш вопрос. Например, верный, но общий тезис Маркса, что бытие определяет сознание, не содержит непосредственно ответ на наш вопрос. Ведь и сознание марксистов определяет общественное бытие. Нас здесь интересует лишь одна методологическая сторона. Поэтому целесообразно отвлечься от всех индивидуальных, групповых

интересов авторов, пропагандирующих упомянутые концепции. Предположим, что все они коммунисты по существу. В таком случае их цели, формулировки, концепции определяются уровнем понимания ими общественной реальности (практики и теории).

Соединение предполагает уничтожение разобщённости. Уничтожение разобщённости предполагает соединение различных сторон. Уничтожение частной собственности, её экономических законов предполагает создание общественной собственности, её экономических законов. Существование частной собственности, её законов не допускает общественную собственность, утверждение её законов. Система законов экономической формации едина, неразрывна. Ни один экономический закон частной собственности не может функционировать без соответствующих других законов данной формации. И ни один закон частной собственности не может функционировать в рамках законов общественной собственности без «самоуничтожения» или без уничтожения законов общественной собственности, без содействия восстановлению всей системы законов частной собственности. Говорить об использовании законов частной собственности (например, — закона стоимости) при господстве общественной собственности — это всё равно, что утверждать о необходимости функционирования частной собственности на основе общественной собственности. Возможность подобных нелепых концепций классики марксизма не только предвидели, но и подвергали беспощадной критике в лице мелкобуржуазных социалистов Прудона и Дюринга. Однако чем объяснить «привлекательность» подобных концепций, почему число их сторонников не убывает? Есть здесь какая-нибудь логика? Или вся логичность заключается в нелогичности? Да, логика есть.

Во-первых, напомним, что никто из советских исследователей не отрицает необходимость уничтожения частной собственности, соединения пролетариев всех стран. Но многие из них отрицают необходимость уничтожения товара и государства при строительстве социализма — для них понятие «социализм» мирно уживается с понятиями «товар» и «государство». Это можно объяснить следующими обстоятельствами. Товар есть единство соединения по одному производственному фактору (9) и разобщённости — по другому (10). Это единство двух взаимоисключающих отношений между одними и теми же лицами по различным (но неразрывным) сторонам производственных факторов выступают в виде антагонистического отношения (4). Отношение (4), т.е. товар, есть единство необходимости соединения (9) и сохранения разобщённости (10). Так как ряд исследователей предпочитает ограничить своё движение в науку и по науке общим «руководящим» хождением по достижениям науки, то они не могут проникнуть во внутрь экономической клеточки буржуазного общества. Внешнему, поверхностному наблюдателю свойственно хвататься за первое же объективное явление и строить на его основе научные концепции. Такой подход обусловлен разделением труда. Главное — схватиться за часть, исследовать её. Исходя примерно из таких позиций, некоторые, может быть, не осознавшие своё собственное состояние, не обнаруживают невозможность сочетания товара с общественной собственностью. Напротив, товарник видит в товарно-денежных отношениях, в их расширении соединение пролетариев, производителей. И товарник частично прав, так как товар по одному фактору (по потребительной стоимости) предполагает соединение. В силу этого фактора товар не противоречит общим интересам. Следовательно, товар и общественная собственность по данному фактору могут сочетаться не только в понятиях, но и реально могут функционировать. Но так как товарник является рабом разделения труда, то он невольно отождествляет одну из фундаментальных черт товара (9) с товаром в целом и потому развивает «теорию» товарно-денежных отношений на основе общественной собственности. Но фундаментальное отношение (9) гласит, что одни лица жестко и, как правило, односторонне зависят от других лиц, т.е. отсутствует обратная зависимость. Это свойство отношения (9) товарник кладёт неосознанно в основу формы управления, в результате чего возникает концепция о необходимости государственной формы управления. Необходимость централизованного начала отождествляется с низшей формой централизации. Так прогрессивная тенденция, которая содержится в отношениях товара и государства, и которая не может быть уничтожена без уничтожения прогресса вообще, человеческого общества, в частности, используется, по существу, для обоснования, увековечивания товара и государства. Но специалисты не могут не видеть и вторую тенденцию товара — разобщённость, обособленность (10). И при этом опять используется способ мышления, свойственный разделению труда, — антисистемный метод. Экономическая обособленность (10), безразличие, наплевательское отношение лиц друг к другу рассматривается как основа хозяйственной самостоятельности, оперативности, демократии, свободы. Здесь допускается та же методологическая ошибка, что выше — отождествление целого с частью — хозяйственная самостоятельность лиц вообще с хозяйственной самостоятельностью в определённых условиях, а именно, в условиях буржуазных отношений. Само собой разумеется, что понятие свободы, демократии так же отождествляется с буржуазными формами. Что же касается единства двух противоположных начал (4), об этом теоретики в

основном предпочитают помалкивать, полагая, что в советской действительности нет (потому что не должно быть) места для антагонизма. А в этом предположении, в его обосновании содержатся в зародышевой форме все наши достижения и недостатки в деле строительства социализма (коммунизма). Теоретики, избегая непосредственного анализа отношения (4), тем не менее, тратят огромные (в теоретическом отношении бесплодные) усилия на то, чтобы найти наилучший способ реализации отношения (4) через ценообразование. Бесплодность заключается в том, что данная задача в общем плане давно решена. Наилучший способ реализации (4) есть свободная конкуренция. Математическая теория свободной конкуренции есть теория оптимальных цен.

Если теоретики уклончиво реагируют на отношение (4), изобретательно его обходят, то практики (руководители всех рангов, — партийные, государственные, хозяйственные, — коммунисты, работники МВД, ОБХС, прокуратуры) огромную долю умственных и физических сил тратят на разрешение негативных проблем, вытекающих из (4). Благодаря этим органам мы обнаруживаем, вскрываем факты, подтверждающие существование (9), (10), (4), (15)...(18). Благодаря этим органам мы пока сравнительно спокойно спим, не опасаясь, что завтра окажемся безработными, на голодном пайке. Политическая система советского социализма выступает как существенный демпфер отношения (4) и системы отношений (15) и (16). Но было бы величайшей политической близорукостью не замечать, что внутри указанных органов действуют те же отношения, против следствий которых они ведут борьбу.

Частная собственность непосредственно проявляется в отношении (4). Наша политическая система демпфирует отношения (4) и (19), замораживает, но не исключает их. Это демпфирование осуществляется путём централизации основных средств производства, превращения их в социалистическую государственную собственность, т.е., в политэкономическом смысле, в ничейную собственность, а в смысле права — в собственность всего трудового народа. Такое превращение частной собственности в ничейную является необходимым моментом перехода от частной собственности к общественной. Подобно тому, как ноль составляет границу между отрицательными и положительными числами, ничейная собственность, т.е. собственность социалистического государства представляет границу между частной собственностью и общественной, безразличное отношение составляет границу между антагонистическим отношением и неантагонистическим отношением.

Подводя предварительный итог незаконченному анализу, скажем, что вывод о системном и сознательном использовании законов экономики без математических средств — чистейшая утопия.

Глава 10 Что делать?

А) Признать реальный социализм таким, какой он есть.

Наша сегодняшняя действительность имеет два прямо противоположных возможных исхода, обусловленных двумя возможными ответами на поставленный вопрос. Первый ответ: восстановить капитализм. Второй ответ: продолжить строительство социализма. В печати эти крайние ответы формально не встречаются, но, по существу, имеют место. Никто из теоретиков, предпочитающих первый исход, не высказывает открыто свои взгляды. Это, конечно, понятно. Но и сторонники коммунизма, правильно оценивающие действительность, опасаются открыто выразить своё отношение к действительности, поставить задачу о дальнейшем строительстве социализма.

То, что трудящиеся достигли в результате Октябрьской социалистической революции — превращение основных средств производства в социалистическую государственную собственность, есть необходимый плацдарм дальнейшего строительства социализма, его экономического фундамента. И если, по каким-то причинам, нет движения вперёд, то возникает, в силу необходимости экономии средств производства, движение назад по оживлению частной собственности. Причём, для восстановления частной собственности в той или иной форме не требуется особого напряжения ума ни в политике, ни в экономике, ни в теории. Другими словами, для восстановления частной собственности не требуется ни новая теория, ни новый способ мышления, ни водворение новых коренных экономических отношений, так как всё это есть реально. Современный наш способ мышления в основном, как ни печально в этом признаваться, есть мелкобуржуазный способ мышления. Современная экономическая теория есть теория капитала. Сохраняющиеся до сих пор между рабочими отношения (9) и (10) есть экономическая основа всякого рабства, а отношения (15) и (16) между рабочими и администрацией предприятий являются проявлением рабства, обуславливают эксплуатацию.

А для дальнейшего строительства социализма требуется новый способ мышления, продолжение разработки новой теории, основы которой заложили классики марксизма-ленинизма, водворение принципиально новых экономических отношений.

Для того, чтобы двигаться дальше, успешно осуществлять строительство социализма, необходимо чётко представлять наши достижения, состояние общества. Переоценка реальности ведёт к снятию вопроса о дальнейшем строительстве социализма, а недооценка затормаживает развитие, способствуя отшлифовке достигнутых результатов. Если говорить коротко, то наши основные достижения сводятся к утверждению социалистической государственной собственности на средства производства. Необходимость такого шага, как известно, была обоснована классиками марксизма. В политэкономическом смысле превращение средств производства в социалистическую государственную собственность равнозначно уничтожению отношений (4) и (1) в действительности, не исключая их в возможном. В этом отношении можно говорить о новом проявлении содержания товарно-денежных отношений, но не о новом их содержании, так как их содержание (9) и (10) имеет место.

Социалистическая государственная собственность характеризуется совокупностью отношений (9), (10), (15) и (16), а сила нашего политического строя направлена против необходимых проявлений (1) и (4), (2) и (19), против спекуляции и эксплуатации. Борьба против антагонизма (1) и (4), (2) и (19) создаёт иллюзию единства интересов производителей. Необходимость антагонизма диктуется единством отношений (9) и (10), а необходимость эксплуатации единством (15) и (16) и (17), (18). Так как экономика без такого единства не существует, то необходимость воспроизводства антагонизма (4) и (19) не может не воспроизводиться и реализовываться.

Борьба партии против (4) и (19) сплачивает интересы людей, обусловленные целями по дальнейшему строительству социализма. Усиление правопорядка, наказание расточителей, казнокрадов, всевозможных мошенников, спекулянтов вселяет надежду, окрыляет рабочих. Однако, если при этом продолжается пустая болтовня по поводу построения полного развитого социализма (существование которого объявляется длительным), потерявшего надежду выиграть экономическое соревнование с капитализмом, то борьба за правопорядок не объединяет интересы людей, ничего хорошего не сулит рабочему. Призывать рабочих к трудовой дисциплине, организованности и продолжению строительства социализма — вот что требуется сделать сегодня. Первый вид дисциплины необходим для того, чтобы сегодня работать не хуже, чем вчера, а второй вид дисциплины необходим для того, чтобы завтра быть более свободным гражданином, чем сегодня, и таким образом, завтра повысить эффективность общественного производства не в долях, а в разгах, чтобы завтра рабочий стал в несколько раз более рачительным хозяином, а послезавтра — полновластным хозяином. А пока что рабочий в стране Великого Октября является хозяином в основном декларативно. Это немало. Это есть не что иное, как наличие права стать хозяином. А это много, очень много по сравнению с положением рабочего в странах капитала. Однако, это много превращается в пустой символ, когда социализм объявляется построенным и политические завоевания рабочего класса не используются для строительства социализма, для освобождения рабочего класса от экономических оков.

Парализация антагонистических отношений (1) или (4) осуществляется централизованным способом установления цен на продукты труда, а парализация отношений (2) или (19) — ограничением заработной платы руководителей сверху и заработной платы рабочих — снизу, т.е. путём закрепощения отношений (1) и (2) и приравнивания (4) и (19) нулю. Парализация отношения (4) ведёт к уничтожению свободной конкуренции, т.е. высшей экономической формы реализации частной собственности. Парализация отношений (2) или (19) ведёт к уничтожению экономического стимула быть хозяином. А так как реальная экономическая власть согласно (15) и (16) находится в руках хозяйственных руководителей, то отрицание (2) и (19) равнозначно, с политэкономической точки зрения, всеобщей бесхозяйственности. В таком объективном, сравнительно неустойчивом состоянии, нет ничего опасного, если иметь в виду, что оно является временным, промежуточным этапом на пути созидания социалистического общества.

Героическую эпоху наших великих предшественников должны помнить не только и не столько для того, чтобы воздавать дань, хотя это само по себе необходимый элемент порядочности, культуры, но, главным образом, для того, чтобы учиться тому, как строить новое общество. Если конечный результат деятельности наших великих предшественников заключается в утверждении социалистической государственной собственности, то способ движения к этому конечному результату в политэкономическом смысле значительно богаче, содержательнее и новее. Собственно говоря, если конечный результат, т.е. государственная собственность на основные средства производства не содержит ничего принципиально нового, кроме отрицания старого, то в способе достижения данного результата имеется не только отрицание (причём полное, а не половинчатое) старого, но и созидание нового, пусть исторически мимолётного, но нового. Именно в этом смысле следует не только опираться на реальные конечные достижения (это, собственно, происходит помимо нашей воли и сознания), но должны учиться у предшественников строить новое общество. Этот последний фактор зависит от нашей

воли, т.е. от нас зависит, учиться или не учиться у предшественников, но от нас не зависит, опираться или не опираться на их конечные результаты. Например, отношения внутри партии большевиков и между партией и рабочим классом в период классовых битв значительно богаче, чем совокупность социалистической государственной собственности. Внутрипартийные отношения строились путём всеобщего отрицания капиталистических отношений. Отрицанию подверглись не только (4) и (19), но и (10) и (16), то есть не только антагонистические отношения, но отношения безразличия и односторонней независимости вышестоящих инстанций от нижестоящих. Да и до сих пор отрицание (4), (19), (10) и (16) составляют обязательные уставные нормы партийных отношений. Отрицание (16) В.И.Ленин назвал необходимым мостиком перехода от капитализма к социализму (В.И.Ленин, ПСС, изд.5, т.33, с.44). Диктатура пролетариата имеет место там и только там, где в той или иной форме осуществляется отрицание (16). С момента Октябрьской революции до времени утверждения социалистической государственной собственности диктатура пролетариата держалась, благодаря экономическому и политическому отрицанию (16) в виде партмаксимума и чистке партии на открытых партийных собраниях. И после XVII съезда утверждение и охрана социалистической государственной собственности осуществлялась благодаря тем мерам, которые содействовали отрицанию (16). Например, 49-я статья Конституции СССР, заимствованная из Устава КПСС, способствует политическому отрицанию отношений (16). Сама эта статья, необходимость её включения в Конституцию СССР, указывают на реальное господство отношений (15) и (16), воспроизводящих с железной необходимостью отношения эксплуатации (19) и (4).

Первое, что следует оценить должным образом — это позитивное достижение в деле строительства социализма. Надо признать, что наши великие предшественники завоевали для советских трудящихся право строить социализм, стать всем хозяевами всех средств производства. И право это передано нам по наследству. Это, само по себе, великое завоевание, на которое мы не можем не опираться. И это право подкрепляется экономическими рычагами, направленными против отношений (4) и (19), т.е. против необходимых следствий совокупности (9), (10), (15)...(18).

Объективная общественная реальность характеризуется не только господствующими отношениями между лицами, но и отражением этих отношений в сознании людей, рабочего класса, всех трудящихся, руководителей партии и государства. Поступки людей определяются не только объективными отношениями между лицами, формирующими материальные и духовные интересы людей, но и степенью отражения объективной реальности мозгом людей. И эта вторая сторона тоже объективный фактор, т.е. люди независимо от воли и сознания реагируют на объективную реальность. Субъективирование объективной реальности — объективный фактор. И от этого второго фактора в немалой степени зависит движение, изменение самих объективных условий. Можно сказать, что выбор цели и способ достижения её тем более реалистичны, разумны, чем меньше отличается отражение объективной реальности в сознании рабочих, партии, руководства партии от самой объективной реальности. Надо, чтобы достаточно точное отражение реальности стало достоянием большинства, а ещё лучше — всех.

Некоторые учёные своеобразно то преувеличивают роль сознания, то преуменьшают её в деле развития общественных процессов. Преувеличение сознания происходит там и тогда, где и когда конкретные экономические недостатки объявляются следствиями недостаточного понимания законов экономики социализма. Здесь законы экономики социализма как бы несколько лишаются своего самостоятельного, независимого от сознания людей положения, обуславливающего высочайшее сознание (индивидуальное и общественное). Первенство, как бы отдаётся сознанию субъектов, которое не высоко ставится. Высказывается мысль, что для более успешного выполнения планов партии и государства необходимо глубже изучать экономические законы социализма. Степень реализации экономических законов увязывается со степенью их осознания. Недостаточное понимание экономических законов, мол, ведёт к ограничению их функционирования. И так далее. Подобные выводы, зачастую, обосновываются верным положением, что при социализме экономические законы реализуются через их осознание, упуская из виду, что законы не могут не рождать соответствующее им сознание, через которое реализуются.

С другой стороны, уменьшается роль сознания, субъективного фактора. Это происходит тогда, когда возникает вопрос о разработке теории перехода экономики капитализма в будущую социалистическую экономическую действительность, т.е. преуменьшается роль сознания в деле открытия экономических законов до их водворения, роль воли народа и партии в конструировании социалистических экономических законов в соответствии с экономической целесообразностью. Подобная недооценка роли сознания и воли масс, партии опирается на грубое понимание объективности экономических законов. Полагается, что экономические законы не создаются, их возникновение не является результатом волевой и сознательной деятельности людей. Такое объективное понимание экономических законов и

формируемый им взгляд на развитие человеческого общества способствует лишь закреплению в умах людей вполне определённой системы законов, а именно, буржуазной системы законов. Признание, что экономические законы создаются людьми, рассматривается как отрицание объективности экономических законов. Здесь упускается из виду, что экономические законы создаются людьми в силу объективной необходимости и далеко не произвольно, а в соответствии с уровнем развития орудий труда.

Оба фактора — практика и сознание — суть объективные. Объективный характер экономических законов заключается в том, что они функционируют независимо от воли и сознания людей, но не помимо воли и сознания их. Зачастую разницу между функционированием социалистических законов и функционированием законов капитализма видят в том, что будто первые используются сознательно, а вторые — несознательно. Данную предпосылку используют «антитоварники», доказывая, что, например, закон стоимости нельзя использовать сознательно, сочетать его с планомерностью. Эти рассуждения имеют одну погрешность — отождествление разных уровней отражения действительности. Капиталистические законы функционируют не помимо воли и сознания людей, а при посредстве их. Другое дело, что законы функционируют посредством сознаний отдельных независимых людей, — общее сознание у товаропроизводителей отсутствует. В условиях товарного производства обобщение (интегрирование) сознания допускается лишь для отдельных группировок, находящихся в неустойчивом состоянии. Общее сознание есть функция от общего неантагонистического интереса. Там, где имеют место (10) или (4) нет места для возникновения общего сознания. Общее сознание невозможно и там, где царствуют отношения (15) и (16). Правда, при господстве отношений (15) и (16) создаётся видимость общности, — раболепство выдаётся за общность. Так как при господстве отношений (15) и (16) экономически индивиду наиболее выгодно послушание, то он предпочитает отказаться от собственного сознания, не отражать действительность с помощью собственной головы, а следовать мыслям господина. А господин далеко не всегда заинтересован достоверно отражать объективную действительность, быть сторонником научного подхода. В условиях господства отношений (9), (10), (4) и (15)...(19) в качестве общественного сознания выступает не наука, а вера, верование, служащее всегда политике господствующего класса.

При капитализме товаропроизводители сознательно используют законы товарного производства. Но общего сознания у товаропроизводителей нет. По мере расслоения товаропроизводителей на классы рабов и господ, последние вполне сознательно используют законы капитализма и столь же сознательно извращают сущность капитализма. Общее сознание у капиталистов, в силу товарно-денежных отношений между ними, отсутствует. Но у капиталистов, как у эксплуататоров рабочих, рождается общее сознание. Капиталисты заинтересованы в сохранении товарного производства, но ещё более заинтересованы в сохранении отношений капитала. Отношения между капиталистами относительно эксплуатации рабочих, т.е. в отношении к (19) аналогичны (9), (17), (18) — неантагонистичны. Рабочие — вчерашние товаропроизводители и теперешние рабы, отходят постепенно от сознания товаропроизводителя. Сознание товаропроизводителя не покидает капиталиста, хотя он не производит продукты потребления. Внутри капиталистического предприятия между рабочими отношения (4) уничтожаются, а отношения (9) и (10) сохраняются; между капиталистами и рабочими рождаются отношения (15)...(18). Одновременно между рабочими рождаются ещё особые отношения, связанные с эксплуатацией их капиталистами. Эти отношения новые, неантагонистичны. Между рабочими внутри капиталистического предприятия имеется два вида неантагонистических отношений: по поводу производства потребительных благ и по поводу их эксплуатации капиталистами и один вид безразличных отношений по поводу производства общественно необходимого времени. В целом, между рабочими доминируют неантагонистические отношения, что обуславливает объединение пролетариев в единый класс, способствует рождению общего пролетарского сознания. И это классовое сознание направлено против эксплуатации, а следовательно, против товарного производства — основы закона эксплуатации.

Между капиталистами, наряду с отношениями (9), (10), (4), появляется ещё одно отношение по поводу эксплуатации рабочих, которое, как было сказано выше, неантагонистично. Это новое отношение при решении политических (классовых) задач нейтрализует отношения (4), делает возможным союз капиталистов против рабочих. Этот союз, естественно, направлен на сохранение закона эксплуатации, его основы — товарного производства. Союз капиталистов качественно уступает союзу рабочего класса. В союзе капиталистов двум неантагонистическим отношениям противостоит одно антагонистическое отношение и одно отношение безразличия, а в союзе рабочих двум неантагонистическим отношениям противостоит одно отношение безразличия. Правда, мы здесь отвлеклись от антагонистического отношения (4) между рабочими на рынке труда в период продажи

себя капиталистам. Но, даже с учётом этого фактора, союз рабочих более качественный, чем союз капиталистов, так как отношения (4) между рабочими действуют частично, а между капиталистами постоянно. Отношения между классом капиталистов и рабочим классом не уравновешены, развиваются в пользу пролетарского движения. Капиталисты хотят сохранить отношение (19), а рабочие, напротив, стремятся уничтожить его. Если ограничиться рассмотрением непосредственно капиталистического отношения (19) между пролетариями и капиталистами, то невозможно понять, почему рабочее дело должно победить, почему рабочий класс наиболее прогрессивный. Преимущество союза рабочих по отношению к союзу капиталистов заключается в отрицании товарного отношения между рабочими в явном виде (4) внутри капиталистического предприятия. Но этому фактору рабочие обязаны себе не больше, чем капиталистам. Капиталист не может эксплуатировать рабочих должным образом, не уничтожая между ними антагонистического отношения (4). Это различие между союзом рабочего класса и классом капиталистов создаёт преимущество первого над последним. В классовой борьбе верх берёт тот, кто более качественно сплочён и внутренне наименее антагонистичен. Пролетарское движение прогрессивно потому, что оно порождено необходимостью отрицания антагонистических отношений капитализма, т.е. товарных (9), (10), (4) и собственно капиталистических (15)...(18) отношений. Поэтому пролетарское движение может прогрессировать в той степени, в какой способствует своей исходной основе — отрицанию товарных и собственно капиталистических отношений. Собственно капиталистические отношения качественно тождественны государственным отношениям. Государственные органы были бы невозможны, не служили бы господствующему классу, если бы государственные отношения качественно не совпадали с отношениями капитализма (рабства, феодализма). Сущность пролетарского движения сводится, таким образом, к отрицанию товара и государства. Основоположники научного коммунизма были величайшими выразителями интересов рабочего класса, его движения. Их вывод, что социализм есть отрицание товара и государства, есть единственно правильный вывод. Этот вывод составляет вершину научного предвидения, до которой никто не поднимался. Величайшие умы в стремлении разрешить социальное зло искали решение в промежутке между товаром и государством, между частной и государственной собственностью, включая обе крайности — только частная или только государственная собственность. Но никто до Маркса и Энгельса не поднялся до заключения, что разрешение социального зла находится вне данного промежутка, т.е. в уничтожении товара и государства. Любые доводы, ставящие под сомнение выводы основоположников научного коммунизма, направлены против пролетарского движения, льют воду на мельницу буржуазии, эксплуататоров сегодняшних или будущих.

Отрицание товара есть отрицание частной собственности. Но не всякое отрицание товара есть утверждение общественной собственности. Так, между рабочими внутри капиталистического предприятия отсутствует непосредственный эквивалентный обмен (1), а следовательно, отношения (4). Это есть признак того, что рабочие не являются собственниками средств производства и производимых ими материальных благ. Капиталистическое отрицание частной собственности не ведёт к утверждению общественной собственности, хотя такое стремление внутри рабочих оно порождает. В то же время, капиталистическое отрицание частной собственности есть высшая форма первичного отрицания частной собственности в рамках классового господства. Поэтому пролетариат, завоевавший государственную власть, логически продолжает первичное отрицание, доводя его до крайности, превращая основные средства производства в социалистическую государственную собственность, за которой возникает необходимость утверждения общественной собственности. Социалистическая государственная собственность отрицает не только отношения (4) между рабочими, но и отношения (19) между рабочими и административными работниками.

Переход от капиталистической собственности к социалистической государственной собственности на средства производства выражается не только в количественных изменениях, но и в качественных. Количественные изменения заключаются в том, что, если при капитализме первичное отрицание частной собственности (товара) осуществляется, скажем, для 90% людей, то при социалистической государственной собственности такое отрицание имеет место для всех людей. Эти количественные изменения вызывают необходимость качественных изменений — уничтожения отношений (19) между рабочими и администрацией. Однако, полное первичное отрицание частной собственности не тождественно утверждению общественной собственности. Осознать этот факт сегодня крайне важно. Это было важно и вчера и позавчера. Но после вчерашних промахов и заблуждений оставалось время на размышления. С каждым днём цена ошибок делается всё больше. Сегодня она катастрофически высока.

Примерно 50 лет назад в СССР закончилось первичное отрицание частной собственности в основном, утвердилась в городе и деревне социалистическая государственная (колхозно-кооперативная) собственность. Эти величайшие достижения в деле строительства социализма были переоценены, в

результате чего частичное решение Великой задачи социализма было преподнесено за полное её решение. В документах партии и государства были сделаны выводы о построении социализма в СССР в основном, о водворении его экономического фундамента. Первичное отрицание частной собственности в условиях диктатуры пролетариата, т.е. социалистическая государственная собственность была отождествлена с общественной собственностью. И такая крайняя неустойчивая действительность, со всеми тенденциями и закономерностями, стала называться социализмом, а все её конкретные проявления выдаваться за социалистические, — если они позитивные; за родимые пятна капитализма, — если они социально-негативные. Целью общественной науки стало объяснение использования закономерностей данной реальности, а не изменение их. Главная задача партии о продолжении революционного преобразования действительности была, по существу, снята с повестки дня. В этих условиях развивалась общественная мысль, в частности, политэкономическая. Учёные не могли не заметить, что ряд предсказанных основоположниками закономерностей не выполнялся реально, по крайней мере, в такой форме, как хотелось бы, что есть тенденции нарушений этих предсказанных закономерностей. Эти реальные закономерности с их отражением в той или иной форме в мозгу учёных служили и служат основанием для пересмотра положений марксизма-ленинизма. Но те же учёные не могли и не могут не замечать существования тенденции закрепления, защиты социалистических идеалов, целесообразности и возможности рождения экономических законов социализма. А эти факторы как бы подтверждали справедливость высказываний основоположников научного коммунизма. В зависимости от характера и полноты восприятия учёные делились на различные группы. Например, специалисты по политической экономии разделились на «товарников» и «антитоварников». Те учёные, которые, главным образом, замечают и отдают предпочтение тенденциям воспроизводства (сохранения) товарных отношений из-за наличия отношений (9) и (10) стоят на позициях адекватности товарно-денежных отношений сущности социализма. Те учёные, которые упор делают на тенденцию отрицания товара из-за отрицания отношений конкуренции (4) и эксплуатации (19), полагают, что сущность товарных отношений противоположна сущности социализма. Есть ещё третья группа учёных, которая стоит одновременно на позициях «товарников» и «антитоварников». Эти взгляды явились исходным теоретическим фундаментом для выработки конкретных рекомендаций по формам, структурам развития хозяйства страны. Так, «товарники», справедливо полагая, что всеобщее отрицание товарного производства в рамках государства чрезвычайно слабо стимулирует развитие производства, эффективность индивидуального общественного труда, исключает рачительное отношение индивидуумов к средствам производства (7), рекомендует осуществить полный хозрасчёт на основе стоимостных (товарных) отношений. Свои рекомендации «товарники» чаще всего обосновывают ссылками на необходимость хозяйственной самостоятельности. Позицию «товарников» можно понять. Политическая система социализма, ограничивающая систему буржуазных производственных отношений, лишает всех лиц хозяйственной самостоятельности. Эту действительность улавливают «товарники», выдавая её за введение общественной собственности. Данная действительность неотложно требует восстановления хозяйственной самостоятельности. Но так как «товарники» не знают, как осуществить хозяйственную самостоятельность по социалистически, т.е. для всех — они призывают оживить буржуазные отношения. Но нетрудно догадаться, что расширение хозяйственной самостоятельности предприятий на основе стоимостных отношений (9) и (10) ведёт к оживлению отношений (4). А совокупность отношений (9), (10) и (4) с учётом существования (15)...(18) диктует необходимость оживления отношений эксплуатации (19), в рамках которой самостоятельность получают 10%, остальные превращаются в рабов. В условиях стоимостных отношений (9), (10), (4) и отношений господства и подчинения (15)...(18) директор предприятия объективно заинтересован в рачительном отношении к средствам производства тогда и только тогда и в той мере, когда и в какой мере узаконивается закон эксплуатации, необходимость экономического закона эксплуатации получает юридическое признание. Полный хозрасчёт на основе стоимостных отношений одновременно есть полный капитализм.

«Антитоварники», справедливо полагая, что КПСС, пока она руководит политической и хозяйственной жизнью нашей страны, не допустит узаконивания эксплуатации в открытой форме, оживления отношений (19), что расширение хозяйственной самостоятельности предприятий (читай — руководителей предприятий) без оживления отношений эксплуатации будет способствовать разбазариванию государственных средств производства, образованию различных порочных кругов из хозяйственных дельцов, предлагают укрепить централизованное начало, планировать и жёстко контролировать выпуск всех видов продукции, сузить хозяйственную самостоятельность директоров предприятий.

Образно говоря, «товарники», во имя куска хлеба, предлагают поступиться частично или полностью политическими завоеваниями, конечным итогом которых на сегодняшний день является социалистическая государственная собственность. «Нетоварники» согласны ходить голодными лишь бы не уступить политических завоеваний.

Третья группа учёных («умеренные» или «середняки»), справедливо полагая, что любой полный уклон в сторону «товарников» или «нетоварников» равнозначен гибели политических завоеваний, предлагают определённые меры и нормы первичной централизации и хозяйственной самостоятельности. Эту тенденцию один из её сторонников описал формулой: всемерное ограничение и всемерное развитие товарно-денежных отношений. Данная группа учёных, в отличие от «товарников» и «антитоварников», предлагает медленную смерть политическим завоеваниям социализма.

«Товарники» предлагают хозяйственную самостоятельность для 10% и рабство для 90%, «нетоварники» хотят сделать всех равноправными путём превращения их в рабов непонятного им органа (государства). Государство в их воззрениях обожествляется, одухотворяется, становится воплощением добросовестности, добропорядочности, общественного разума.

«Середняки» предлагают умеренно оживлять и ограничивать условия всякого рабства, расточительства. Если бы великий шут Шико был жив сегодня, он изобразил бы деятельность середняков словами:

«Я навыпускал кучу указов против расточительства, если их мало, я выпущу новые и буду их множить и множить, пока они не возымеют своего действия. Коли он недостаточно хороши, пусть их, по крайней мере, будет много».

Что же касается чисто экономической задачи — превзойти наиболее развитые капиталистические страны по уровню производительности, эффективности труда, её нельзя решить, находясь в рамках упомянутых выше точек зрения. Максимум, что можно сделать — это догнать, приблизиться к передовым капиталистическим странам. Но это при условии, что будет избран путь «товарников». Теоретически такая задача решается весьма просто. Одну из схем решения этой задачи предлагает Г.Кулагин («Простор для маневра», «Правда», 7 июля 1985 года). Мысли, изложенные Кулагиным, давно вынашиваются «товарниками» и сводятся к следующему:

- а) контроль над ценами, одна часть которых устанавливается центральным органом, а другая часть — нижестоящими организациями;
- б) долю прибыли в цене определять пропорционально «только затратам живого труда производителя»;
- в) твёрдый и однозначный порядок распределения прибыли «на долю, изымаемую у предприятия и долю, остающуюся в его распоряжении»;
- г) «Фонд материального стимулирования ... должен стать ... главным источником повышения доходов трудящихся»;
- д) «превратить центральные органы из директивных и контролирующих органов в подлинно хозрасчётные, в деловых партнёров производства».

Здесь автор, хотя он не пользуется категориями политической экономии, изложил экономическую суть государственного капитализма. Пункт а), будучи данью центральной власти, указывает одновременно на необходимость оживления (4) и (1). Пункт б) утверждает о необходимости сохранения частной собственности, товарного производства. Действительно, зависимость доходов только от живого труда означает независимость доходов от затрат овеществлённого труда. А так как труд различных производителей увязывается, главным образом (по крайней мере, так было до сих пор), посредством его овеществления, общественный характер труда (9) проявляется через овеществление труда, то пункт б) констатирует не что иное, как непризнание общественного характера труда, а, в связи с этим — утверждение частной формы присвоения.

В пункте в) предлагается оживить антагонистические отношения. Наличие пункта в) является необходимым условием воспроизводства отношений (2) и (19). Пункт г) вместе с пунктом в) оживляют отношения (2) и (19). Пункт д) вместе с остальными кладёт начало возврата к капитализму через государственный капитализм.

Возникает вопрос, чья позиция из упомянутых групп учёных наиболее разумна? К этому вопросу можно подойти логически и исторически. Если исходить из исторической целесообразности, повышения эффективности труда без дальнейших революционных преобразований в экономических отношениях, то позиция «товарников» наиболее сильна, разумна. Если учитывать, главным образом, политические завоевания, не упуская из виду возможность революционных преобразований в экономике, то позиция «антитоварников» наиболее разумна. Если исходить из двух критериев одновременно, то позиция

«середняков» выглядит наиболее мудрой. Это логически. А история, хотим мы того или нет, учитывает как то, что мы знаем, так и то, что мы не знаем.

В период борьбы рабочего класса и крестьянства за политическое господство против помещиков и капиталистов происходило созревание идеи свержения буржуазного общества в целом. Самым естественным было отвергать всё буржуазное, а иногда даже то, что было создано гением человека в условиях буржуазного общества. Сразу после победы Великой Октябрьской социалистической революции тенденция первичного отрицания буржуазного общества достигла кульминационной точки, она не могла не впасть в крайность: мгновенное отрицание всего, что свойственно буржуазному обществу. «Сначала разрушить весь мир насилия до основания, а затем...». Эта мысль красива, но наивна. Ничего нельзя разрушать, не создавая тут же нечто вместо старого, — иначе неминуема гибель. С таким же успехом эту мысль можно выразить с противоположной стороны: «сначала создать, а затем разрушить». Но и эта крайность невозможна. Именно в это время господствовала позиция «антитоварников», и она была наиболее разумна. Эта позиция, в немалой степени, послужила обоснованием военного (казарменного) коммунизма. В.И. Ленин вступил в борьбу с самой красивой стороной пролетарского движения, предложил использовать товарно-денежные отношения. В.И. Ленин нашёл политический компромисс между господством рабочего класса и буржуазным базисом, который в истории известен под названием НЭП. В период НЭПа уклон был сделан в сторону «товарников». Их позиция становилась наиболее разумной. В борьбе между двумя течениями стали вырастать золотые «середняки». В создавшихся условиях «середняки», действительно, оказались золотыми. Им мы обязаны многим. При всей их кажущейся беспринципности, двойственности, они оказались наиболее дальновидными в среде трёх групп учёных. Однако, после нэповского периода «середняки» были ещё грудными. В тридцатые годы «антитоварники» вновь взяли верх, а, заодно, новый стимул для роста получили «середняки». И.В. Сталин был в основном «середняк» с небольшим уклоном в сторону «нетоварников». После смерти И.В. Сталина «товарники» заметно оживились. В этот период борьба между «товарниками» и «нетоварниками» сделала господствующей позицию «середняков». Экономические эксперименты и реформы стали модой. Однако тупиковая ситуация, которая создалась вместе с укреплением позиции «середняков», не могла не рождать мысли, идеи, ставящие под сомнение концепции всех групп учёных. Рождению новых веяний способствовали решения XX съезда КПСС, первичная критика культа личности на съезде, Октябрьский (1964) Пленум ЦК КПСС — вторичная критика культа личности, Июньский (1983) Пленум ЦК КПСС. Новые веяния оживились под влиянием отрезвляющих высказываний Ю.В. Андропова, который с большевистской честностью восстал против тупиковой политики. Ю.В. Андропов в мыслях оставался «середняком», но с желанием высвободиться, выйти из тупика. Андропов, как политический деятель, объявил борьбу косности и робости. Пожалуй, Андропов был первый генсек, который применил ленинское положение о самокритике полностью, обоюдоостро, а не односторонне. Такая коммунистическая принципиальность Андропова проявилась, в частности, в его речи на Июньском (1983) Пленуме ЦК КПСС, где он признал, что мы не знаем, как следует, законы того общества, в котором живём. Из этого признания вытекал следующий отрезвляющий вывод: если мы не знаем, как следует, законы общества, в котором живём, то мы не знаем, на каком этапе развития мы находимся, не знаем, какое общество построили. Этим самым открыто были поставлены под сомнение ранее данные оценки достижениям в деле строительства социализма.

Тупиковая политика одновременно рождала и другую крайность — политику капитуляции. Кое-кто готов был выбросить из научного коммунизма третий (количественный) критерий построения социализма. Первые два критерия (качественные) — отрицание товара и государства были отвергнуты «товарниками» и «государственниками». Третий критерий (количественный) — значительное превосходство социализма над развитыми капиталистическими странами по уровню производительности общественного труда — пытались снять некоторые представители «середняков». Политика «середняков» из высшей мудрости — политики самосохранения для решения социалистических задач — превратилась в высшую нелепость — в политику вечного самосохранения, самобахвальства, самооправдания. Тупиковая политика пытается снять лозунг: догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по уровню экономического развития, производительности труда. Принятие такой политики на практике было бы равнозначно идеологическому и политическому поражению КПСС. Отрицание количественного критерия существования социализма отвергнуто на Апрельском (1985) Пленуме ЦК КПСС.

Отрицание позиции «середняков» сделало необходимым отрицание позиции «товарников» и «нетоварников» («государственников»), т.е. восстановление марксизма-ленинизма не деле, а не на словах. Ибо ясно, что если вновь в качестве теоретического компаса будут взяты «социалистические»

теории «товарников» и «государственников», то, в конечном счёте, вернёмся к тупиковой политике. Разве что на этот раз «товарники», пользуясь тупиковой ситуацией, одержат верх, осуществят политику возврата к капитализму. Во всяком случае, эта победа «товарников» будет временной. Близорукости буржуазного способа мышления не свойственно видеть процессы, сколь-нибудь отдалённые от его собственных интересов. Близорукий буржуа видит, что сохраняющиеся товарно-денежные отношения «обуржуазивают» советских людей и не видит другое, что позитивные достижения в деле строительства социализма создают существенно дополнительные условия созревания революционной ситуации, что рабочий класс, завоевавший право стать хозяином, должен стать таковым на деле — экономически. Близорукий буржуа не видит ту политическую силу, которая дремлет в недрах советского народа, но которой ежедневно противостоит и которую ослабляет коммунистическая партия. Эта сила проснётся в двух случаях. В первом случае, когда руководство партии, осознав и признав действительность таковой, какая она есть, нацелит партию, рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенцию на решительное продолжение строительства социализма. Тогда дремлющие сегодня силы проснутся и будут направлены по пути созидания. Во втором случае, когда руководство партии, допустив возможную, но не обязательно неизбежную ошибку, станет на путь товарников без кавычек. И тогда рабочий класс, почувствовав смертельную опасность, обрушится на своих врагов [и сметёт с политической сцены СССР руководство партии — ХВ].

Политика «середняков» — это политика государственного управления товарно-денежными отношениями, сочетания государственного плана с товарными отношениями, сознательного использования закона стоимости для решения насущных задач общества. Данная политика привела к такому «тупиковому» состоянию, когда общественные задачи невозможно решать прежними средствами, когда нужны не мелкие экономические реформы, а крупные политические мероприятия. Политика «середняков» способствовала постепенному созреванию понимания необходимости дальнейших революционных преобразований в экономике. Но нельзя закрывать глаза и на то, что объективная реальность и политика «середняков» способствовали созреванию контрреволюционных мыслей по оживлению буржуазных отношений.

Коммунистам необходимо осознать и признать открыто два факта современной нашей действительности.

Первый факт. Социализм, его экономический фундамент ещё не водворён. Наши основные достижения в деле строительства социализма заключаются в укреплении социалистической государственной собственности на основные средства производства. Вторая Программа партии выполнена не полностью.

Второй факт. Партия, допустив ошибку в оценке реальности, серьёзно ослабила свои созидательные функции в решении основной задачи социализма, его строительства и сконцентрировала своё внимание по донкихотовски на научно-техническом прогрессе, формировании коммунистической идеологии и морали, на защите завоеваний социализма от внутренних и внешних врагов. В связи с этим, партия допустила, и не могла не допустить, серьёзные искажения ленинских норм партийной жизни. Партия не смогла воспротивиться уничтожению кадров, мирилась с высокомерным толкованием творений К.Маркса, Ф.Энгельса и В.И.Ленина, способствовала развитию культа генсеков ЦК КПСС, чем принижала как роль ЦК, так и всей партии.

Всё это, с учётом падения темпов экономического развития, сравнительной отсталости экономики СССР от экономик наиболее развитых капиталистических стран, невыполнение предсказанного основоположниками научного коммунизма положения о решающем преимуществе социализма перед капитализмом в деле стимулирования и развития производительных сил, поставило под угрозу существование коммунистической идеологии, доверия к социализму. Для того, чтобы устранить эту опасность и доказать, на что способен социализм, необходимо признать основной наш недостаток — недостроенность социализма. Наши успехи и недостатки — это одновременно и успехи и недостатки коммунистического движения во всём мире.

В связи с осознанием и признанием современной нашей действительности такой, какая она есть, необходимо

Б) Разработать программу дальнейшего строительства социализма — низшей фазы коммунизма.

Необходимо, прежде всего, поставить заслон от посягательства всевозможных любителей лёгкой наживы, политической и научной славы на положения марксизма-ленинизма. Любители лёгкой наживы в науке и политике действуют по принципу: разрешать проблемы строительства социализма, его

совершенствования путём снятия их с повестки дня и выдавать подобное деячество за творческое развитие марксизма-ленинизма.

Критерием движения к социализму и его существования, согласно марксизму, является реальное (а не ожидаемое) уничтожение буржуазных отношений, что кратко расшифровывается так: конструктивное (революционное) отрицание товара и государства, при котором темпы развития эффективности общественного труда растут непрерывно, достигая невозможного для капитализма уровня. Отрицание марксистско-ленинского критерия (признака) движения к коммунизму в сколь угодно «незначительной» форме есть, в конечном счёте, отрицание научного коммунизма в целом. Сегодня марксизм отрицается в основном двумя приёмами. Согласно первому — марксизму приписывается близорукость: как будто К.Маркс и Ф.Энгельс не смогли предвидеть необходимость сохранения товара и государства при социализме. Согласно второму приёму, марксизму приписывается дальновзоркость: хотя К.Маркс и Ф.Энгельс не могли предвидеть необходимость сохранения товарно-денежных отношений при социализме, но их выводы справедливы для коммунизма. С помощью первого приёма марксизм, как наука, отрицается, так как его основные положения о социализме конструктивно не используются. А с помощью второго приёма марксизм, как флаг, поддерживается и признаётся. Эти приёмы, вольно или невольно, проповедают точку зрения, согласно которой социализм по своей сути ближе к буржуазному обществу, нежели к коммунизму.

Основоположники марксизма-ленинизма давали различные краткие формулировки (определения) социализма, его строительства. Это

- 1) уничтожение буржуазной действительности;
- 2) приведение присвоения в соответствие с общественным характером производства;
- 3) переход от частной капиталистической собственности на средства производства к государственной, а от последней — к общественной собственности.

Какую бы формулировку мы не пытались реализовать на практике, рано или поздно вынуждены будем сделать вывод о необходимости конструктивного отрицания товара и государства.

Сегодня мы знаем лучше, как осуществить переход от социалистической государственной собственности к общественной, как разрешить проблемы хозяйственного расчёта, хозяйственной самостоятельности, инициативы, управления, планирования на основе некапиталистических (нетоварных и негосударственных) отношений. Но прежде, чем говорить о функционировании социалистического базиса, необходимо понять сущность самого базиса, переход к нему, способ водворения его.

Сущность великих достижений в деле общественного прогресса, строительства социализма заключается в отрицании отношений (4) и (10). Но на том месте общественного производства, где отрицаются отношения (4) и (10) должны (и это объективно необходимо) функционировать экономические отношения. Наша партийная пропаганда совершенно правильно указывает, что на месте (4) и (10) должны царствовать прямо противоположные отношения — отношения сотрудничества и взаимопомощи. Эти отношения называются коллективистскими. А иногда, желая отличить социалистический коллективизм от буржуазного, говорят о подлинно коллективистских отношениях. Руководство партии и государства нередко идёт на то, чтобы оживить хозяйственную самостоятельность в надежде, что хозяйственная инициатива будет реализовываться на основе сотрудничества, взаимопомощи, подлинно коллективистских отношений. Но, в действительности, на поверхность начинают выступать отношения (4) и (19). И тогда, чтобы не растерять социалистические завоевания, приходится «закручивать гайки» посильнее.

Для того, чтобы оживить хозяйственную инициативу всех работников от рядового рабочего до министра, не воспроизводя антагонистические отношения (4) и (19), необходимо дальнейшее, вторичное отрицание буржуазного экономического базиса. Первичное отрицание сводится к «безвозмездному», насильственному зажиму отношений (4) и (19). Но «безвозмездное» отрицание объективно недопустимо (мир не терпит пустоты). И тем не менее, такое отрицание на пути к социализму объективно необходимо. Компромисс между необходимостью «безвозмездного» отрицания и невозможностью такого отрицания выражается в замораживании товарно-денежных отношений, в отрицании частной собственности на средства производства для каждого в отдельности. Этот компромисс необходим и является временным явлением. Такой компромисс, в силу экономической нецелесообразности, не может долго существовать.

Вторичное отрицание буржуазного экономического базиса связано с отрицанием отношений безразличия (10) между рабочими одной бригады, различных бригад, цехов, предприятий, министерств и отношений независимости всевозможных руководителей от руководимых ими работников.

Исторический опыт рабства, феодализма, капитализма подсказывает, как осуществить полное первичное отрицание товарных отношений (частной собственности). Исторический опыт борьбы пролетариата с капитализмом, возникновения коммунистических партий, история КПСС учат, как провести вторичное отрицание частной собственности (то есть первичное отрицание государственной собственности). Отношения (10) уничтожаются там и тогда, где и когда утверждаются отношения (9). Там, где между лицами отсутствуют отношения (9), не возникает необходимость отрицания отношений (10). Точно так же отношения (16) уничтожаются между теми лицами, между которыми имеют место отношения (18). После выяснения, где и когда уничтожаются отношения (10) и (16), надо понять, как уничтожаются эти отношения. Отношения безразличия (10) уничтожаются в соответствии с фундаментальными отношениями (9), определяющими общественную природу средств производства. Отношения безразличия по производству общественно необходимых затрат заменяются неантагонистическими отношениями типа (9). Напомним, что отношения (9) возникают по поводу производства потребительных благ, потребительной стоимости. Само собой разумеется, что пока политическая экономия не осознает и не признает роль потребительной стоимости, она будет беспомощна в решении основной задачи социализма, не в состоянии понять ни необходимость вторичного отрицания товара, ни способ его отрицания.

Для того, чтобы осуществить преобразование (10) адекватно (9), необходимо ввести соответствующие экономические связи между интересами различных производителей. Отношения односторонней независимости (16) по управлению (по производству управления) общественным производством отрицаются адекватно отношениям (18). Для этой цели необходимо ввести соответствующие экономические (а в дальнейшем и другие формы) зависимости интересов руководителей от интересов руководимых ими коллективов.

Товарники без кавычек тоже предлагают отрицание односторонней зависимости. Только не (16) в соответствии с (18), а (15) в соответствии с (16). Товарники меру хозяйственной самостоятельности определяют мерой отрицания жёсткой односторонней зависимости (15), предлагают установить «деловые отношения» между предприятиями и централизованными государственными органами, то есть ввести хозрасчётные отношения на основе стоимости, оживить отношения (4). На первый взгляд, «деловые отношения» между предприятиями (читай: директорами предприятий) и центральными органами (читай: министрами и их замами) легко установить. Но это — наивность, с которой, как правило, не расстаётся мелкий буржуа. Действительно, если преобразовать отношения (15) в соответствии с (16), то совокупность (15) и (16) будет адекватна отношениям безразличия (10), а совокупность (17) и (18) — адекватна (9). Следовательно, вся совокупность классовых отношений сводится к их простейшим — товарным отношениям. Буржуазные отношения без отношений эксплуатации — вот мечта наших товарников. Но об этом мечтает каждый мелкий буржуа, над которым висит дамоклов меч — опасность оказаться завтра пролетарием. Полное отрицание отношений (15) в соответствии с (16), как бы об этом не мечтали наши товарники, невозможно осуществить. Это приведёт к отрицанию всякой формы управления, включая низшую, государственную форму, к полной анархии. Поэтому «деловые отношения» между директорами предприятий и министрами в действительности окажутся отношениями бездельников по делению прибылей между собой. Но для того, чтобы центральные органы вместе с директорами эксплуатировали рабочих, необходимо в рамках отношений (15) и (16) снять ограничения на заработную плату. Для этой цели товарники недвусмысленно выходят к высшим инстанциям с предложением снять ограничения на размеры поощрений. Заметим, что товарник закрывает глаза на господство отношений (15) и (16) внутри предприятия между директорами и его подчинёнными. «Деловые отношения» предлагают установить между предприятиями и центральными государственными учреждениями. Нетрудно заметить в этой политике товарников стремление выделить директоров предприятий и министров в особый господствующий класс, мечту лиц, рвущихся к власти.

После того, как будет осуществлено отрицание (10) и (16) в соответствии с (9) и (18), переход от государственной собственности к общественной собственности станет не только реально возможным, но и будет частично совершён. На месте отношений (4) и (19) появятся именно те отношения сотрудничества и взаимопомощи, которые составляют вековую мечту тружеников. Родится новый экономический закон, который займёт место закона стоимости, закона конкуренции и закона прибавочной стоимости (эксплуатации). Вместе с реализацией экономического закона социализма на практике немедленно начинают проявляться экономические преимущества по отношению к капитализму в деле стимулирования личного и общественного труда. Социалистическая экономическая клеточка постепенно набирает силу, а набирая силу, создаёт своё собственное управление производством, адекватную надстройку, рождает заинтересованность работать на других в невиданных размерах. Заинтересованность работать на себя диалектически переходит в заинтересованность работать

на других. Доля забот о самом себе непрерывно уменьшается. Индивидуальность при этом не только не исчезает, а напротив, проявляется значительно сильнее. До сих пор в условиях товарного производства главным стимулятором проявления индивидуальности был сам индивид. Остальные лица, в зависимости от конкретных условий относились или безразлично, или препятствовали проявлению индивидуальности, или содействовали в меру собственных интересов. Теперь, в условиях функционирования экономической клеточки социализма, каждый индивид содействует выявлению и развитию индивидуальностей других лиц. Но для решения этой задачи саморазвитие становится ещё более необходимым. Соревнование будет происходить уже не по принципу: больше урвать, меньше отдать (свойство товарного производства), а по принципу: больше отдать, меньше взять (свойство социалистического производства).

Конечно, обывателю, находящемуся в плену товарных и государственных отношений не только материально, но и идеально, нравственно, разговоры о высшей нравственности коммунистического (социалистического) образа жизни, кажутся наивными, пустыми утопиями. Для обывателя понятие «человек» совпадает с совокупностью товарных и государственных отношений. Обыватель после очередной беседы на тему о высокой морали делает заключение: что не делай, какую систему не вводи, а человек останется человеком. Обыватель любит злорадствовать над «товарником» и «нетоварником» («государственниками»). Практический ум обывателя богаче теоретического ума «товарников» и «государственников», пытающихся совершенствовать человеческое общество, воспитывать людей в духе коммунизма на основе товарных и государственных отношений. Обыватель, хотя он, как правило, не читает теории «товарников» и «государственников», реальность, сущность которой определяется товарно-денежными и государственными отношениями, объясняет весьма просто: тянуть всё для себя и под себя — есть человеческий закон. Неудачи «товарников» и «государственников» в получении социалистических последствий из несоциалистических начал выступают в качестве новых подтверждений взглядов обывателей. Обыватель — основная опора товарников и государственников (без кавычек). Хотя обыватель в своей массе по существу может ненавидеть политику товарников и государственников, он ежедневно укрепляет их идеологические позиции.

Для того, чтобы иметь успех на идеологическом фронте, коммунистам надо вести борьбу с обывателем. Но борьбу необходимо вести конструктивно: место отрицаемого отношения и связи должно заполняться утверждаемыми отношениями и связями, позиции «товарников» и «государственников» должны быть подвергнуты научной критике, нужно последовательно вводить социалистические экономические отношения.

Так как переход на социалистические экономические рельсы ещё не завершён, то программа партии должна предусматривать использование законов диктатуры пролетариата. Как известно, задача диктатуры пролетариата — уничтожение капиталистической системы, создание и водворение социалистической системы. Целью определяется характер системы диктатуры пролетариата. Она не может не опираться как на законы старой системы, так и на социалистические цели рабочего класса, как на законы. В переходный период диктатура пролетариата решительно подавляет все попытки децентрализации общественного производства, то есть отрицает позиции «товарников», опираясь на позиции «нетоварников». Этим диктатура пролетариата спасает «товарников» от превращения в идеологов буржуазии. А для того, чтобы идеология «нетоварников» («государственников») не превратилась в идеологию монархистов, диктатура пролетариата ведёт беспощадную против любых злоупотреблений членов руководящих (центральных) органов.

Сегодня такая борьба ведётся, но ведётся слабо, к тому же под предлогом налаживания дисциплины. Дисциплина, безусловно, необходима, но не всякая, а пролетарская. Одним словом, диктатура пролетариата сначала должна взять быка за рога: заморозить действие закона конкуренции, его проявление в различных формах. Для того, чтобы сменить буржуазную систему законов на социалистическую систему законов, необходимо максимально парализовать действие первой системы законов на людей, которым предстоит совершить этот переход. Это очень нелёгкая, но необходимая задача. Парализация закона конкуренции есть отрицание отношений (4) и (19), которые вызваны в жизнь отношениями (9), (10), (15)...(18).

Наивность «нетоварников» заключается в том, что они видят в государственной централизации средств производства, госплане, госценах устранение закона конкуренции вообще. В действительности, всё это ведёт не к уничтожению конкуренции вообще, а к уничтожению одной из форм её проявления. Государственная централизация средств производства при сохранении товарных отношений уничтожает (существенно ограничивает) конкуренцию производителей по производству необходимых продуктов потребления высшего качества с наименьшими затратами и активизирует конкуренцию по добыванию наивысших должностей с наименьшими затратами, конкуренцию в искусстве угодничества и

восхваления должностных лиц, способствует быстрому развитию культа должностных лиц. Между лицами, желающими занять определённую должность, возникает соперничество. В рамках государственной власти желающих занять определённую доходную должность всегда значительно больше, чем число должностей данного вида. В условиях функционирования закона стоимости этот факт значительно усиливает официально признанную власть (15) и (16), то есть власть того, от кого зависит решение вопроса, кому занимать ту или иную должность. Постоянное превышение спроса на должности над предложением непрерывно повышает цены на должности, способствует развитию культа должностных лиц. В условиях господства фундаментальных условий товарного производства (9) и (10) экономические интересы, вопреки всем запретам, не могут быть ограничены отношениями (1). Однако заметим, что запреты бывают не результатом злого умысла, волюнтаризма, а ходом объективного развития. Тот факт, что кто-то может навязать обществу «глупенькие», волюнтаристские решения, является, в действительности, лишь одним из возможных следствий развития самих законов. Государственный чиновник лишён юридически того, что экономически обусловлено. С политэкономической точки зрения государственный чиновник владеет занимаемой должностью как частной собственностью, а юридически он лишён такого владения. Для государственного чиновника занимаемая им должность столько же признаётся, сколько отрицается. Государственный чиновник экономически хозяин занимаемой должности, а юридически не имеет такого права. Капиталист, в отличие от государственного чиновника, — и хозяин занимаемой должности, и имеет право быть хозяином. Поэтому капиталист заинтересован в экономическом использовании всех производительных сил, включая рабочую силу. Капиталист оценивает рабочую силу непосредственно с «деловой» стороны, насколько тот или иной работник может выполнять производительные функции и развивать отношения (17) и (18). От этих «деловых» качеств зависит прирост прибыли. Поэтому капиталист назначает на должности исходя из «деловых» отношений (17) и (18). Капиталист может закрыть глаза на многие недостатки специалиста, если только последний способствует развитию его производства. Государственный чиновник при назначении того или иного лица на должность исходит из деловых отношений в последнюю очередь. Но оба исходят из своих личных интересов. Однако интересы капиталиста прямо связаны с производством, а интересы государственного чиновника — со взяткой в той или иной форме. И капиталист берёт «взятку» — прибавочную стоимость. Однако величина этой «взятки» очень сильно колеблется в зависимости от эффективности производства. А взятка государственного чиновника не связана с эффективностью производства государственного аппарата.

В условиях, когда основные средства производства централизованы в рамках социалистического государства, когда сохраняются фундаментальные связи товарного производства, когда закон прибавочной стоимости и отрицается (политически) и утверждается (экономически), когда единственной формой материальной заинтересованности руководителей в повышении эффективности общественного труда является наличие прибавочной стоимости, когда есть экономическая возможность присваивать её и когда нет такого права, — деловые отношения, объективно, оказываются на последнем месте (для коммунистов эти отношения субъективно могут быть на первом месте). Деловые отношения касаются должностных лиц в меру требовательности вышестоящих инстанций. По мере удаления от непосредственного производства должностные лица всё дальше уходят от деловой стороны, всё больше тратят слов о делах. И это не случайно. Экономические интересы директоров, министров официально удовлетворяются не в соответствии с законами товарного производства: прямо пропорционально львиной доли прибылей предприятий. Поэтому вышестоящие руководители при выдвижении тех или иных лиц на должности, исходя из собственных экономических интересов, слабо учитывают или вообще не учитывают интересы общественного производства. В этих условиях развивается сильнейший культ должностных лиц, славословие, взяточничество, коллективный обман общества (круговая порука), махровый бюрократизм. В условиях господства товарных и государственных отношений (9), (10), (15) и (16) для получения должности надо что-то дать руководителю взамен, кроме дела, так как дело — на последнем месте. Вышестоящий руководитель даёт должность (повышенный оклад, премию и т.п.). А что может дать подчинённый или будущий подчинённый? Это, собственно, их дело. Здесь нам безразлично, как осуществляется конкретно сделка (разнообразных способов много). Одно верно: каждый раз при попытке изменить жизненные условия в положительном направлении имеет место тенденция дать или взять взятку. Взятка, осуждаемая со времени рабства, является классовым отношением. В настоящее время взятка выступает в следующих основных формах:

- 1) дача денег, ценных подарков, главным образом, одноразового разрешения отношений (15) и (16);
- 2) славословие, угодничество, подхалимство в условиях непрерывного разрешения (15) и (16);
- 3) взаимное покрытие недостатков, результатом которого является огромный ущерб.

Для нашей коммунистической морали наиболее опасны первые две формы, а для экономики — последние две формы взяточничества. Все три формы взаимосвязаны.

Взятка — это компромисс между экономической обусловленностью эксплуатации и политическим её запретом.

Диктатура пролетариата государственным образом централизует средства производства, парализует экономическую заинтересованность руководителей в повышении эффективности труда и, тем самым, усиливает тенденцию взяточничества. Для того, чтобы воспрепятствовать этим негативным явлениям, необходимо на руководящие органы выдвигать людей, способных на самопожертвование, беспощадно подавлять любые стремления руководителей использовать служебное положение в личных интересах или интересах родственников. Любые преступления должностных лиц и, в особенности, преследование за критику или зажим критики, должны рассматриваться как преступления, направленные против строительства социализма, т.е. как политические преступления. По поведению руководителей люди судят о нашей власти, партии.

Диктатура пролетариата — явление временное. Она либо царствует, строя социализм и, как диктат, отмирая, либо погибает в результате контрреволюционных действий или собственных заблуждений, не достигнув цели.

Диктатура пролетариата есть единственное общественное орудие, способное перевести общество из состояния классовых отношений в состояние без антагонистических отношений. Диктатура пролетариата не может не опираться на законы буржуазного общества и таким образом напоминать государство, не может не опираться на цели социализма, как на законы и таким образом отрицать государство. Диктатура пролетариата по мере строительства экономического фундамента социализма, отрицания товарных отношений, опирается на экономические законы социализма, отмирает как государство.

Мы, коммунисты, признаём марксизм-ленинизм нашим единственно верным идеологическим оружием. Но учение о диктатуре пролетариата, как известно, составляет центральное место в марксизме-ленинизме. Отношение к диктатуре пролетариата определяет отношение к марксизму-ленинизму в целом. Партия, не поднявшаяся до признания и защиты идей диктатуры пролетариата, не является коммунистической, не способна возглавить и направить классовую борьбу пролетариата по пути преобразования буржуазного общества в коммунистическое.

В) Создать инициативную научно-исследовательскую группу по решению основной задачи социализма

В настоящее время огромная армия научных работников (философов, экономистов, социологов, юристов и т.д.), занимающаяся общественным знанием, рассеяна по изолированным группам, каждая из которых вновь распадается, в свою очередь, на изолированные единицы, пока изоляция не достигает отдельных работников. Между научными работниками царствует разделение труда, узкий профессионализм. Вся основная структура организации научных работников, стремящихся воплотить в жизнь идеалы коммунизма, подчинена духу разделения труда — основе всякого рабства. Централизация управления научными работниками основана на принципе: разделяй и управляй. Способ действия, существования научных работников вступает в противоречие с их целью, что препятствует достижению последней. Развитие науки об обществе сильно затормаживается, решение Великой задачи социализма, несмотря на возрастающее количество научных публикаций, изысканий снимается, по существу, с повестки дня.

Все, вроде бы все, занимаются решением основной задачи социализма, но занимаются частями, изолированно. И именно поэтому никто ни в отдельности, ни в совокупности не занимается решением основной задачи социализма.

Необходимо, и с этим нельзя медлить, создать уже сегодня инициативную, научно-исследовательскую группу по решению основной задачи социализма. В группу должны входить научные работники из самых различных направлений, признающие её задачу.

Организационно группа должна воспрепятствовать духу разделения труда, исходить из принципа объединения. Разработка различных форм объединений, их реализация являются целью группы и средством её достижения. Чем быстрее группа будет совершенствоваться организационно, тем быстрее она будет решать научно основную задачу социализма. Кому, как не самим научным работникам, пропагандирующим идеи коммунизма, надо на своём примере показать, как нужно на практике соединяться (экономически, организационно, психологически, ...), чтобы добиваться наилучших результатов.

Группа должна быть так организована, чтобы каждый её член был довооружён знаниями других, оперировал ими, как своими. При этих условиях данная группа будет в состоянии осмысливать, оценивать, перерабатывать, интегрировать результаты развития общественной науки в совокупности с естествознанием и практикой строительства социализма.

Коллективный разум буржуазного общества, обусловленный его базисом, всегда слабее разума самого слабого его представителя. Поэтому членам буржуазно организованного коллектива более целесообразно следовать разуму одного какого-либо его представителя, пусть самого неразумного, нежели коллективному разуму. Подобное присвоение коллективу разума одного его представителя, следование ему осуществляется с помощью низшей формы управления, которая характеризуется наличием системы отношений (9), (10), (15) и (16). При низшей (государственной) форме управления член коллектива, воля и разум которого определяют направление действия коллектива, называется главным (господином, барином, хозяином, рабовладельцем, феодалом, капиталистом, царём, президентом, начальником, ...). В таком коллективе родилась известная поговорка: ты начальник — я никто, я начальник — ты никто. Максимум, что может быть достигнуто в буржуазном обществе — это назначение на центральные должности наиболее одарённых людей из числа разделяющих буржуазные интересы. Это предполагает свободу перемещений людей (свободную вариацию распределения рабочей силы). А это, в свою очередь, предполагает свободную конкуренцию, свободу слова, печати, критики, выборную систему. Собственно, в этой относительной свободе заключается преимущество капитализма по отношению к феодализму. При капитализме выбирают не только центральные органы, но и рабочих и капиталистов. Но рабочие внутри капиталистических предприятий уже не выбирают директоров.

Для того, чтобы решения центральных органов не ставились под сомнение, главное лицо объявляется весьма способным (даже если оно — посредственное). Славословие (а оно, как правило, тем сильнее, чем больше принимается глупых решений) становится необходимым условием проведения решения центрального органа в жизнь. При капитализме правящая партия славословит, а оппозиционная партия сквернословит. Одним словом, в буржуазном обществе самое лучшее, что можно достигнуть — это сделать коллектив столь же разумным, как самый разумный его представитель.

Принципиальное различие социалистического коллектива заключается в том, что он, независимо от того, кто является в данный момент «главным» лицом, превосходит по своим умственным потенциям самого разумного своего представителя. В социалистическом коллективе понятие «центра» не только не исключается, но значительно расширяется. Центральной фигурой в каждый момент времени является наиболее разумный его представитель по данному конкретному вопросу. «Центр» непрерывно перемещается. Во-первых, организующий «центр» непрерывно усиливается за счёт наиболее подготовленных представителей «периферии». А наиболее слабые звенья в «периферии» усиливаются столь же непрерывно лицами, получившими большой опыт организации, соединения сил в «центре». Это по форме есть продолжение буржуазной (лучшей до социализма) формы демократии. А по содержанию данная форма значительно богаче, чем буржуазная. В буржуазной демократии вся суть, весь положительный смысл заключается в движении «вверх» по служебной лестнице. Это движение рассматривается как поощрение, доверие. А движение «вниз» по служебной лестнице, напротив, представляется как наказание, уменьшение доверия. В социалистическом коллективе движение «вниз» столь же необходимо и желательно, сколь движение «вверх». Это трудно осознать тем, кто не понял, почему товар и социализм — несовместимые понятия, чей разум пленён бюрократической системой, кто мечтает о том, как продвинуться ему «вверх» по служебной лестнице и кто со страхом смотрит на возможность спуска «вниз», как на смерть. В такой ситуации, конечно, человеку ложь иногда более предпочтительна, нежели истина.

Инициативная научно-исследовательская группа должна решать основную задачу социализма теоретически для всей страны и практически — для себя. Инициативная группа организационно подчиняется ЦК КПСС, а идейно — революционной необходимости, т.е. той реальной тенденции, которая диктует необходимость революционных преобразований. Группа изучает, анализирует действительность объективно и всесторонне, отдаёт должное всем тенденциям развития. Но независимо от соотношения сил члены группы идейно подчиняются революционной необходимости, защищают и отстаивают её. Члены группы, не подчинившиеся организационно ЦК КПСС, идейно — революционной необходимости, выходят из состава группы.

Все остальные теоретические и идейные разногласия внутри группы решаются сравнительно свободно без применения драконовских мер. Если теоретические разногласия внутри группы по какой либо причине не могут быть разрешены в рамках самой группы и члены группы не могут прийти к общему мнению, то необходимо расширить круг участников дискуссии. Последней инстанцией такого расширения является публикация противоположных точек зрения и их обсуждение в рабочих

коллективах с последующим высказыванием рабочими своего отношения (открыто и тайно). Если и после этого противники не приходят к общему мнению, дискуссия прекращается до тех пор, пока не появятся новые аргументы у противников. В период прекращения дискуссии никто из членов группы не имеет права выступать публично по дискуссионным вопросам.

Одной из целей группы является теоретическая разработка условий коллективного мозга. Решение этой задачи будет продвигаться тем успешнее, чем лучше на практике члены группы сумеют объединиться в соответствии со своей целью.

Итак, необходимо осуществить три мероприятия:

- 1) признать действительность таковой, какая она есть — коммунистическая политика, полусоциалистическая надстройка, буржуазные экономические отношения; признать, что третью Программу КПСС мы не выполнили в намеченные сроки потому, что её исходная посылка о выполнении второй Программы партии о построении социализма неверна;
- 2) разработать план дальнейшего строительства социализма, его экономического фундамента;
- 3) начинать действовать.

Короче, признать необходимость действия в направлении коммунизма, разработать план действия и начинать действовать. Без этих мероприятий мы будем продолжать искать решение конкретных социалистических задач там, в той области, где нет решения, наткаться каждый раз на нерешённость общей проблемы, не сделаем, как бы себя не обольщали, сколь-нибудь серьёзного шага в сторону коммунизма.

Тайком коммунизм не построить. Компромиссные политические решения, в которых признаётся и то, что социализм, по существу, надо достраивать, и то, что социализм (к тому же развитый) построен, ничего не дадут. Необходимо открыто признать, что строительство социализма не закончено, что наши недостатки, — хозяйственные, идеологические, политические, — являются следствием объективной реальности — недостроенности социализма и субъективного фактора — отказа признать объективную реальность. Этим признанием мы не только дадим дальнейший толчок прогрессивным преобразованиям, но избежим дальнейшего опошления идеалов социализма, значительно ослабим позиции наших идеологических противников. От решения этого вопроса зависит быть или не быть коммунизму.

Выступления, в которых ораторы уверяют, что в СССР построен социализм полностью, развитый социализм, следует рассматривать не только как очковитательские, но — и как идеологическую диверсию против коммунистической идеологии, против социализма и коммунизма. Защищать нашу действительность как полностью социалистическую — это значит опошлять социализм, приписывать ему свойства буржуазного общества, расхваливать буржуазные отношения с помощью различных прилагательных типа «социалистический товар», подрывать доверие к социализму и тайком протаскивать буржуазию на пьедестал почёта, — другими словами, сделать всё необходимое для ниспровержения социалистических политических завоеваний.

[А выступления, в которых ораторы уверяют, что социализм в СССР полностью и окончательно ещё не построен, в которых исследуются причины непостроенности социализма, пути его построения, следует рассматривать как очищение социализма от мелкобуржуазного опошления, как утверждение идей коммунизма, как истинно революционные выступления, помогающие человечеству вырваться из царства необходимости в царство свободы — ХВ].

Т.Г.Зураев